

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф. О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. Б.В. Яцеленко

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2021

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФЦ77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Dr. of Sciences, Prof. O.U. Ilina (*editor-in-chief*);
Dr. of Sciences, Prof., Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Dr. of Sciences N.A. Antonova;
Dr. of Sciences M.V. Baranova;
Dr. of Sciences A.G. Bezverkhov;
Dr. of Sciences A.A. Vorotnikov;
Dr. of Sciences B.A. Dzhandarbek;
Dr. of Sciences I.G. Dudko;
Dr. of Sciences A.I. Korobeev;
Dr. of Sciences, Prof. V.I. Kruss;
Dr. of Sciences A.N. Kuzbagarov;
Dr. of Sciences A. N. Levushkin;
Dr. of Sciences T.N. Mikheeva;
Dr. of Sciences Yu.A. Popova;
Dr. of Sciences B.V. Yatselenko

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Барткова О.Г.

О неправомерном бездействии публично-правового образования в сфере вещных и иных, связанных с ними правовых отношений.....7

Жуков Ф.Ф.

Правовой статус личных прижизненных фондов в гражданском праве: краткий очерк.....15

Ильина О.Ю.

О правах и обязанностях бабушек и дедушек в семейных правоотношениях с участием детей.....20

Козырева Е.В., Новикова Н.В.

К вопросу о системе критериев определения размера компенсации морального вреда.....29

Ординарцев И.И.

Ограничение в родительских правах как способ защиты прав и интересов ребенка и родителей.....34

Актуальные вопросы публичного права

Антонова Н.А.

Контроль как одна из правовых форм осуществления функций демократического государства.....40

Голенко Д.В.

Структурирование Особенной части уголовного закона (на примере Уголовного кодекса Франции).....46

Латыпова Н.С.

Особенности организации местного самоуправления в США и Германии: возможности рецепции.....53

Макеева И.В.

Предмет и пределы доказывания по уголовному делу.....60

Синяева М.И., Левченко А.И.

Добровольный отказ как институт исключения уголовной ответственности в общей и особенной частях Уголовного кодекса Российской Федерации.....68

Столярова З.Н.

Об административно-правовом регулировании в сфере внешней миграции.....74

Туманова Л.В.

Ориентиры Европейского Суда в вопросах уважения частной и семейной жизни.....83

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Васильчук Ю.В., Самухина О.В.

К вопросу о возложении обязанности по ликвидации несанкционированных свалок твердых коммунальных отходов.....90
Жукова О.В.

Пересмотр судебных решений по административным делам, принятых в порядке упрощенного производства.....99
Любовенко Е.С.

Институт медиации в России: основные проблемы и перспективы развития.....106
Секераж Т.Н.

О применении специальных знаний при исследовании показаний в уголовном судопроизводстве.....112
Субботин Ю.Б.

Система управления рисками как стратегия выборочности таможенного контроля декларируемых товаров.....119
Сухарев А.Н.

О «правовых пробелах» в регулировании оказания жилищно-коммунальных услуг в коттеджных поселках.....123
Юстус О.И.

Правовые основы для разрешения вопроса о взыскании налогов с законных представителей налогоплательщиков, не достигших совершеннолетия.....131

Вопросы истории государства и права

Смирнов С.Н.

К вопросу о развитии правовой базы деятельности Тверского государственного университета в 2009 – 2021 гг.138

Проблемы организации учебного процесса

Огаркова Н.О.

Формирование общепрофессиональной компетенции ОПК-6 у обучающихся по специальности «Таможенное дело» в процессе освоения дисциплины «Использование автоматизированных систем в статистике».....147
Сапронова Т.П.

О дополнении содержания рабочей программы по дисциплине «Правоведение».....151

Трибуна молодого ученого

Мохов А.Ю.

О влиянии глобализации на правовое обеспечение продовольственной безопасности России.....155

CONTENT

Topical issues of private law

<i>Bartkova O.</i> About illegal inaction of public legal formation in the sphere of things and other related legal relations.....	7
<i>Zhukov F.</i> Legal status of personal lifetime funds in civil law: a brief outline.....	15
<i>Ilyina O.</i> On the rights and obligations of grandmys and grandfathes in family relationship with children.....	20
<i>Kozyreva E., Novikova N.</i> To the question about the system of criteria for determining the size of moral harm compensation.....	29
<i>Ordinartsev I.</i> Restriction of parental rights as a way to protected the rights and interests of the child and parents.....	34

Topical issues of public law

<i>Antonova N.</i> Control as one of the legal forms of exercising the functions of a democratic state.....	40
<i>Golenko D.</i> Structuring a special part criminal law (on the example of the France criminal code).....	46
<i>Latypova N.</i> Features of the organization of local self-government in the USA and Germany: reception opportunities.....	53
<i>Makeeva I.</i> Subject and limits of proof in criminal case.....	60
<i>Sinyaeva M., Levchenko A.</i> Voluntary refusal as an institute for the exclusion of criminal liability in the general and special parts of the Criminal code of the Russian Federation.....	68
<i>Stolyarova Z.</i> On administrative and legal regulation in the field of external migration....	74
<i>Tumanova L.</i> References of the European Court in respect for private and family life.....	83

Topical issues of science and law enforcement practice

<i>Vasilchuk Yu., Samukhina O.</i> To the question of implementation of the obligation to eliminate unauthorized dump of solid communal waste.....	90
---	----

Zhukova O.

Review of court decisions on administrative cases accepted in the order of simplified production.....99

Lyubovenko E.

Institute of mediation in Russia: main problems and development prospects.....106

Sekerazh T.

About the application of special knowledge in the study of testimony in criminal proceedings.....112

Subbotin Y.

Risk management system as a selection strategy for customs control of declared goods.....119

Sukharev A.

On "legal gaps" in the regulation of the provision of housing and communal services in cottage villages.....123

Yustus O.

Legal basis for resolving the issue of collecting taxes from legal representatives of taxpayers who have not reached the age of majority.....131

Issues of state history and law

Smirnov S.

On the development of the legal framework for Tver State University`s management in 2009–2021.....138

Problems of organization of the educational process

Ogarkova N.

Formation of general professional competence of the OPK-6 among students in the specialty «Customs» in the process of mastering the discipline «Use of automated systems in statistics».....147

Sapronova T.

On supplementing the issues of the working program on the discipline "Jurisprudence".....151

Tribune of young scientist

Mokhov A.

On the impact of globalization on legal support of food security in Russia.....155

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.91

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.4.007

О НЕПРАВОМЕРНОМ БЕЗДЕЙСТВИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ ВЕЩНЫХ И ИНЫХ, СВЯЗАННЫХ С НИМИ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

О.Г. Барткова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Исследуется неправомерное бездействие как одна из форм поведения публично-правового образования, которое может повлечь за собой правовые последствия различной отраслевой принадлежности, включая и гражданско-правовые. Автор акцентирует внимание на последствиях негативного характера такого поведения, прежде всего, в сфере вещных отношений. Указаны наиболее типичные вредоносные последствия. Обосновывается, что такие последствия могут складываться как в сфере имущественных прав иных участников гражданского оборота (частных лиц), так и конкретного публично-правового образования. Неправомерное бездействие рассматривается как результат неосуществления (неисполнения) публично-правовым образованием (его соответствующими органами) государственных и муниципальных функций. Негативное значение бездействия публично-правового образования в сфере вещных отношений влияет также на механизм реализации субъективных гражданских прав, создавая препятствия в их осуществлении и, как правило, ведет к причинению вреда, что подтверждается примерами из судебной практики.

Ключевые слова: *неправомерное поведение, бездействие, публично-правовые образования, государственные и муниципальные органы, государственные и муниципальные функции, право собственности, вещные отношения, публичная собственность, управление государственной и муниципальной собственностью, частная собственность, разграничение собственности, юридические последствия, вред, ответственность, бесхозяйное имущество.*

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) термин «бездействие» мы обнаруживаем в пятнадцати статьях. Так, в части первой ГК РФ [1] – это 10 фрагментов, из которых только один непосредственно относится к теме исследования. Речь идет о ст. 16 ГК РФ, в которой закреплено базовое положение о возмещении убытков, причиненных государственными органами и органами местного самоуправления гражданину или юридическому лицу. Такие убытки должны быть результатом поведения государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов,

выступающего в форме действия или бездействия. При этом законодатель не перечисляет все виды такого поведения, что вполне оправданно ввиду многообразия самих органов, их компетенций, полномочий. При этом прямо названа лишь одна категория поведения – издание не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления. Но может ли издание акта указанными органами вовсе, в нарушение требований закона, иного правового акта охватываться положениями этой нормы? Полагаем, что ответ может быть положительный, если мы используем аналогию закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ).

Все остальные фрагменты в первой части ГК РФ о бездействии относятся, как правило, к поведению юридических лиц, их участников, учредителей, собственников, органов, кредиторов и др.

Во второй части ГК РФ термин «бездействие» упоминается 4 раза, из которых один случай, характеризующий поведение подрядчика (п. 4 ст. 723 ГК РФ), а остальные три относятся к обязательствам вследствие причинения вреда и помещены в гл. 59 ГК РФ. Из них в большей степени нас интересует ст. 1069 ГК РФ, предусматривающая правила о специальном деликте – условия ответственности за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами. Исходя из закрепленных в ст. 2 ГК РФ категорий субъектов гражданского права, речь идет, таким образом, о поведении какого-либо публично-правового образования (далее – ППО), бездействие которого при осуществлении им деятельности в сфере публичного права, причинило вред имуществу или личности иного (иных) участников гражданского оборота (или создало угрозу причинения такого вреда). В сфере вещных правоотношений такого рода действия и бездействия также могут иметь место. Две другие статьи в гл. 59 ГК РФ, где упоминается термин «бездействие», – ст. 1081 ГК РФ (о праве регресса к лицу, причинившему вред) и ст. 1099 ГК РФ (общие положения о компенсации морального вреда), прямого отношения к теме не имеют. Наконец, в части третьей ГК РФ бездействие упоминается один раз (речь идет о бездействии исполнителя завещания), а в части четвертой ГК РФ – ни разу.

При этом, характеризуя бездействие как форму поведения ППО применительно к сфере вещных отношений, следует учитывать следующее:

1. Отсутствие термина «бездействие» непосредственно в тексте статьи ГК РФ, содержащей ту или иную правовую норму, еще не означает возможность толкования поведения, деятельности субъекта как проявляющихся исключительно в форме действия. Термин «поведение», «деятельность» в любом случае охватывает и бездействие (если только законом прямо не предусмотрено понимание их исключительно как активного поведения – действия). Из этого положения автор исходит и в

ходе анализа применяемых далее иных законов и нормативно-правовых актов.

2. Неправомерное бездействие следует отличать от правомерного бездействия ППО.

3. Следует различать поведение ППО как стороны в гражданско-правовых отношениях, в том числе и в вещных, основанных на юридическом равенстве, и поведение ППО, органы которого, реализуя свою публично-властную компетенцию, осуществляют определенные государственные (муниципальные) функции, включая контроль и надзор за определенными сферами, оказание содействия в реализации имущественных и личных неимущественных прав физических и юридических лиц.

Бездействие ППО как обладателя права собственности (самого типичного для него вещного права), может проявляться, например, в следующем: неосуществление в качестве обязательных для него как публичного собственника действий по учету имущества, по его инвентаризации, в частности, согласно Постановлению Правительства РФ от 16.07.2007 г. № 447 (ред. от 29.07.2020 г.) «О совершенствовании учета федерального имущества», Закону Тверской области от 09.04.2002 г. № 23-ЗО (ред. от 10.12.2018 г.) «Об управлении государственным имуществом Тверской области» (касательно Тверской области, как собственника имущества).

При этом особенностью этих правовых норм в отношении ППО как собственника является то, что они закреплены не только в ГК РФ, но и в актах публичного права, учитывая то, что объекты, принадлежащие на праве собственности ППО, относятся к публичной собственности. В отношении таких объектов ППО осуществляет правомочия собственника по владению, пользованию и распоряжению таким имуществом через реализацию функций по управлению государственным имуществом. Под таковыми применительно к федеральному имуществу, например, согласно подп. «г» п. 2 Указа Президента РФ от 09.03.2004 г. № 314 (ред. от 20.11.2020 г.) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» понимается осуществление полномочий собственника в отношении федерального имущества, в том числе переданного федеральным государственным унитарным предприятиям, федеральным казенным предприятиям и государственным учреждениям, подведомственным федеральному агентству, а также управление находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ. Важно учитывать и то, что право собственности определенным ППО должно осуществляться в строго в определенных целях, предусмотренных законами, в интересах как правильно неопределенного круга лиц, составляющих либо все население России или субъекта РФ, либо населения муниципального образования, либо прямо указанной в законе категории лиц, а в определенных случаях и в

интересах будущих поколений. Более глубоко и полно следовало бы анализировать эти требования, обратившись к Конституции РФ (ст. 36, 40, 42) и к федеральным законам, определяющим режим отдельных видов недвижимого и движимого имущества как объектов публичной собственности. Специальные требования содержатся в государственной программе Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 316 (ред. от 04.10.2021 г.), в Распоряжении Правительства РФ от 12.10.2020 г. № 2645-р «Об утверждении методики определения критериев оптимальности состава государственного и муниципального имущества и показателей эффективности управления и распоряжения им», в бюджетных законах РФ. В каждом из субъектов РФ и в муниципальных образованиях приняты и действуют аналогичные нормативно-правовые акты.

Таким образом, всякое бездействие публичного собственника в отношении принадлежащего ему имущества нарушает нормы публичного права и может иметь своим результатом негативные правовые имущественные последствия для широкого круга физических и юридических лиц, местных сообществ, а не только самого ППО. Определенные вредоносные последствия могут наступать и для конкретных частных лиц, когда ППО, например, не принимает меры к выявлению бесхозного имущества, к изъятию имущества, которое не может принадлежать частным лицам, не осуществляет контроль за соблюдением градостроительных и других подобных норм, что ведет к строительству самовольных построек, не осуществляет контроль за состоянием недвижимого и движимого имущества производственного и непроизводственного назначения, в процессе эксплуатации которых может быть причинен вред.

4. Для понимания форм и видов бездействия ППО, выработки соответствующих классификаций таких бездействий, в том числе в сфере вещных прав, следует иметь в виду, что к государственным (муниципальным) функциям относятся:

- 1) функции по принятию нормативных правовых актов (в том числе в сфере отношений собственности, вещных прав);
- 2) функции по контролю и надзору (включая и сферу вещных прав);
- 3) функции по управлению государственным имуществом (соответственно муниципальным имуществом);
- 4) функции по оказанию государственных (муниципальных) услуг (о них ниже).

Следовательно, неправомерным бездействием можно рассматривать неосуществление любой из этих функций ППО в лице соответствующего государственного или муниципального органа.

5. Одной из таких функций в сфере публичного права является оказание государственных (соответственно муниципальных) услуг.

Такого рода услуги согласно ст. 1 Федерального закона от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» рассматриваются как деятельность по реализации функций федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органа местного самоуправления (в том числе, в определенных законом случаях, при осуществлении им отдельных государственных полномочий). Если обратиться к Перечню типовых государственных и муниципальных услуг (всего в нем содержится 61 услуга), утвержденных Распоряжением Правительства РФ от 18.09.2019 г. № 2113-р (ред. от 02.06.2021 г.), то к теме исследования имеют отношения, в частности следующие услуги:

- выдача разрешения на ввод объекта в эксплуатацию;
- выдача градостроительного плана земельного участка;
- выдача разрешения на строительство объекта капитального строительства;
- предоставление разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка или объекта капитального строительства;
- выдача разрешения на использование земель или земельного участка, которые находятся в государственной или муниципальной собственности;
- предоставление в собственность, аренду, постоянное (бессрочное) пользование, безвозмездное пользование земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, без проведения торгов;
- предоставление земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, гражданину или юридическому лицу в собственность бесплатно;
- установление публичного сервитута;
- утверждение схемы расположения земельного участка или земельных участков на кадастровом плане территории;
- предварительное согласование предоставления земельного участка;
- передача в собственность граждан занимаемых ими жилых помещений жилищного фонда (приватизация жилищного фонда) и др.

Безусловно, важными в этой сфере являются и услуги по осуществлению государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав в соответствии с Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «О государственной регистрации недвижимости».

Поскольку порядок и стандарт предоставления государственной или муниципальной услуги закреплён в таких видах нормативных правовых актов как административные регламенты, то несоблюдение их, когда это выражается в неосуществлении активного поведения, уклонения от исполнения, будет рассматриваться как бездействие.

6. Особыми случаями бездействия является непередача (непринятие) соответствующим ППО имущества из федеральной собственности в собственность субъекта РФ или муниципальную собственность, из собственности субъекта РФ в федеральную собственность или муниципальную собственность, из муниципальной собственности в федеральную собственность или собственность субъекта РФ в соответствии с порядком разграничения государственной собственности в РФ на федеральную собственность, государственную собственность субъектов РФ и муниципальную собственность. Такой порядок определен Постановлением Верховного Суда РФ от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 (ред. от 24.12.1993 г.), Федеральным законом от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ (ред. от 28.06.2021 г.), Земельным кодексом РФ, Федеральным законом от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и другими федеральными законами и законами субъектов РФ.

Согласно пп. 9 п. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ разграничение государственной собственности на землю предполагает возникновение отношений между Российской Федерацией, субъектами РФ, муниципальными образованиями и не затрагивает интересы юридических и физических лиц частной формы собственности [5].

Исходя из абз. 16 ч. 11 ст. 154 Федерального закона от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ, к правоотношениям, возникающим при передаче имущества в соответствии с настоящей частью, нормы ГК РФ и Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», в том числе определяющие момент возникновения права о собственности на имущество, применяются в части, не противоречащей положениям настоящей статьи.

Примеров бездействия ППО в процедуре передачи указанных объектов достаточно много [2, 3, 4].

За рамками настоящего исследования пока остаются такие вопросы, как разграничение и соотношение гражданско-правовой и публично-правовой (конституционно-правовой) ответственности за бездействия ППО в вещных правоотношениях, а также определение точного места таких бездействий в системе юридических оснований гражданско-правовых отношений (ст. 12 ГК РФ).

При этом неправомерное бездействие ППО рассматривается нами как волевое поведение, направленное на определенный юридический эффект. Такие рассуждения полагаем обосновано строить и по аналогии с так называемыми отрицательными обязательствами, когда исполнение заключается в воздержании от определенных обязательств действий. Однако аналогия эта уместна с определенными оговорками, поскольку авторы, рассуждая о такого рода отрицательных обязательствах, имеют ввиду прежде всего правомерное поведение должника хотя бы и с отрицательным действием. В нашем исследовании это бездействие характеризуется как неправомерное.

Вопрос об юридических последствиях такого поведения ППО заслуживает отдельного рассмотрения. Однако в качестве самых типичных таких последствий могут выступать:

– вредоносные последствия в сфере государственного и муниципального управления, выражающиеся в нарушении конституционных основ, государственной и муниципальной политики в сфере публичной собственности, в снижении показателей эффективности использования публичной собственности и пр.,

– причинение вреда имуществу юридического лица (одного или нескольких), имуществу и личности физического лица (одного или нескольких);

– причинение вреда другому публично-правовому образованию, включая вред, выражающийся в возложении на него необоснованных расходов по содержанию имущества, которое должно быть принято другим ППО, но оно уклоняется от этого;

– вредоносные последствия для самого ППО как собственника, выражающиеся в утрате имущества, ухудшении его состояния и снижении стоимости по причине, например, неисполнения действий по учету, инвентаризации, охране имущества, по контролю за его использованием другими лицами - несобственниками;

– создание препятствий физическим, юридическим лицам и (или) другим ППО в реализации их прав и удовлетворении законных интересов .

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021 г., с изм. от 26.10.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 3 августа 2021 г. № Ф07-9500/2021 по делу № А05-6259/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 2 июля 2021 г. № Ф07-7381/2021 по делу № А56-133555/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 ноября 2020 г. № Ф07-12670/2020 по делу № А21-11436/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление ФАС Поволжского округа от 1 декабря 2009 г. по делу № А55-3785/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

БАРТКОВА Ольга Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 1716-9636; e-mail: bartkova_og@mail.ru

ABOUT ILLEGAL INACTION OF PUBLIC LEGAL FORMATION IN THE SPHERE OF THINGS AND OTHER RELATED LEGAL RELATIONS

O.G. Bartkova

Tver State University, Tver

The article examines unlawful inaction as one of the forms of behavior of public law formation, which can entail legal consequences of various industries, including civil law. The author focuses on the consequences of the negative nature of such behavior, primarily in the sphere of material relations. The most typical harmful consequences are indicated. It is substantiated that such consequences can develop both in the sphere of property rights of other participants in civil turnover (individuals), and in a specific public law entity. Unlawful inaction is considered as a result of non-fulfillment (non-fulfillment) by a public-law entity (its respective bodies) of state and municipal functions. The negative significance of the inaction of public law formation in the sphere of real relations also affects the mechanism for the implementation of subjective civil rights, creating obstacles in their implementation and, as a rule, leads to harm, which is confirmed by examples from judicial practice.

Keywords: *misconduct, inaction, public law formations, state and municipal authorities, state and municipal functions, property rights, property relations, public property, management of state and municipal property, private property, differentiation of property, legal consequences, harm, liability, ownerless property.*

About author:

BARTKOVA Olga – PhD in Law, associate professor of department of Civil Law Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), SPIN-код: 1716-9636; e-mail: bartkova_og@mail.ru

Барткова О.Г. О неправомерном бездействии публично-правового образования в сфере вещных и иных, связанных с ними правовых отношений // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 7–14.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЧНЫХ ПРИЖИЗНЕННЫХ ФОНДОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: КРАТКИЙ ОЧЕРК

Ф.Ф. Жуков

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Рассказывается о новеллах, вносимых в Гражданский кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 01.07.2021 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации», в части, касающейся личных прижизненных фондов. Оценивается обоснованность нововведения, ему дается краткая правовая характеристика, раскрывается его иностранное происхождение, обозначаются проблемы, которые могут возникнуть при введении в действие указанных норм.

Ключевые слова: унитарное юридическое лицо, фонд, личный фонд, траст, банкротство.

С 1 марта 2021 г. вступают в силу поправки к Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ), которые вводят в гражданский оборот новое понятие: личные фонды [3].

Личным фондам будет посвящен подпараграф 1.1 параграфа 7 главы 4 ГК РФ, содержащий 5 статей (ст. 123.20-4 – 123.20-8).

Необходимо отметить, что личные фонды в России были и ранее – наследственные («посмертные», ст. 123.20-1 – 123.20.4 ГК РФ). Любопытно, что, несмотря на трехлетний срок существования наследственных фондов, на дату написания настоящей статьи автору не удалось найти в открытых источниках, Едином государственном реестре юридических лиц [6] ни одного действующего наследственного фонда, равно как и судебной практики с участием наследственных фондов в картотеке арбитражных дел [8] и базе СПС «Консультант плюс». В этой связи острая необходимость развития в законе темы личных фондов может быть полезна только в контексте продолжения тренда на разделение личных фондов как институтов частного права и общественно полезных (например, благотворительных) фондов в качестве публично-правовых образований [5]. Вполне возможно, и общественно полезные фонды в России официально станут таковыми и исчезнут из ГК РФ.

Так или иначе, концепция разветвления продолжит развиваться: родовое понятие фондов теперь будет делиться на две ветви:

- 1 ветвь – личные фонды («прижизненные» и наследственные);
- 2 ветвь – общественно полезные фонды.

Обоснованность нововведений один из их разработчиков профессор П.В. Крашенинников объяснил в контексте того, что преимущество личных фондов в том, что учредитель может сам проконтролировать процесс создания фонда, отрегулировать его деятельность и минимизировать возможные риски [11].

Данные доводы представляются спорными. То же самое можно сказать про учреждение общества с ограниченной ответственностью или траста в том значении, которое ему придает глава 53 ГК РФ: создание корпоративного щита от кредиторов [13, с. 197–198]. Но в рамках настоящей статьи мы не будем давать оценку обоснованности введения новой организационно-правовой формы (для этого должно пройти какое-то количество времени, сформироваться правоприменительная практика), а проанализируем ее правовую природу и особенности законодательного регулирования.

С точки зрения сравнительного правоведения вводимый институт личного фонда новизны в частное право не вносит. Зарубежным правовым порядкам известна сходная с трастовой правовая конструкция передачи личных активов в личный фонд. Так, в странах континентальной Европы активно применяется модель *Stiftung* (нем. – фонд), например в Лихтенштейне [17] или Германии [16, S. 81-84], которая допускает многообразие задач, для которых созданы фонды: 1) удовлетворение личных нужд; 2) удовлетворение семейных нужд; 3) держание доли в уставном капитале хозяйственного общества; 4) смешанные формы [14].

Собственно, авторы законопроекта и не скрывали, что при подготовке ориентируются на *Stiftung*, что, впрочем, вполне соответствует тренду на ориентацию российского гражданского права на немецкое [9, с. 23–25; 10].

Новая редакция ГК личным фондом признает учрежденную на определенный срок либо бессрочно гражданином унитарную некоммерческую организацию, осуществляющую управление переданным ей этим гражданином имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления (п. 1 ст. 123.20-4 ГК РФ).

Ниже приведена краткая характеристика основных особенностей личного прижизненного фонда.

Учредитель вносит имущество в личный фонд при его создании. При этом фонду переходит право собственности на имущество. Учредитель, в свою очередь, утрачивает все права на переданное имущество.

Помимо учредителя никто не может вносить имущество в личный фонд.

Минимальная стоимость передаваемого имущества – 100 миллионов рублей.

Выгодоприобретателем фонда может быть как любое третье лицо, так и учредитель фонда, при этом на права выгодоприобретателя не может быть обращено взыскание.

Доходы от управления имуществом могут передаваться учредителю или оставаться у фонда.

Фонд вправе заниматься предпринимательской деятельностью, если это предусмотрено уставом фонда, и необходимой для достижения целей, определенных уставом. Для осуществления предпринимательской деятельности личный фонд вправе создавать хозяйственные общества или участвовать в них.

Как видно из указанных норм, законодатель сильно ограничил сферу действия личного фонда, поскольку фонд может быть создан только одним лицом.

При этом, анализируя указанные нормы (иммунитет имущественных требований выгодоприобретателя, разрешение фонду заниматься коммерческой деятельностью), «между строк» читается попытка «упаковать» активы обеспеченных людей так, чтобы защитить их от требований кредиторов.

В этой связи выглядит несколько непоследовательным решение взять только один вид Stiftung: если есть личный фонд, то рядом с ним должен находиться семейный фонд. Это было бы актуально, например, для обеспеченных семей: у семьи есть общий фонд, у отца семейства – свой фонд, у матери – свой и т.д., которые решают свои конкретные цели и задачи. При этом специфика семейных отношений (режим общего имущества супругов – ст. 256 ГК РФ, ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации), необходимость учета интересов детей позволили бы на уровне семьи не допускать вывода активов в фонд, например, перед расторжением брака и процедурой банкротства одного из супругов. Отметим, что наложение конструкции фонда на матрицу семейных отношений неизбежно, поскольку, как справедливо заметил О.Н. Замрий, отсутствие единого подхода в применении семейно-правовых и гражданско-правовых конструкций при разрешении имущественных споров между супругами (бывшими супругами), а также споров, затрагивающих интересы третьих лиц, совершающих сделки с одним из супругов (бывших супругов), объективно определяют необходимость совершенствования механизма правового регулирования данной области общественных отношений [7], т.е. синхронизация института семьи и прижизненного фонда неизбежна.

Банкротство учредителя фонда также может породить неоднозначные правовые последствия.

С одной стороны, имущество, переданное фонду, защищено иммунитетом п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ и, соответственно, не может быть передано в конкурсную массу по смыслу ч. 1 ст. 131 Федерального закона

от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [2].

С другой стороны, мыслима ситуация, при которой учреждение фонда и (или) передача имущества в фонд может быть оспорена в порядке ст. 61.1 Закона о банкротстве как сделка, направленная на вывод активов из-под притязаний со стороны кредиторов.

Данная позиция имеет право на существование, поскольку и в доктрине, и в судебной практике наметилась тенденция применения к решениям общих собраний положений о сделках [4; 12; 15] и дезавуирования корпоративных отношений как неких уникальных правоотношений, имеющих специфические предмет, метод и правовое регулирование.

Полагаем, нет никаких препятствий оспорить учреждение фонда и (или) передачу имущества в фонд и включить имущество, на которое право собственности фонда прекратилось, в конкурсную массу должника–учредителя фонда.

Вне зависимости от того, каким образом сложится судьба личного прижизненного фонда в России, мы, возможно, увидим новую интересную правоприменительную практику и предмет для дискуссий.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5115.
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 (дело ООО «Яна Тормыш») [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fa1a8013-835c-4160-be68-ecfdacbd3b0e/6a1b991d-b767-450b-a400-78fa8a0c3958/A65-3053-2019_20200611_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.11.2021).
5. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII–XIX, 1 – 715 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Единый государственный реестр юридических лиц [Электронный ресурс]. URL: <https://egrul.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 01.11.2021).
7. Замрий О.Н. Дисбаланс интересов супругов (бывших супругов) в имущественных отношениях как предпосылка реформирования семейного и гражданского законодательства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 4 (60). С. 28–34.
8. Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).

9. Крашенинников Е.А. Распорядительные сделки: сб. ст. памяти М.М. Агаркова / под ред. Е.А. Крашенинникова. Ярославль, 2007. 112 с.

10. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Принят закон о личных фондах для управления имуществом // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/51741/> (дата обращения: 01.11.2021).

12. Степанов Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам // СПС «КонсультантПлюс».

13. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. 456 с.

14. Частный фонд (Stiftung) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.winhell.com/ru/npo/stiftung.html> (дата обращения: 01.11.2021).

15. Чупрунов И.С. Отдельные проблемы реализации преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. 2020. № 6. // СПС «КонсультантПлюс».

16. Hinz M. Die Haltung der Stiftung Verbindlichkeiten des Stifters. Baden-Baden: Nomos, 1996.

17. Liechtenstein Company Law: Translation from the PGR update 1999 / Bryan Jeeves. 468 s.

Об авторе:

ЖУКОВ Федор Федорович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: fzhukov@yandex.ru

LEGAL STATUS OF PERSONAL LIFETIME FUNDS IN CIVIL LAW: A BRIEF OUTLINE

F.F. Zhukov

Tver State University, Tver

The article describes the novelties introduced into the Civil Code of the Russian Federation by Federal Law No. 287-FZ of 01.07.2021 "On Amendments to Parts One and Three of the Civil Code of the Russian Federation" a brief legal description is given, its foreign origin is revealed, problems that may arise when these norms are put into effect are indicated.

Keywords: unitary legal entity, foundation, personal fund, trust, bankruptcy.

About author:

ZHUKOV Fedor – PhD in Law, assistant professor at the department of civil law at Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), e-mail: fzhukov@yandex.ru

Жуков Ф.Ф. Правовой статус личных прижизненных фондов в гражданском праве: краткий очерк // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 15–19.

О ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ БАБУШЕК И ДЕДУШЕК В СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ С УЧАСТИЕМ ДЕТЕЙ

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор исследует положения семейного законодательства в части регулирования отношений между бабушками, дедушками и внуками. Устанавливается содержание права на общение и права на воспитание ребенка, соотношение права на участие в воспитании внука с преимущественным правом родителей. Акцентируется внимание на необходимости формализации отношений, связанных с пребыванием ребенка с бабушкой, дедушкой, в том числе и передачи некоторых полномочий родителей.

Ключевые слова: семейные правоотношения, право на воспитание, право на общение, бабушки и дедушки, ответственность за воспитание несовершеннолетнего.

Существует достаточно много примеров фольклорного творчества, демонстрирующих межпоколенные взаимоотношения в семье, в том числе и в сфере воспитания детей. Согласимся, что при определенной доле юмора так или иначе именно произведения народной культуры обеспечивают сохранение традиционных семейных ценностей, культ взаимного уважения и любви в семье. Следует признать и тот факт, что правовые аспекты взаимоотношений между членами семьи, как правило, «выходят на арену» при угрозе нарушения или уже при нарушении прав и интересов кого-либо из членов семьи, то есть при явном конфликте интересов, характер и обоснованность которого могут устанавливаться впоследствии в рамках судебного разбирательства.

Семейные правоотношения отличаются рядом особенностей, одна из которых заключается в специфике субъектного состава и оснований его формирования. Применительно к отношениям между родителями и детьми и к спорам, возникающим непосредственно между родителями ребенка, речь может идти только об одном правиле: права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке (ст. 47 Семейного кодекса Российской Федерации [1], далее – СК РФ). Более того, как следует из ст. 53 СК РФ, если родители ребенка не состоят в браке между собой, но отцовство установлено в предусмотренном законом порядке, то дети имеют такие же права и обязанности по отношению к родителям и их родственникам, как если бы они были рождены от мужчины и женщины, состоящих в браке между собой.

Нельзя оставить данную норму без дополнительного комментария. Учитывая, что в последнее время участились случаи записи в качестве единственного родителя ребенка отца, в связи с чем в графе «мать» ставится прочерк, приобретает особую актуальность и установление материнства. Заметим, что в отличие от отцовства, которое может быть установлено и в административном порядке в любой момент до достижения ребенком совершеннолетия, материнство может быть установлено только в судебном порядке.

Возвращаясь к заявленной теме настоящего исследования, акцентируем внимание на другом: бабушки и дедушки ребенка, то есть родители его матери и отца, приобретают все права и обязанности по отношению к внуку, предусмотренные законом, независимо от того, заключен ли брак между их детьми. Полагаем эту ремарку значимой, поскольку социальные и правовые аспекты в данной ситуации взаимообусловлены, ведь до рождения внука абсолютно никаких правоотношений между одним из супругов и родителями другого супруга (соответственно: теща и свекр, свекровь), а также между родителями каждого из супругов не возникает. При этом важно, чтобы родители каждого из супругов тоже имели «подтвержденный статус» родителей. И еще, как следует из ст. 55 СК РФ, расторжение брака родителей, признание брака родителей недействительным не влияет на права ребенка. Поскольку данная статья именуется как «Право ребенка на общение с родителями и другими родственниками», соотносим указанные юридические факты именно с правом на общение с бабушками и дедушками.

Обратимся к положениям семейного законодательства, так или иначе регулирующим отношения между бабушками, дедушками и внуками в сфере воспитания и содержания детей.

Иногда бабушки и дедушки приобретают такой социально-правовой статус, когда их ребенок, будучи несовершеннолетним, становится родителем. В соответствии со ст. 62 СК РФ ребенку несовершеннолетних родителей, не достигших возраста 16 лет, назначается опекун, который совместно с родителями ребенка осуществляет воспитание малыша. Примечательно, что до недавнего времени законодатель иным образом регламентировал такую ситуацию: ребенку «мог быть назначен» опекун. Как правило, именно бабушка несовершеннолетней матери назначается опекуном новоявленного внука, поскольку именно она фактически и занимается новорожденным. Поскольку в ст. 62 СК РФ предусмотрен срок полномочий опекуна, а именно до достижения несовершеннолетними родителями возраста 16 лет, то непосредственно о воспитании малыша вряд ли уместно здесь говорить. Скорее всего, в этот период участие опекуна заключается в осуществлении элементарного ухода и заботе о ребенке, что, однако, не исключает и решение юридических вопросов, например, дача согласия на

медицинское вмешательство. Подчеркнем, что ст. 62 СК РФ не предусматривает назначение именно бабушки (дедушки) опекуном ребенка несовершеннолетних родителей, не достигших возраста шестнадцати лет, но статистика свидетельствует о превалировании такой практики.

Мы уже упоминали ст. 55 СК РФ, согласно которой ребенок имеет право на общение с бабушками и дедушками, в том числе, если ребенок находится в экстремальной ситуации (задержание, арест, заключение под стражу, нахождение в медицинской организации и др.). Примечательно, что законодатель соотносит право ребенка на общение с бабушками и дедушками и право, соответственно, бабушек и дедушек на общение с ребенком (ст. 67 СК РФ).

Обратим внимание: в ст. 55 СК РФ речь идет обо всех родственниках, как впрочем и в п. 1 ст. 67 СК РФ. Специальный механизм защиты права на общение с ребенком предусмотрен только для близких родственников. В соответствии с п. 2, 3 данной статьи, если родители (один из них) отказывают близким родственникам в возможности общения с ребенком, то орган опеки и попечительства может обязать родителей (одного из них) перестать чинить какие-либо препятствия в общении. Можно лишь предположить примерный регламент процедуры разрешения возникших разногласий: близкие родственники ребенка должны зафиксировать наличие препятствий, установленных родителями (одним из них), в общении с ребенком, обратиться с соответствующим заявлением в орган опеки и попечительства. В свою очередь, орган опеки и попечительства, очевидно, каким-либо актом (предписание, предупреждение, постановление?) должен обязать родителей устранить препятствия в общении близких родственников с ребенком.

Если же родители ребенка (один из них) не выполняют решение органа опеки и попечительства, последний, а также непосредственно близкие родственники могут обратиться в суд с иском об устранении препятствий к общению с ребенком. Суд разрешает спор исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка.

Удивительно, но Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» хотя и относит исследуемый нами спор к категории споров, связанных с воспитанием детей, каких-либо разъяснений, связанных с рассмотрением споров между бабушкой, дедушкой и родителями (одним из них) ребенка по поводу общения с несовершеннолетним, не дает [4].

По нашему мнению, вполне закономерен вопрос о праве ребенка на обращение в суд за защитой своего субъективного права на общение с бабушкой, дедушкой.

В соответствии с п. 2 ст. 56 СК РФ ребенок может самостоятельно обратиться в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд, если родители (один из них) нарушают его законные права и интересы.

Безусловно, в удовлетворении иска бабушки, дедушки об устранении препятствий к общению с ребенком суд может отказать, в частности, если установит, что такое общение не соответствует или даже противоречит интересам ребенка, при этом по возможности будет учтено и мнение ребенка.

В то же время, если общение явно соответствует интересам ребенка, то и обращение непосредственно несовершеннолетнего может стать основанием для удовлетворения впоследствии иска об устранении препятствий к его общению с бабушкой, дедушкой.

Приведем в качестве примера решение Сычевского районного суда Смоленской области: после расторжения брака несовершеннолетний ребенок стал проживать с матерью, смена места жительства которой исключила возможность общения бабушки и дедушки со стороны отца несовершеннолетнего с внуком. Кроме того, мать детей заявляла о том, что оставлять ребенка с истцами (бабушка и дедушка) без своего присмотра не может, потому что они не вызывают у нее доверия. Поскольку судом не было установлено фактов негативного влияния бабушки и дедушки на внука, наоборот, они желают проводить с ним время и принимать участие в его жизни, суд утвердил порядок общения бабушки, дедушки с внуком, что также предполагает пребывание ребенка один раз в год в течение недели у истцов (день рождения бабушки) [8]. К сожалению, суд в своем решении не указал, что существующие препятствия нарушают право не только истцов, но и ребенка, с которым они хотят общаться, поскольку в ходе разбирательства было учтено мнение пятилетнего ребенка ответчицы.

Нельзя не отметить и то, что СК РФ не предусматривает конструкции соглашения родителей (одного из них) и бабушки, дедушки о порядке общения с ребенком. Необходимость в заключении такого соглашения явно присутствует при расторжении брака родителей, определении места жительства несовершеннолетнего с одним из родителей. Полагаем, что исходя из прямо предусмотренного СК РФ права ребенка на общение с бабушкой, дедушкой и, наоборот, права бабушки, дедушки на общение с внуком, такое соглашение целесообразно заключать исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка. Семейное законодательство не запрещает заключение так называемых непоименованных договоров, одним из которых как раз и является соглашение о порядке общения бабушки, дедушки с внуком. По нашему мнению, такое соглашение может быть заключено между родителями (одним из них, если ребенок проживает с одним из

родителей) и бабушкой, дедушкой (родителями одного из родителей несовершеннолетнего).

Воспитание ребенка, формы и способы воспитательного воздействия и другие аналогичные вопросы находятся в плоскости педагогики, в то же время однозначно можно утверждать, что общение с ребенком, причем общение в любой форме коммуникации, есть воспитательный процесс. В связи с этим, рассуждая о праве указанных субъектов на общение, мы предполагаем участие бабушки, дедушки в воспитании ребенка.

Именно в вопросах способов и методов воспитания ребенка, по нашему мнению, и могут возникать конфликты, порождающие установление со стороны родителей каких-либо препятствий к общению бабушки, дедушки с ребенком. Ведь именно родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами (п. 1 ст. 63 СК РФ).

Примечательно, но бабушки и дедушки имеют своеобразное право контролировать процесс осуществления родителями внука родительских прав и обращаться в органы опеки и попечительства или суд, если на то есть основания.

Так, согласно п. 3 ст. 73 СК РФ близкие родственники могут обратиться в суд с иском об ограничении родителей в родительских правах. О наличии оснований для лишения родительских прав бабушки, дедушки могут проинформировать орган опеки и попечительства, право на обращение непосредственно в суд может быть реализовано, если бабушка, дедушка назначены опекунами ребенка, то есть являются лицами, заменяющими родителей (ст. 69 СК РФ).

Однако, если в ходе судебного разбирательства будет установлено, например, негативное воспитательное воздействие бабушки, дедушки на внука, суд не может ни по своей инициативе, ни по заявлению родителей ребенка применить в отношении бабушки, дедушки какие-либо санкции, установить какие-либо запреты на общение.

Общение бабушки, дедушки и внука, как уже отмечалось, может происходить в различных формах и в течение достаточно продолжительного периода, например, во время летнего отдыха.

Для совместного передвижения по территории страны какое-либо согласие от родителей ребенка, по общему правилу, не требуется. Исключением является, например, согласие родителей ребенка, не достигшего возраста четырнадцати лет, на заселение в гостиницу во время путешествия с бабушкой, дедушкой [5]. Пункт 18 соответствующих Правил предполагает наличие согласия хотя бы одного из родителей несовершеннолетнего, при этом письменная форма не определена как нотариальная. Если же бабушка, дедушка и внук намерены выехать за пределы страны, то в соответствии со ст. 20 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и

въезда в Российскую Федерацию» [3] необходимо нотариально удостоверенное согласие хотя бы одного из родителей ребенка.

Обратим внимание, что в подобных ситуациях родители (один из них) дают согласие только на перемещение ребенка, на заселение в гостиницу и т.п., при этом все полномочия по воспитанию и представительству интересов ребенка остаются у его родителей как законных представителей. В частности, это особо определяется в ст. 22 указанного закона для ситуации пребывания несовершеннолетнего за пределами РФ: «Ответственность за жизнь и здоровье несовершеннолетних граждан Российской Федерации, выезжающих за пределы Российской Федерации, защита их прав и законных интересов за пределами территории Российской Федерации возлагаются на законных представителей несовершеннолетних» [3]. Именно поэтому важно в согласии на выезд ребенка за пределы страны указать, что сопровождающие его бабушка, дедушка могут решать неотложные вопросы, связанные с жизнью и здоровьем ребенка.

Самый сложный, по нашему мнению, вопрос, который может возникнуть в период пребывания ребенка с бабушкой, дедушкой, связан с добровольным информированным согласием на медицинское вмешательство. Иначе говоря, есть ли у бабушки, дедушки право давать соответствующее согласие или же, наоборот, отказываться дать такое согласие, если в период нахождения с ними внука, здоровью последнего угрожает опасность, при этом родители ребенка объективно не имеют возможности выразить свое согласие на медицинское вмешательство?

Заметим, что в ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2] в качестве субъекта назван один из родителей или иной законный представитель. Опять-таки, ни бабушка, ни дедушка не являются законными представителями ребенка, если только они не назначены опекунами несовершеннолетнего. Следовательно, при отсутствии переданных родителями полномочий дача согласия на медицинское вмешательство в отношении ребенка кем-либо невозможна. В юридической литературе есть обоснованные суждения о ненадлежащей степени заботы и ответственности за здоровье ребенка, о злоупотреблении родителями своими правами и фактическом совершении преступления против жизни или здоровья своего ребенка [6].

В настоящее время в Государственной Думе находится на рассмотрении законопроект № 1030390-7, предполагающий внесение изменений в СК РФ и законодательство об опеке и попечительстве [7]. Предполагается, что ст. 55 СК РФ будет дополнена нормой, предоставляющей ребенку право временно находиться у близких родственников, в том числе у бабушек и дедушек. Парадокс, но на сегодняшний день формальное нахождение ребенка у третьих лиц может быть расценено как отсутствие родительского попечения и основание для вмешательства органов опеки и попечительства. Вполне разумно, если и

на период пребывания ребенка у бабушки, дедушки последние будут наделены родителями ребенка отдельными полномочиями (заключать договоры в сфере дополнительного образования, давать согласие на медицинское вмешательство, получать результаты анализов и иную информацию о состоянии здоровья ребенка и даже просто забирать внука из детского сада).

Как видим, отношения, связанные с реализацией права на общение бабушек, дедушек и внуков, являются достаточно сложными и многогранными. Необходимо учитывать не только субъективное право бабушки, дедушки и внука на общение друг с другом, но и преимущественное право родителей на воспитание ребенка, интересы ребенка и мнение ребенка.

Кстати, помимо права на общение с внуками бабушки, дедушки имеют обязанность по предоставлению содержания (алиментов) внукам. В соответствии со ст. 94 СК РФ, если несовершеннолетний не может получать содержание от своих родителей, он может в судебном порядке требовать выплаты алиментов от бабушки, дедушки при наличии у них необходимых для этого средств. Более того, аналогичное право предоставлено и совершеннолетнему нетрудоспособному нуждающемуся внуку, если он не может получить алименты от своего супруга (супруги) или от родителей. Примечательно, но в данной ситуации возможно заключение соглашения об уплате алиментов (ст. 99 СК РФ). И в данной сфере семейных правоотношений мы тоже наблюдаем эффект зеркальности прав и обязанностей: согласно ст. 95 СК РФ при определенных обстоятельствах трудоспособные совершеннолетние внуки могут быть обязаны судом выплачивать алименты на содержание бабушки и дедушки.

Алиментная обязанность представляет собой единственную обязанность, которая может быть возложена на бабушек, дедушек и внуков. В сфере воспитания, очевидно, бабушки и дедушки априори должны следовать тем правилам, которые установлены для родителей в ст. 65 СК РФ: «родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей». Но только родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке. Призвание же бабушек и дедушек – любить своих внуков и принимать участие в их воспитании в случаях и пределах, установленных усмотрением родителей исходя из интересов детей.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Правила предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации, утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2020 г. № 1853 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Законопроект № 1030390-7 О внесении изменений в статью 55 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 13 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» (в части временного пребывания детей у дедушек, бабушек, совершеннолетних братьев, сестёр и других близких родственников) [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1030390-7#bh_histras
7. Решение № 2-75/2020 2-75/2020~М-47/2020 М-47/2020 от 20 мая 2020 г. по делу № 2-75/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5®ular-case_doc=2-75%2F2020+2-75%2F2020%7E%D0%9C-47%2F2020+%D0%9C-47%2F2020+%®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=20.05.2020®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=#searchResult (дата обращения: 10.11.21).
8. Дронова Ю.А., Туманова Л.В. Отказ родителей от медицинского вмешательства в отношении ребенка: право или преступление? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 58–59.

Об авторе:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8737-6386, e-mail: Ilina.OY@tversu.ru

**ON THE RIGHTS AND OBLIGATIONS OF GRANDMYS
AND GRANDFATHES IN FAMILY RELATIONSHIP
WITH CHILDREN**

O.Yu. Ilyina

Tver State University, Tver

The author examines the provisions of family law in terms of regulating relations between grandparents and grandchildren. The content of the right to communication and the right to upbringing a child, the correlation of the right to participate in the upbringing of a grandson with the priority right of parents is established. Attention is focused on the need to formalize relations associated with the stay of a child with a grandmother, grandfather, including the transfer of some powers of parents.

Keywords: *family legal relations, the right to education, the right to communicate, Grandmothers and grandfathers, responsibility for raising a minor.*

About the author:

ILYINA Olga – Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 8737-6386, e-mail: Ilyina.OY@tversu.ru

Ильина О.Ю. О правах и обязанностях бабушек и дедушек в семейных правоотношениях с участием детей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 20–28.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Е.В. Козырева, Н.В. Новикова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Представлена система критериев компенсации морального вреда. Более подробно рассматривается критерий «заслуживающие внимание обстоятельства».

Ключевые слова: *компенсация морального вреда, система критериев компенсации морального вреда, расширение границ применения компенсации морального вреда, методика расчета компенсации морального вреда, заслуживающие внимания обстоятельства.*

26 октября 2021 г. Конституционный Суд Российской Федерации принял Постановление № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 ГК РФ в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского», в котором признал ч. 1 ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) не противоречащей Конституции Российской Федерации, но одновременно указал, что ч. 1 данной статьи ГК РФ «признана не соответствующей Конституции РФ, в той мере, в какой она – по смыслу, придаваемому ей судебным толкованием (в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1099 ГК РФ), – служит основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего, без установления на основе исследования фактических обстоятельств дела того, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или нравственные страдания вследствие нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага» [4]. Как говорят «лед тронулся» и можно смело говорить о расширении границ применения компенсации морального вреда [7, с. 97–101]. И это только начало, хотя бы потому, что компенсацию морального вреда по праву можно назвать универсальным способом защиты гражданских, семейных и трудовых прав. Следует отметить, что впервые Конституционный Суд РФ высказал свою позицию в отношении конституционности ст. 151 ГК РФ, что можно признать значимым событием как для науки, так и практики, поскольку фактически расширено толкование п. 2 ст. 1099 ГК РФ, где предусмотрена компенсация морального вреда при нарушении имущественных прав граждан в случаях, предусмотренных законом [1,

2]. Единственным законом, предусматривающим компенсацию морального вреда при нарушении имущественных прав граждан, является закон «О защите прав потребителя» [3].

Несомненно, что принятие постановления Конституционным Судом РФ № 45-П от 26 октября 2021 г. вызвано широким применением на практике данного способа защиты гражданами, хотя следует признать, что бывают случаи определения размера компенсации морального вреда символически [8, с. 70–72]. Поэтому сегодня проблема определения размера компенсации морального вреда не снимает всей остроты вопроса. И как никогда, вопросы по выработке критериев компенсации морального вреда, являются актуальными.

Значительный вклад в разработку системы критериев определения размера компенсации морального вреда внесла М.Н. Малейна, которая выделила три группы критериев:

- общие критерии определения компенсации неимущественного вреда, применяемые при нарушении любого субъективного права;
- частные (дополнительные к общим) определения компенсации неимущественного вреда, используемые при нарушении конкретного субъективного права;
- общие основания повышения и снижения взыскиваемой суммы компенсации неимущественного вреда [8, с. 62–64].

С учетом действующего законодательства и судебной практики все критерии определения размера компенсации морального вреда можно разделить на три группы.

К первой группе относят легальные (общие) критерии, предусмотренные в ст. 151 ГК РФ и ст. 1091 ГК РФ:

- степень вины нарушителя;
- характер и степень физических и нравственных страданий, связанные с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред;
- требования разумности и справедливости;
- заслуживающие внимания обстоятельства.

Во вторую группу входят критерии объективного характера:

- вид, тяжесть телесных повреждений (тяжкое, менее тяжкое, легкое);
- утрата трудоспособности;
- лишение возможности работать по специальности, профессии;
- широта распространения сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию (регион, район);
- утрата родственных связей (смерть супруга, ребенка, родителей).

В третью группу входят критерии, на которые влияние оказывает субъективный фактор:

- степень вины причинителя;

- преднамеренные действия потерпевшего, способствующие причинению морального вреда;
- неоднократное причинение морального вреда;
- причинение нескольких видов вреда как имущественного, так и неимущественного;
- имущественное положение причинителя вреда;
- одновременное причинение как физических, так и нравственных страданий;
- наличие безнравственных целей и мотивов совершения правонарушения;
- досудебное разрешение спора о компенсации морального вреда;
- длительность претерпевания физических и нравственных страданий [6, с. 114–115].

Обратим особое внимание на последний критерий определения размера компенсации морального вреда из первой группы критериев – заслуживающие внимание обстоятельства. Анализ российской и зарубежной практики позволил сформулировать критерии, раскрывающие данные обстоятельства, в частности, в условиях пандемии и в связи с ростом количества исков в виду ненадлежащего оказания медицинской помощи и медицинских услуг [5, с. 46–47, 247]. Представляется, что к таким иным заслуживающим обстоятельствам отнесется:

- серьезность, продолжительность физических и нравственных страданий;
- последствия причинения физических и нравственных страданий;
- потеря радости жизни, уменьшение продолжительности жизни; ухудшение качества жизни;
- потеря удовольствия от жизни;
- невозможность совершать прогулки, переносить тяжелые предметы;
- потеря обоняния;
- невозможность вступления в брачные отношения;
- потеря комфортных условий для проживания (резкое понижение степени комфортности) и др.

Учет всех представленных критериев позволяет суду так или иначе объективно оценить размер компенсации морального вреда. При этом, не умаляя значения судебного усмотрения, которое предусмотрено ст. 151 ГК РФ, хотелось бы отметить, что методика расчета компенсации морального вреда, разработанная ассоциацией юристов [9], пока еще не получила своего одобрения Верховным Судом Российской Федерации. Но признаем тот факт, что принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором бы присутствовали рекомендуемые размеры в счет компенсации морального вреда в виде низшего и высшего предела по аналогии с компенсацией (вместо возмещения убытков), как это

предусмотрено при защите авторских и патентных прав (ст. 1301 ГК РФ, 1406.1 ГК РФ), сыграло бы важную роль, облегчив задачу судей, и было бы вполне справедливым и разумным и отвечало бы духу времени.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021 г., с изм. от 26.10.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г., с изм. от 08.07.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 11.06.2021 г.) «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учебное пособие / отв. ред. доктор юридических наук М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016. 376 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/57229866/#ixzz7BqDy9c00>

6. Козырева Е.В. Процессуальные особенности рассмотрения судами гражданских дел о компенсации морального вреда. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 114–115.

7. Козырева Е.В., Новикова Н.В. О расширении границ применения компенсации морального вреда как способа защиты семейных прав граждан // Социально-правовые аспекты трансформации института современной семьи в контексте реализации государственной семейной политики: сб. статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию принятия СК РФ. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2020. С. 97–101.

8. Малейна М.Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 70–72.

9. В России разработали внятную формулу оценки морального ущерба [Электронный ресурс]. URL: <https://profile.ru/politics/v-rossii-razrabotali-vnyatnuyu-formulu-ocenki-moralnogo-ushherba-254454/>

Об авторах:

КОЗЫРЕВА Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 4580-8101, e-mail: Kozyreva.EV@tversu.ru

НОВИКОВА Наталья Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Твер. гос. ун-т (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 4467-2523, e-mail: Novikova.NV@tversu.ru

**TO THE QUESTION ABOUT THE SYSTEM OF CRITERIA
FOR DETERMINING THE SIZE OF MORAL HARM
COMPENSATION**

E.V. Kozyreva, N.V. Novikova

Tver State University, Tver

The article presents a system of criteria for compensation for moral damage. The criterion "meritorious circumstances" is discussed in more detail.

Keywords: *compensation for moral harm, the system of criteria for compensation for moral harm, expanding the scope of the application of compensation for moral harm, methodology for calculating compensation for moral harm, noteworthy circumstances.*

About authors:

KOZYREVA Elena – PhD in Law, assistant professor of civil law at Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., d.33), SPIN-code: 4580-8101, e-mail: Kozyreva.EV@tversu.ru

NOVIKOVA Natalya – PhD in Economics, associate professor of economic theory at Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., d.33), SPIN-code: 4467-2523, e-mail: Novikova.NV@tversu.ru

Козырева Е.В., Новикова Н.В. К вопросу о системе критериев определения размера компенсации морального вреда // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 29–33.

ОГРАНИЧЕНИЕ В РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВАХ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА И РОДИТЕЛЕЙ

И.И. Ординарцев

Прокуратура г. Москвы

Автор предлагает новый взгляд на семейно-правовой институт ограничения в родительских правах, обосновывая иное предназначение применения соответствующей меры к родителям (одному из них). Апеллируя к основаниям и правовым последствиям ограничения в родительских правах, автор демонстрирует иную цель ограничения – защиту прав и интересов не только ребенка, но и его родителей (одного из них).

Ключевые слова: правоотношения по воспитанию, ограничение в родительских правах, защита семейных прав, ответственность родителей.

Одним из признаков, характеризующих основные направления современной государственной политики, является обеспечение достойного воспитания детей в семье. Согласно ст. 67.1 Конституции Российской Федерации [1] дети не только являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Примечательно, что государство принимает на себя обязательства по созданию условий, которые способствуют всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Именно на уровне Конституции РФ государство фиксирует взаимосвязь и взаимообусловленность частных и публичных интересов в сфере семейного воспитания детей. С одной стороны, ответственность за воспитание детей достойными гражданами своей страны несут родители, с другой стороны, государство создает необходимые для этого условия, тем самым разделяя ответственность за воспитание детей. В настоящее время достаточно кардинально изменились содержание и формы оказания государством семьям с детьми дополнительных мер материальной поддержки, совершенствуется и соответствующее законодательство. Согласимся с О.Ю. Ильиной в том, что мы являемся свидетелями истории формирования уже в течение нескольких лет новой системы координат в семейных правоотношениях [6, с. 64–65], что в свою очередь обусловлено усилением публичных начал в механизме правового регулирования семейных отношений, в том числе и отношений по воспитанию детей.

© Ординарцев И.И., 2021

Особенностью правовой регламентации отношений между родителями и детьми в части выполнения родителями воспитательной функции является объективное отсутствие каких-либо четких предписаний, предусмотренных для конкретных ситуаций. Как отмечал Ю.Ф. Беспалов, «Правовое сопровождение воспитания ограничивается установлением ответственности за вредоносное отношение к ребенку» [5, с. 36]. Именно это мы и обнаруживаем, обратившись к ст. 69–76 Семейного кодекса Российской Федерации [2] (далее – СК РФ), посвященным лишению и ограничению родительских прав.

Традиционно и лишение родительских прав, и ограничение родителей в родительских правах рассматриваются как меры семейно-правовой ответственности, применяемые к родителям. Более того, в юридической литературе лишение родительских прав обозначается даже как «крайняя мера семейно-правовой ответственности». Заметим, что в соответствующих статьях СК РФ такой признак лишения родительских прав не упоминается. Лишь Пленум Верховного Суда Российской Федерации таким образом квалифицировал лишение родительских прав в соответствующих своих постановлениях [3, 4]. Действительно ли это мера ответственности родителей, тем более крайняя? Полагаем, что и лишение родительских прав, и ограничение в родительских правах имеют иное социальное предназначение, прежде всего, защиту прав и интересов детей, в отношении которых происходит ограничение или лишение родителей в правах, что, однако, не исключает и защиту прав и интересов самих родителей (одного из них). Кстати, Пленум Верховного Суда РФ в п. 13 Постановления № 44 подчеркивает: «Лишение родительских прав допускается в случае, когда защитить права и интересы детей иным образом не представляется возможным», что безапелляционно подтверждает тезис о выполнении данным институтом функции способа защиты прав и интересов детей.

В рамках настоящей статьи обратим более пристальное внимание на ограничение в родительских правах, поскольку данный институт семейного права, на наш взгляд, применяется с целью защиты прав и интересов не только ребенка, но его родителей (одного из родителей). Заметим, что соответствующий тезис был презентован автором достаточно давно [7, с. 8–9], а прошедший период времени лишь усилил уверенность в данной позиции, сформулированы и аргументированы новые выводы.

Как известно, основания для ограничения родительских прав, указанные в ст. 73 СК РФ, принято делить на две группы:

- а) обстоятельства, не зависящие от родителей, но делающие опасным оставление ребенка с родителями (одним из них);
- б) обстоятельства, также свидетельствующие об опасности оставления ребенка с родителями (одним из них), но не являющиеся достаточными для лишения родителей (одного из них) родительских

прав. Обращает на себя внимание то, что критерием разграничения выступает виновность родителей, то есть ее наличие или отсутствие. Большинство исследователей именно на основании этого и разграничивают указанные две группы оснований.

По нашему же мнению, законодатель не совсем последователен. В частности, применительно к лишению родительских прав среди оснований в ст. 69 СК РФ указаны хронический алкоголизм или наркомания родителей (одного из них), при этом предполагается, что речь идет о виновном поведении родителей. Однако в ст. 73 СК РФ хроническое заболевание отнесено к числу обстоятельств, которые не зависят от родителей, вследствие чего суд может вынести решение об ограничении этих родителей в родительских правах.

Определенные разъяснения по этому поводу дает Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 44: «Исходя из положений статьи 69 СК РФ не могут быть лишены родительских прав лица, не выполняющие свои родительские обязанности вследствие стечения тяжелых обстоятельств и по другим причинам, от них не зависящим (например, психического расстройства или иного хронического заболевания, за исключением лиц, страдающих хроническим алкоголизмом или наркоманией). В указанных случаях суд может вынести решение об ограничении родительских прав, если оставление ребенка у родителей опасно для него (п. 2 ст. 73 СК РФ)».

Таким образом, хронический алкоголизм или наркомания родителей (одного из них) обозначается законодателем как основание для принятия решения как о лишении, так и об ограничении в родительских правах, но в совершенно противоположных по содержанию условиях: виновное поведение или же обстоятельства, не зависящие от родителей. Полагаем, что в рамках совершенствования семейного законодательства данное несоответствие будет устранено.

В условиях же настоящего времени хронический алкоголизм или наркомания родителей, как впрочем и психическое расстройство, при решении вопроса об ограничении родительских прав рассматриваются как не зависящие от родителей обстоятельства. В связи с этим закономерен вопрос, будет ли предстоящее ограничение в родительских правах иметь последствия в плоскости защиты прав и интересов самого родителя?

Полагаем, что при определенных условиях да. Прежде всего это касается лиц, страдающих психическими расстройствами. Весьма интересный и показательный эмпирический материал приводит О.А. Русаковская, заявляя, что «воспитание детей для многих родителей, страдающих психическим расстройством, равно как и для психически здоровых родителей, часто является ведущей и смыслоопределяющей деятельностью» [8, с. 199].

Естественно, что обострение психического расстройства может спровоцировать неадекватное поведение гражданина в отношении как ребенка, так и собственно себя. По мнению О.А. Русаковской, «адекватной мерой, направленной на защиту интересов ребенка, в таких случаях является лечение в условиях психиатрического стационара, в том числе в недобровольном порядке в соответствии со ст. 29, 32–36 «Закона о психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [8, с. 199]. Абсолютно согласны с данным автором в том, что наличие у гражданина детей «должно было бы рассматриваться врачами-психиатрами и судом как фактор, расширяющий основания для недобровольной госпитализации».

По нашему мнению, данные рассуждения можно в полном объеме спроецировать в плоскость ограничения в родительских правах лиц, страдающих хроническим алкоголизмом или наркоманией. Недобровольная госпитализация и лечение таких родителей в условиях режима ограничения родительских прав в итоге позволят сохранить взаимоотношения между родителями и детьми, статус родительства. Безусловно, каждая конкретная ситуация предполагает индивидуальный подход в определении стратегии и тактики оказания соответствующей семье правовой и социальной помощи.

Нельзя не оставить без внимания и тот факт, что законодатель не устанавливает срок, на который возможно ограничение в родительских правах, в связи с этим суд выносит решение без указания срока, в течение которого родители не могут принимать личное участие в воспитании ребенка. По нашему мнению, такой формат правовых последствий тоже не соответствует сути мер ответственности. Период ограничения соотносится исключительно с продолжительностью существования обстоятельств, свидетельствующих об опасности совместного пребывания ребенка с родителями (одним из них). И цель установления ограничений – защита прав и интересов как ребенка, так и его родителей при невиновном поведении последних.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Беспалов Ю.Ф. Права и обязанности родителей по воспитанию детей по семейному законодательству РФ // Социально-правовые аспекты трансформации института современной семьи в контексте реализации государственной семейной политики: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации. 29.10.2020 г. / под общ. ред. О.Ю. Ильиной. Тверь: Тверской государственный университет, 2020. С. 33–39.

6. Ильина О.Ю. Система координат в семейных правоотношениях: интерес как предпосылка смещения параметров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 64–65.

7. Ординарцев И.И. Ограничение родительских прав как институт семейного права Российской Федерации: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2012. 24 с.

8. Рузаковская О.А. Родители, страдающие психическими расстройствами: ограничение родительских прав или адекватные меры психиатрической и социальной помощи // Социально-правовые аспекты трансформации института современной семьи в контексте реализации государственной семейной политики: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации. 29.10.2020 г. / под общ. ред. О.Ю. Ильиной. Тверь: Тверской государственный университет, 2020. С. 195–200.

Об авторе:

ОРДИНАРЦЕВ Игорь Игоревич – кандидат юридических наук, заместитель Люблинского межрайонного прокурора г. Москвы, младший советник юстиции (г. Москва, Ставропольская ул. 66), e-mail: law9999599@mail.ru

RESTRICTION OF PARENTAL RIGHTS AS A WAY TO PROTECTED THE RIGHTS AND INTERESTS OF THE CHILD AND PARENTS

I.I. Ordinartsev

Prosecutor's Office of Moscow, Moscow

The author offers a new look at the family-legal institution of restriction in parental rights, justifying a different purpose of applying the appropriate measure to parents (one of them). Appealing to the grounds and legal consequences of the restriction in parental rights, the author demonstrates a different purpose of the restriction - the protection of the rights and interests of not only the child, but also his parents (one of them).

Keywords: *legal relations on upbringing, restriction of parental rights, protection of family rights, responsibility of parents.*

About author:

ORDINARTSEV Igor – PhD in Law, Deputy of the Lublin Interdistrict Prosecutor of Moscow, junior counselor of justice (109559, Moscow, Stavropolskaia st., 66) e-mail: law9999599@mail.ru

Ординарцев И.И. Ограничение в родительских правах как способ защиты прав и интересов ребенка родителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 34–39.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 342.922

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.4.040

КОНТРОЛЬ КАК ОДНА ИЗ ПРАВОВЫХ ФОРМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются особенности осуществления контрольной деятельности как одной из правовых форм осуществления функций демократического государства через призму нового законодательства о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле.

Ключевые слова: *контроль, контрольная деятельность, управление.*

Контроль рассматривается как необходимая функция социального управления и самоуправления и как соответствующий вид общественной деятельности. Являясь также одной из функций государственной власти, он приобретает черты государственно-властного контроля с той или иной степенью политизированности в зависимости от конкретного типа общественного устройства, политического режима.

Государственная власть, организованная в государственно-правовые институты (разновидность социальной власти), представляет собой одну из форм социального управления со свойственными управлению функциями [3]. Одной из таких функций, как известно, является контроль. Если сравнивать структуру разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную со структурой ее разделения на управленческие функции (формирование цели, сбор и анализ информации, принятие решения, его реализация и контроль), то можно заметить, что в государственно-правовом разделении управленческие функции представлены принятием и реализацией управленческого решения (нормативного, правоисполнительного и юрисдикционного характера). Остальные управленческие функции играют обслуживающую, правообеспечительную роль в реализации различных видов государственной власти, хотя также выражены в определенных правовых формах директивного, информационного или контрольного характера.

Таким образом, контроль в структуре государственной власти выполняет обеспечительные функции, входя как важный элемент в каждый из видов власти. Однако в механизме любого развитого государства существует также часть государственных органов, специализированно осуществляющих контроль и надзор. Эти функции

являются для них не вспомогательными, а преимущественными, профилирующими. В данном случае ведомственное правотворчество этих органов носит не основной, а обеспечивающий их деятельность характер, и весьма ограничено по тематике. В ряде случаев данные органы, являясь частью государственно-властного аппарата, обладают и правами юрисдикционного характера, что уже выходит за рамки контроля, а нередко и исполнительной власти, и сближает их с судебными (например, с системой административной юстиции). Таким образом, функциональное разделение государственной власти отнюдь не предполагает изолированности различных видов властей. Каждая из них содержит весь спектр функциональных возможностей, однако в той или иной мере. Так, обязательной функцией государственной власти является контроль, который может носить обеспечивательный или профилирующий характер в зависимости от назначения государственных органов и их принадлежности к тому или иному виду государственной власти.

Профилирующая роль контроля в деятельности известной части системы государственных органов вполне позволяет определять их принадлежность к четвертому, нетрадиционному виду государственной власти. К какому-то иному виду власти отнести контрольно-надзорные органы без разного рода оговорок и допусков просто затруднительно.

Контроль, осуществляемый в процессе реализации государственной власти, всегда должен действовать в рамках определенной правовой формы. Это должно быть одним из требований демократического правового государства. Правовая форма определяет субъектов контрольных отношений, их правовое положение, задачи, принципы организации контроля, процессуальную форму – правовые средства получения контрольной информации и способы ее реализации в зависимости от результатов контроля. Вопрос заключается в том, является ли правовая форма контрольной деятельности специфичной или включается в какие-либо другие виды государственной деятельности; отражаются ли особенности функциональной характеристики контроля на его правовой регламентации и реализации.

В юридической литературе предлагаются различные классификации видов государственной деятельности, имеющей правовое значение. Различаются правотворческая деятельность – по установлению правовых норм; правоисполнительная деятельность – по предоставлению прав и возложению обязанностей по отношению к подвластным субъектам, деятельность по реализации правовых норм; правоохранительная – связанная с рассмотрением и разрешением споров, привлечением к юридической ответственности. Понятие правоисполнительной деятельности шире, чем правоприменение. Под ним понимаются основанные на государственно-властных полномочиях соответствующих органов действия по претворению юридических норм в жизнь.

Контроль как правовая форма руководства обществом используется

для стабилизации социальной системы, является составной частью механизма реализации норм права. Контрольная деятельность обладает при этом превентивными качествами, которые проявляются в специфических правовых формах. Профилактика правонарушений достигается в контрольной деятельности не средствами юридической ответственности, а средствами собственно контроля. Поэтому нельзя относить к превентивной функции контроля профилактическое действие предупреждения как акта применения меры административной ответственности, как это предлагают отдельные ученые. Предупреждение есть правовая санкция, применяемая к лицам, совершившим правонарушения, виновность которых установлена в соответствующем процессуальном порядке. Поэтому оно относится к средствам юрисдикции, правоохранительной деятельности, а не контрольной. Из данного примера, однако, следует, сколь тесно взаимосвязана контрольная деятельность с правоохранительной. Так, в компетенции контрольных органов полномочия контрольного характера часто венчаются юрисдикционными правами, когда такие органы вправе самостоятельно привлекать к ответственности виновных лиц, а не только ставить соответствующие вопросы перед компетентными юрисдикционными органами. Таким образом, деятельность таких органов контроля и надзора является в значительной мере также и правоохранительной.

Так же, как и правоохранительная деятельность, контроль всегда осуществляется только уполномоченными на это субъектами. В этой сфере один из известных принципов правового регулирования «разрешено все, что не запрещено законом» не применим, поскольку осуществление контроля всегда связано с ущемлением правового статуса, ограничением поведенческих возможностей контролируемого. На всех активных субъектов контроля должен распространяться принцип «контролировать может только управомоченный субъект». Для социального контроля этот принцип универсален, как для публично-правовой, так и для частноправовой сфер, включая контроль граждан. При этом права граждан и их объединений по контролю в отношении государственных органов, особенно если это касается защиты их прав и интересов, носят достаточно широкий характер и имеют конституционное закрепление. Большое значение для конкретной регламентации прав различных субъектов на осуществление контроля имеют институты подведомственности и подсудности юридических дел по контролю.

Для контрольной деятельности характерна определенная процессуальная форма: субъекты, порядок, сроки контрольного производства, фактические данные, которые могут фигурировать в качестве доказательств, акты, обеспечивающие движение процесса (запросы, акты, постановления, определения), акты применения права,

исполнительные производства по этим делам, обжалование вступивших в законную силу актов контроля. Из этой совокупности правовых институтов, рассредоточенных по различным отраслям права или носящих межотраслевой характер, большое значение приобретают те, которые свидетельствуют об особенностях юридической техники контроля и отличают его как правовую форму деятельности от любой другой (помимо рассмотренных отличий по функциям, задачам, социальному назначению, особенностям контрольных правоотношений). Речь идет о специфических правовых средствах контроля, которые отличны от правовых средств юрисдикции и исполнения правовых предписаний, исполнительно-распорядительной и правотворческой деятельности, но которыми достигаются цели контроля, а не обеспечиваются второстепенные, промежуточные, хотя и важные стороны других видов деятельности.

В 2020 г. были приняты два Федеральных закона, тесно связанных между собой: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247 «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [1] и Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле» [2]. В Законе об обязательных требованиях определены правовые и организационные основы установления и оценки применения содержащихся в нормативных правовых актах требований, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности и оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля. Законом о государственном и муниципальном контроле закрепляется система и правила проведения контрольных (надзорных) мероприятий, устанавливаются гарантии прав контролируемых лиц. Последний закон уже именуют контрольно-надзорным кодексом. Важно отметить, что в Законе о госконтроле получили закрепление принципы проведения контроля. К их числу относятся принципы законности и обоснованности, стимулирования добросовестного соблюдения обязательных требований, соразмерность вмешательства в деятельность контролируемых лиц, охрана прав и законных интересов, уважение достоинства личности, деловой репутации контролируемых лиц, недопустимость злоупотребления правом, открытость и доступность информации об организации и осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля и др.

В Законе о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле расширяется перечень контрольных мероприятий с одновременным увеличением числа профилактических инструментов, используемых в ходе контрольных мероприятий.

При этом следует помнить, что принципиальное отличие правовых средств контроля от правовых средств правоисполнительной и

юрисдикционной деятельности характеризуется отсутствием непосредственного регулирующего вмешательства в самостоятельную деятельность подконтрольного субъекта и неприменением к нему мер юридической ответственности.

Наибольшую сложность представляют проблемы контроля при осуществлении государственного управления. Причем важнейшим является вопрос об объеме контроля, пределах участия государства в лице исполнительной власти в жизни общества. Так, в сфере экономики объем контроля прежде всего зависит от того, сколько на конкретном рынке производителей товара, сложилась ли конкурентная среда или на нем действует гигантская монополия, которая в состоянии воспрепятствовать вступлению в отрасль потенциальных конкурентов. Ясно, что монополия экономика требует иных форм и направлений государственного вмешательства и контроля, нежели конкурентная. Решение вопроса об объеме, направлениях, формах государственного контроля в экономике возможно лишь при адекватной оценке рынков (национального, местного, фондового, финансового, товарного), которые неоднородны и требуют применения к ним разных сочетаний форм контрольно-правового воздействия.

Неслучайно в новом Федеральном законе о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле речь идет о риск-ориентированном походе, который применяется в различных видах контроля (предполагается, что это будет более 200 видов контроля). Смысл данного подхода заключается в том, что «степень внимательности» контролирующего органа к объекту контроля будет зависеть от уровня рисков, которые могут возникнуть в деятельности подконтрольного объекта.

Во многих случаях сама возможность осуществления контроля и его эффективность зависят от наличия или отсутствия отдельных контрольно-правовых производств. Поэтому, безусловно, положительным моментом является появление в современном законодательстве правил проведения контрольных мероприятий, основанных на гарантировании защиты прав подконтрольного объекта.

Одной из таких своеобразных гарантий является четкость требований, предъявляемых к контролируемому объекту. В упомянутом Федеральном законе об обязательных требованиях закреплен принцип правовой определенности и системности, который заключается в том, что содержание обязательных требований должно отвечать принципу правовой определенности, т.е. быть ясным, логичным, понятным как правоприменителю, так и иным лицам, не должно приводить к противоречиям при их применении, а также должно быть согласованным с целями и принципами законодательного регулирования той или иной сферы и правовой системы в целом (ст. 7). Важность этого принципа для подконтрольного субъекта очевидна. Это обеспечивает, во-первых,

прозрачность контрольных процедур, во-вторых, гарантию того, что контролирующий орган не сможет требовать исполнения того, что не установлено в обязательных требованиях. Такой подход соответствует демократическим началам организации и осуществления функций в современном государстве.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247 «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5006.

2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007.

3. Николаев А.А., Разов П.В. Социальное управление: учебник для вузов. М.: Прометей, 2019. 554 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/94534.html> (дата обращения: 10.11.2021).

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, зав. кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

CONTROL AS ONE OF THE LEGAL FORMS OF EXERCISING THE FUNCTIONS OF A DEMOCRATIC STATE

N.A. Antonova

Tver State University, Tver

The features of the implementation of control activities as one of the legal forms of the implementation of the functions of a democratic state through the prism of the new legislation on state control (supervision) and municipal control are considered.

Keywords: *control, control activity, management.*

About author:

ANTONOVA Nana – the doctor of jurisprudence, the manager Faculty of the constitutional, administrative and customs right of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н.А. Контроль как одна из правовых форм осуществления функций демократического государства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 40–45.

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА ФРАНЦИИ)

Д.В. Голенко

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева», г. Самара

Проанализировано построение Особенной части действующего Уголовного кодекса Франции. Рассмотрены структурные компоненты в их взаимосвязи. Осуществлено сравнение структурных единиц французского уголовного кодекса и действующего российского уголовного закона. Французский уголовный кодекс включает компоненты, непривычные для российского юриста (например, книги, отделы, подотделы, параграфы). Их число значительно превышает число структурных единиц в российском уголовном законе. Автор разбирает особенности и строение каждой структурной единицы. Обращено внимание, что Особенная часть во французском уголовном кодексе не выделена в качестве самостоятельного структурного компонента, но по содержанию к ней могут быть отнесены книги, начиная со II. Каждая из книг имеет свою структуру, внутреннюю нумерацию. При этом ни одна из книг, которые можно отнести к Особенной части, не содержит всего перечня структурных компонентов. Несмотря на кажущееся сходство в последовательности расположения статей о преступлениях (открывают Особенную часть французского уголовного закона также преступления против личности), содержание их отличается.

Ключевые слова: *Особенная часть уголовного закона, уголовный кодекс, структура уголовного кодекса Франции.*

Изучение опыта структурирования Особенной части зарубежного законодательства имеет важное значение для разработки современной модели Особенной части российского уголовного кодекса. Оценивая построение зарубежного закона, можно выявить специфические черты отличной от привычной для российского юриста структуры Особенной части, сформулировать предложения по совершенствованию действующего закона.

Интересным для исследования является структурирование Особенной части уголовного закона Франции. Уголовный кодекс Франции в редакции на 20 августа 2021 г. (далее – УК Франции) был принят в 1992 г., вступил в силу с 1994 г., то есть период его действия близок к периоду действия Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Однако период его создания был достаточно длительным. Н.Е. Крылова указывает, что первая комиссия по разработке нового французского

уголовного кодекса была создана еще в XIX в. [5, с. 35]. Отметим ряд специфических черт, характерных для Особенной части УК Франции, и отличающих ее от УК РФ. Во-первых, французский законодатель, в отличие от российского законодателя, не именуется частью Особенной. УК Франции включает законодательную (*partie législative*) и регламентационную (*partie réglementaire*) части (далее – ЗЧ и РЧ), каждая из которых содержит нормы Общей и Особенной частей. Это объясняется тем, что уголовное законодательство могут принимать не только законодательные органы власти, но и исполнительные [5, с. 45]. Во-вторых, уголовный закон Франции предусматривает ответственность не только за совершение преступления, но и проступков. Российский уголовный законодатель только на пути введения уголовных проступков в УК РФ [4, с. 25–29]. В-третьих, если российское уголовное законодательство к 1996 г. было полностью кодифицировано, то французское до настоящего времени – нет. Уголовно-правовые запреты могут содержаться и в иных актах, помимо уголовного кодекса [2, с. 36]. В настоящей работе исследуется построение только уголовного кодекса, без анализа иных законодательных актов, содержащих уголовно-правовые запреты.

К Особенной части УК Франции следует отнести статьи книг, начиная со II. Нумерация и название книг законодательной части совпадают с регламентационной. Исключением является книга IV bis, которая выделена в качестве самостоятельной только в законодательной части. Следует учитывать, что не все статьи названных книг относятся к Особенной части УК Франции. Например, в книге VII содержатся положения об особенностях применения не только статей Особенной части, но и Общей части на заморских территориях (Новая Каледония, Майотта и др.).

Структура Особенной части УК Франции иная, чем структура Особенной части УК России. В законодательной части книга (*livre*) Особенной части УК Франции может включать в себя несколько структурных компонентов: заголовок (*titre*), подзаголовок (*sous-titre*), главу (*chapitre*), раздел/отделение (*section*), подраздел/подотдел (*sous-section*), пункт/параграф (*paragraphe*), статьи (*article*). Законодательный материал упорядочен в структурные компоненты, не характерные для отечественного уголовного закона. Для настоящего исследования используем адаптированный перевод, поскольку, например, *sous-titre* и *sous-section* могут быть переведены на русский язык как подраздел, однако это различные самостоятельные компоненты структуры Особенной части УК Франции. С учетом этого, структура Особенной части УК Франции выглядит так: книга, раздел, подраздел, глава, отдел, подотдел, параграф, статья. Именно такое наименование структурных компонентов используется в настоящей работе. Для установления точек соприкосновения с российским уголовным законом именуем *titre* как

раздел, то есть более крупный структурный компонент, чем глава. Отметим, что перевод французского уголовного кодекса на русский язык может быть и иным с учетом исследовательских задач и языковых особенностей.

Регламентационная часть Особенной части УК Франции имеет более простую структуру. Она состоит из книг (*livre*), которые могут включать раздел (*titre*), главу (*chapitre*), отдел (*section*), статьи (*article*).

Структурные компоненты перечислены нами в порядке от самого крупного к самому мелкому (от книги к статье). Менее крупная структурная единица во французском уголовном кодексе никогда не включает в свой состав более крупный компонент, т.е., например, раздел не может быть включен в состав главы. Более мелкие структурные компоненты французского уголовного закона могут являться составной частью более крупных компонентов. Книги законодательной и регламентационной части Особенной части УК Франции отличаются друг от друга по числу использованных структурных компонентов. Ни одна из книг, которые можно отнести к Особенной части УК РФ, не включает весь перечень компонентов, использованных законодателем. Например, в книге II законодательной части статьи объединены в разделы, подразделы, главы, отделы, параграфы, но отсутствует такой структурный компонент, как подотдел. Подотделы есть в книгах IV и IV bis законодательной части, но в них отсутствуют подразделы. В книге IV bis законодательной части нет разделов. Более простая структура в книгах III и V законодательной части статьи. Они включают разделы, главы и отделы, статьи. Самая простая структура у книги VII законодательной части. Она состоит из статей, объединенных только в главы и разделы.

Книги регламентационной части, которые можно отнести к Особенной части уголовного закона, состоят преимущественно из разделов, глав и отделов. Книга III дополнительно включает подотделы. Отсутствуют отделы в книгах V и VII. Например, в книге V выделены только главы.

Каждая из книг имеет порядковый номер и название. Книга II о преступлениях и проступках против личности, книга III об имущественных преступлениях и проступках, книга IV о преступлениях и проступках против нации, государства и общественного спокойствия, книга IV bis о военных преступлениях и проступках, книга V об иных преступлениях и проступках, книга VI о правонарушениях, книга VII о положениях, применяемых на заморских территориях. Система Особенной части УК Франции определяется ценностью того или иного правоохраняемого блага [4, с. 34].

Раздел является самым крупным структурным компонентом внутри книги. Если в российском уголовном законе Особенная часть состоит из разделов, всегда включающих в свой состав главы, то во французском

уголовном законе иначе. Раздел может включать подразделы (например, книга II ЗЧ раздел Ier), главы (например, книга IV ЗЧ раздел II), только статьи без иных структурных компонентов (например, книга VI ЗЧ II). Раздел может быть достаточно объемным (например, книга II ЗЧ раздел II включает более ста пятидесяти статей) или состоять из одной статьи (например, в книге VI ЗЧ всего два раздела, включающих по одной статье каждый). Чаще всего книга состоит из двух-трех разделов. Исключения представляют книга IV ЗЧ, которая состоит из пяти достаточно объемных разделов, и книги IV bis ЗЧ и V РЧ, в которых законодатель не использует разделы. Разделы пронумерованы. В каждой книге самостоятельная нумерация. Каждый раздел имеет заголовок. Все статьи о преступных деяниях сгруппированы в разделы с учетом объекта посягательства. Раздел может именоваться в привычной для российского юриста форме (Преступления против личности – книга II ЗЧ раздел II), но может быть назван иначе (например, Терроризм – книга IV ЗЧ раздел II).

Подразделы выделены в качестве самостоятельных структурных компонентов только в разделе Ier книги II ЗЧ. Так было не всегда. Изначально он именовался «Преступления против человечества» и включал только главы. Но французское уголовное законодательство трансформируется со временем. Законодателем были выделены в самостоятельную группу преступления против человеческой расы. Изменилось название раздела, и внутри него было выделено два самостоятельных подраздела: «Преступления против человечества» и «Преступления против человеческой расы». Статьи о преступных деяниях объединены в подразделы с учетом объекта посягательства. Подразделы состоят из глав. Например, подраздел «Преступления против человечества» включает главу о геноциде. Таким образом, несмотря на то что и в российском уголовном законе, и во французском уголовном законе открывают Особенную часть преступления против личности, их содержание различное. Во французском уголовном кодексе первая статья книги II ЗЧ предусматривает уголовную ответственность за геноцид. В российском уголовном законе геноцид находится в разделе о преступлениях против мира и безопасности человечества. В подразделе «Преступления против человеческой расы» выделена глава о преступлениях, связанных с евгеникой и репродуктивным клонированием. Российский уголовный закон не содержит положений, запрещающих репродуктивное клонирование.

Глава может являться составной частью раздела (например, книга II ЗЧ, раздел II, глава Ier), подраздела (например, книга II ЗЧ раздел Ier подраздел Ier главы I, II, III) или выступать в книге в качестве самостоятельного структурного компонента (например, в книге IV bis ЗЧ). Так, в книге IV bis ЗЧ о военных преступлениях и проступках отсутствуют разделы, а содержится две главы. Что касается структуры главы, то она может состоять только из статей, не объединенных в более

крупные структурные компоненты (например, в книге IV bis ЗЧ глава II), а также может состоять из одной, двух или трех более мелких структурных единиц. Например, отделы (в книге IV ЗЧ разделе IV глава V), отделы и параграфы (в книге IV ЗЧ раздел III глава II) либо отделы, подотделы и параграфы (книге IV bis ЗЧ глава I). Для действующего российского законодательства не характерно объединение статей внутри главы в более мелкие компоненты (отделы, подотделы, параграфы). Главы имеют нумерацию. В каждом разделе или книге она самостоятельная. У каждой главы есть заголовок. Он может указывать на объект посягательства (например, как в книге II ЗЧ разделе II: посягательства на жизнь человека, посягательства на свободу личности). Однако глава может быть названа, например, «Иные посягательства на национальную оборону» (книга IV ЗЧ раздел I глава II), то есть предполагается, что в ранее идущей главе уже названы некоторые из посягательств на объект. Кроме того, есть главы, которые именуется «Общие положения» (книга II раздел I глава III), в них, как правило, нет статей, содержащих признаки конкретных преступных деяний. Они чаще всего связаны с особенностями применения наказания за совершение преступлений, содержащихся в разделе (книге).

Отдел всегда находится внутри более укрупненного структурного компонента – раздела или главы. В себя может включать только статьи либо статьи, объединенные в подотделы или в подотделы и параграфы. Отдел объединяет статьи по различным основаниям. Например, в главе I раздела II книги II три отдела: об умышленных посягательствах на жизнь; о неумышленных посягательствах на жизнь; о дополнительных наказаниях, применяемых к физическим лицам. То есть отделы формируются с учетом видов конкретных посягательств, например, в зависимости от формы вины. Но следует отметить, что это не единственный критерий, поскольку в большинстве глав имеется отдел, касающийся особенностей применения наказания за совершение преступлений, указанных в главе.

Подотделы выделяются в трех книгах IV и IV bis ЗЧ, III РЧ. Они всегда находятся внутри отдела. В книге IV bis ЗЧ в главе I отдел III о военных преступлениях и проступках, общих для международных и немеждународных конфликтов содержится два подраздела: о посягательствах на людей в ходе международного или немеждународного вооруженного конфликта; о военных преступлениях и проступках, связанных с ведением военных действий. То есть подотделы могут представлять собой статьи о группе преступных посягательств, выделенные внутри отдела и объединенные по какому-либо основанию.

Параграфы в качестве самостоятельного структурного компонента выделены только в законодательной части. В книге II они входят в состав отдела, в книгах IV и IV bis – подотделов. Например, в отделе I главы II

раздела II книги II об умышленных посягательствах на неприкосновенность личности содержится три параграфа: о пытках и актах жестокости; о насильственных действиях; об угрозах. Как правило, параграф объединяет несколько статей. В первой статье речь идет об основном составе, в последующих, например, о квалифицированных составах.

Статьи отличны от российского уголовного закона. Они не имеют заголовка и имеют специфическую нумерацию. Нумерация статей в каждой книге самостоятельная. Первая цифра означает номер книги, вторая – раздела (главы), третья – главы (отдела), четвертая – порядковый номер статьи внутри структурного компонента. В регламентационной части добавляется буква R. Нередко диспозиция статьи содержит дефиниции и является описательной, однако есть и ссылочные диспозиции [3, с. 29–34]. Санкция Особенной части может содержать лишь верхнюю границу наказания, его максимум [1, с. 172]. В данном случае следует учитывать особенности построения уголовного закона и назначения наказания во Франции. Чаще всего в первой статье отражены признаки основного состава преступления. В последующих статьях признаки, изменяющие уровень общественной опасности деяния, указанного в первой статье структурного компонента.

Структура Особенной части УК Франции непривычна для зарубежного исследователя. Однако она интересна и имеет свое логическое объяснение. Некоторые из структурных компонентов (например, отделы, параграфы) могут быть использованы при построении Особенной части отечественного уголовного закона.

Список литературы

1. Богданова Э.Ю. Уголовный кодекс Франции как гарант соблюдения принципа законности // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 10. Т. 9. С. 170–173.

2. Голенко Д.В. К вопросу о диспозициях статей Особенной части Уголовного кодекса РФ // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 3. С. 29–34.

3. Капинус О.С. Законодательная инициатива о регламентации в Уголовном кодексе РФ уголовного проступка: критический анализ // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 25–29.

4. Крылова Н.Е. Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть): учебно-методическое пособие / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова; под общ. ред. д.ю.н. Н.Е. Крыловой. М.: Статут, 2019. 351 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785907139268.html> (дата обращения: 10.11.2021).

5. Уголовный кодекс Франции / под ред. Л.В. Головки, Н.В. Крыловой. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 650 с.

Об авторе:

ГОЛЕНКО Диана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34); SPIN-код: 8331-8174; e-mail: golenko.diana@bk.ru

STRUCTURING A SPECIAL PART CRIMINAL LAW (ON THE EXAMPLE OF THE FRANCE CRIMINAL CODE)

D.V. Golenko

Samara National Research University, Samara

The structure of the Special Part of the current French Criminal Code has been analyzed. Structural components in their interconnection have been considered. The structural units of the French Criminal Code and the current Russian Criminal Law are compared. The French Criminal Code includes components that are unusual for a Russian lawyer (for example, books, departments, subsections, paragraphs). Their number significantly exceeds the number of structural units in the Russian criminal law. The author examines the features and structure of each structural unit. It is drawn attention that the Special part in the French Criminal Code is not singled out as an independent structural component, but according to the content, books can be attributed to it, starting with II. Each of the books has its own structure, internal numbering. Moreover, none of the books that can be attributed to the Special Part contains the entire list of structural components. crimes (they open a special part of the French criminal law also crimes against the person), their content is different.

Keywords: *the special part of the criminal law, the criminal code, the structure of the French criminal code.*

About author:

GOLENKO Diana – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University (443086, Russia, Samara, Moskovskoye shosse, 34), SPIN-code: 8331-8174; e-mail: golenko.diana@bk.ru

Голенко Д.В. Структурирование Особенной части уголовного закона (на примере Уголовного кодекса Франции) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 46–52.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В США И ГЕРМАНИИ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕЦЕПЦИИ

Н.С. Латыпова

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа

Автор рассматривает германскую и американскую модели организации местного самоуправления, раскрывая особенности каждой из них. Предметом анализа стало правовое регулирование и порядок организации местного самоуправления в США и Германии, место муниципалитетов в системе органов государственной власти указанных стран, а также возможность заимствования отдельных их элементов в отечественной правовой системе. В ходе работы выявлены достоинства и недостатки организации местного самоуправления в США и Германии, определены магистральные векторы развития муниципалитетов России.

Ключевые слова: муниципалитет, местное самоуправление, община, самоуправление США, самоуправление Германии, муниципальное право США, муниципальное право Германии.

Двумя наиболее распространенными моделями местного самоуправления, эффективно функционирующими в течение нескольких десятилетий, классически признаются модели муниципалитетов Германии и США. Каждая из них имеет общие черты, принципиальное направление развития – децентрализация и самостоятельность местных властей, приближенность муниципальных органов к населению, деление муниципалитетов на более дробные административные единицы – коммуны (общины), а также включение муниципального уровня власти в систему государственной власти. Следует отметить, что российская система местного самоуправления, несмотря на ориентацию законодателя на международный опыт и Европейскую хартию местного самоуправления, не схожа ни с одной из двух указанных моделей. Составители Конституции РФ фактически создали новую модель муниципалитетов, предоставив им самостоятельность и независимость от федеральных властей и властей субъектов. Насколько эффективна оказалась разработанная законодателем уникальная система местного самоуправления России, вызывает большие вопросы, связанные с оправданностью отделения муниципальной власти от государственной (тем самым подразумевая отдаление государственной власти от народа), реальной самостоятельностью муниципалитетов (формально независимых от региональных властей, но фактически управляемых ею) и отсутствием достаточных источников финансирования (наличия лишь

двух местных налогов).

Стоит предположить, что заимствование международного опыта правового регулирования тех или иных государственных и социальных институтов не всегда является ошибочным, наоборот, зачастую заимствованный иностранный опыт эффективно «приживается» в современной России. В частности, с 1993 года в стране успешно функционирует система социального и пенсионного страхования, заимствованная у Германии, американская банковская система и другие институты.

С целью установления новых векторов развития российской системы местного самоуправления и основных направлений ее реформирования, считаем целесообразным рассмотреть основные мировые модели муниципалитетов, выявить их положительные и отрицательные черты и в результате сформировать предложения по реконструкции российской системы местного самоуправления путем не точечных поправок в муниципальное законодательство, а, возможно, коренной ее трансформации.

Переходя к рассмотрению германской системы муниципалитетов, следует отметить, что в Германии правовое регулирование местного самоуправления возложено на земли (по аналогии – субъекты РФ), в отличие от России, где, как отмечает Н.А. Антонова, «региональный уровень правового регулирования правотворческого процесса в целом представлен очень скромно» [1, с. 81].

Конституция ФРГ лишь говорит о четырехзвенной системе государственной власти: в Германии она подразделяется по иерархии на центральные органы власти, 16 земель (по аналогии – субъектов), сельские районы (к ним равноценно относятся и крупные города) (по аналогии – муниципальные образования) и коммуны (общины). Структура и порядок формирования органов местного самоуправления наиболее близки с системой, установленной в РФ, однако с разницей в наличии четвертого уровня публичной власти – коммун и включением органов местного самоуправления в структуру государственной власти. Если говорить не о формальных, а о фактических отличиях двух систем, то следует отметить не совсем очевидное, но наиболее важное из них – место местного самоуправления в системе государственной власти, в Германии оно занимает первостепенное и главенствующее значение перед всеми остальными уровнями власти (в отличие от российского).

В Германии нет федерального закона о местном самоуправлении, а в ст. 28 Основного закона закреплено лишь следующее положение: «Общинам должно быть предоставлено право регулировать в рамках закона под свою ответственность все дела местного сообщества» [5]. Полномочия по правовому регулированию местного самоуправления переданы в ведение земель, которые самостоятельно регулируют

деятельность и структуру их органов, также как и в России субъекты федерации.

Районы (по аналогии – муниципальные образования) являются органами общественного управления, в состав которых входят несколько коммун (общин). Таким образом, районы выступают в качестве объединения общин, за ними не закрепляется конкретная сфера деятельности, по сути они являются лишь связующим звеном между многочисленными общинами и властями конкретной земли.

Конкретные полномочия районов определяются в Конституции местного самоуправления конкретной земли. На них, например, могут быть возложены функции по оказанию социальной помощи, строительству дорог или медицинскому обслуживанию граждан, что также является схожей с российскими муниципальными образованиями функциональной панелью. Однако в отличие от России, базовым и основным элементом публичной власти в Германии выступает коммуна. Под понятием «самоуправление» в ФРГ подразумевают именно коммунальное управление.

В соответствии с основной концепцией организации местного самоуправления в Германии государство делегирует часть своих полномочий по осуществлению управления территориями коммуна и общинам, являющимся, таким образом, неотъемлемой частью государственной власти, низшим (но одновременно с этим самым главным) ее звеном. В Российской Федерации местное самоуправление является самостоятельным уровнем публичной власти и отделено от государственной власти.

В конечном итоге многолетний опыт функционирования подобной системы показал ее губительное воздействие на муниципалитеты, не способные выполнять возложенные функции «в одиночку», не имея достаточного количества источников финансирования местного бюджета. Оказавшись в состоянии должного, но фактически не реализуемого объема полномочий, органы местного самоуправления вынуждены получать материальную и функциональную поддержку от властей субъектов РФ, становясь дотационными и попадая тем самым под политическую зависимость от них, теряя декларированную Конституцией РФ самостоятельность.

В данном вопросе представляет особый интерес система финансирования коммун и районов в Германии, а именно: система налоговых поступлений и их распределения. Все местные налоги, к которым относятся, например, земельный, имущественный, налог на доходы организаций и другие, поступают непосредственно в бюджеты коммун (общин), которые, стоит отметить, самостоятельно определяют налоговые ставки на своей территории и могут, например, путем снижения ставки налога на доходы организации, привлекать в район малый и крупный бизнес. Районы (по аналогии – муниципальные

образования), которые, как указывалось выше, представляют собой объединения общин, не имеют собственных налоговых поступлений и финансируются за счет отчислений коммун (общин). Смысл такой системы заключается в том, что коммун делегируют часть своих полномочий по решению вопросов местного значения, которые не могут исполнять самостоятельно, районам и, соответственно, должны сами финансировать услуги властей района. По мнению С. Исуповой, «в России подавляющая часть финансов аккумулируется на уровне районов и поселениям приходится обращаться за материальными средствами для выполнения своих задач, а зачастую отказываться от полномочий в пользу района» [2].

Таким образом, германская модель отличается широкими полномочиями общин, которые также являются четвертым уровнем государственной власти и включены в ее структуру, занимают главенствующую и первостепенную роль в системе государственной власти Германии, напрямую собирают местные налоги, тем самым имея значительную финансовую самостоятельность.

Американская модель местного самоуправления, существующая с XVIII в. сложилась в условиях построения нового молодого государства, изначально базировавшегося на принципах капитализма, рыночной экономики и полной независимости штатов от центральной власти, в тоже время частично вобравшего в себя исторический опыт бывшей метрополии – Великобритании. Политическая и экономическая самостоятельность штатов, считавшихся, по сути, составными частями конфедерации, представлялась абсолютной до момента окончания Гражданской войны 1861–1865 гг., когда победа Севера [4, с. 95], а вместе с ней и теории федерализма, означавшей, что штаты являются частями единого государства и обладают меньшими полномочиями, нежели центральная власть, предопределили тенденции централизации и расширения полномочий федерации.

В связи с вышесказанным, современная модель американского местного самоуправления обладает следующими чертами:

– органы местного самоуправления имеют черты корпораций, обладающих значительным количеством собственности и финансовых ресурсов, активно участвующих в рыночной экономике с целью развития муниципалитета, привлечения инвестиций и эффективного использования имеющейся собственности;

– муниципалитеты самостоятельны и независимы от органов власти округа или штата, равно как и штат, и округа имеют широкий объем полномочий и минимальную зависимость от федерального центра;

– правовое регулирование муниципального права, в связи с вышесказанным, отсутствует в Конституции США и федеральных законах, а имеет место лишь в Хартиях (Уставах) конкретного штата;

– поскольку каждый штат вправе самостоятельно определять

структуру органов местного самоуправления, в США существует несколько видов местного уровня власти: округ или графство, район, муниципалитет. Районы являются особой формой местного управления, сложившейся исторически в 21 штате среднего запада США, и географически совпадают с графствами, объединяя в основном сельские населенные пункты. Округ и графство, по сути, составляют схожую административно-территориальную единицу, но имеют разное наименование и некоторые особенности в распределении полномочий. Муниципалитеты – классическая форма общины (коммуны), имеющая исторические корни бывшей метрополии – Великобритании.

Таким образом, с учетом структуры местного самоуправления большинства штатов, структуру публичной власти в США можно представить следующим образом: федерация, штаты (субъекты федерации), округа (по аналогии – муниципальные образования) и муниципалитеты (общины).

Особый интерес для развития местного самоуправления в РФ представляют полномочия и статус муниципалитетов.

Муниципалитеты в США обладают широким перечнем полномочий. Как отмечает И.А. Крупорницкая, «конкретные перечни видов дел варьируются от штата к штату и от города к городу, но достаточно типичным является следующий набор (согласно данным Национального демократического института международных отношений США):

- жилье, школы, парки;
- полиция, пожарная служба, скорая помощь, тюрьмы;
- контроль за использованием земель, планирование, зонирование»

[3].

При этом муниципалитеты обладают собственной законодательной, исполнительной и даже судебной ветвями власти.

Интерес представляют принципы организации деятельности муниципалитетов как «публичных корпораций». Это означает, что муниципалитеты выступают на американском рынке в качестве особых «предпринимателей», которые стремятся не извлечь личную выгоду, а получить пользу и услуги для своего населенного пункта.

Каждый уровень (федерация, штат, графство, город) имеет свои источники доходов и собирает собственные виды доходов, содержит свои налоговые органы [3].

Так, например, «бюджеты штатов в целом по стране в 2000 г. формировались за счет налогов на продажи – 29 %, индивидуальных подоходных налогов – 17 %, налогов с корпораций – 5 %, различных сборов и иных видов поступлений – 16 %, 23 % совокупных поступлений в бюджеты штатов составляли суммы финансовой поддержки из федерального бюджета (субсидии, долевыe налоги и т.д.)» [6, с. 77].

Американская модель местного самоуправления характеризуется экономической самостоятельностью местных общин, выполняющих

функции независимых юридических лиц, имеющих совершенно разнообразные организационные формы, различающиеся от штата к штату, а также отсутствием правовой регламентации на федеральном уровне и уровне штатов структуры и конкретных предметов ведения местных властей.

Проведенное исследование различных форм организации местного самоуправления продемонстрировало общие и особенные черты, свойственные муниципалитетам двух основных моделей местного самоуправления: германской и американской.

Положительным опытом, который возможно заимствовать Российской Федерации при реформировании местного самоуправления, является включение местного самоуправления в систему государственной власти, создание четвертого уровня власти – коммун (общин) по принципу общности культурных, религиозных и национальных традиций, принципиальная финансовая независимость местных общин, обеспечиваемая путем поступления всех местных налогов непосредственно в их бюджет, а затем выделение из них средств для финансирования деятельности муниципальных районов. Также перспективным в целях обеспечения экономической самостоятельности муниципалитетов является заимствование элементов американской модели местного самоуправления, особенностью которой является осуществление муниципалитетами функций «корпорации», выступающей на рынке в качестве особого «предпринимателя».

Следует заключить, что эффективность использования опыта других стран в России зависит от того, насколько этот опыт удастся правильно понять и проанализировать.

Список литературы

1. Антонова Н.А. Особенности правового регулирования правотворческого процесса в муниципальных образованиях на современном этапе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 80–85.
2. Берр Х., Исупова С. Местное самоуправление в Германии: опыт Федеральной земли Бавария [Электронный ресурс]. URL: <http://bujet.ru> (дата обращения: 14.04.2021).
3. Крупорницкая И.А. Организация самоуправления в США // Вестник МГТУ. 2001. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-samoupravleniya-v-ssha> (дата обращения: 14.04.2021).
4. Латыпова Н.С. «Поправка Уилмота» как одна из политических предпосылок гражданской войны в США (1861–1865 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-2 (35). С. 95.
5. Михалёва Н.В. Местное самоуправление в Германии // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 4 (34). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-v-germanii> (дата обращения: 20.04.2021).

6. Соколова И. Бюджеты местных органов власти США: как они формируются и расходуются. Человек и труд. 2000. № 7. С. 77–80.

Об авторе:

ЛАТЫПОВА Наталия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирского государственного университета» (Россия, Уфа, ул. Достоевского 131), SPIN-код: 7218-7790; ORCID: 0000-0002-4583-3765; e-mail: marchrose@yandex.ru

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE USA AND GERMANY: RECEPTION OPPORTUNITIES

N.S. Latypova

Bashkir State University, Ufa

The author examines the German and American models of organizing local self-government, revealing the features of each of them. The subject of the analysis was the legal regulation and procedure for organizing local self-government in the United States and Germany, the place of municipalities in the system of government bodies of these countries, as well as the possibility of borrowing their individual elements. In the course of the work, the advantages and disadvantages of organizing local self-government in the United States and Germany were identified, and the main vectors of development of Russian municipalities were identified.

Keywords: *municipality, local government, the community, the government of the United States, the government of Germany, U.S. municipal law, the municipal law of Germany.*

About author:

ЛАТЫПОВА Nataliia – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University (Russia, Ufa, 131 Dostoevsky Street), SPIN-code: 7218-7790; ORCID: 0000-0002-4583-3765; e-mail: marchrose@yandex.ru

Латыпова Н.С. Особенности организации местного самоуправления в США и Германии: возможности рецепции // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 53–59.

ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

И.В. Макеева

Институт Мировых цивилизаций, г. Москва

Как известно, основным условием исследования преступлений органами предварительного расследования и судом выступает правильное определение предмета доказывания в рамках каждого отдельно взятого уголовного дела. В целом, можно заключить, что предмет доказывания является одним из исходных положений доказательственного права. Верное определение предмета доказывания и пределов доказывания обеспечивает полноту и всесторонность исследования обстоятельств дела. Поэтому так важно уметь выделить границы, в которых осуществляется собирание и оценка доказательств: это способствует упорядочению процесса сбора и оценки доказательств в достаточном объеме. В статье рассматриваются структура и содержание предмета доказывания, а также исследуются различные подходы к пониманию предмета и пределов доказывания.

Ключевые слова: предмет доказывания, пределы доказывания, уголовное судопроизводство, достаточность, процесс доказывания, главный факт.

Для защиты прав граждан при рассмотрении уголовных дел, как на досудебной стадии, так и на стадии судебного разбирательства, требуется четко определить перечень обстоятельств, которые необходимы для разрешения дела. Ведь, как указывает многочисленная судебная практика, часто незаконные приговоры выносятся именно вследствие неверного определения круга подлежащих выяснению обстоятельств. Например, в их число может не быть включен какой-либо особо значимый факт. Или, напротив, суд исследует обстоятельства, не имеющие в контексте данного дела правового значения. Важно не только определить такие важные для дела обстоятельства, но и доказать их в определенном порядке, а также верно распределить бремя доказывания.

Все еще нередко проявляющиеся ошибки при вынесении обвинительных заключений и постановлении приговоров являются следствием отсутствия должного внимания к вопросу. Между тем теоретическое исследование проблем института предмета доказывания, его результаты, равно как и его практическое применение, крайне важны для успешной работы правоохранительных, судебных органов. Грамотная постановка фактов, подлежащих выяснению, распределение бремени доказывания являются залогом успешного разрешения

уголовного дела и способствуют повышению активности сторон при доказывании.

Такое понятие, как предмет доказывания сформировалось в отечественном законодательстве и науке уголовного процесса не сразу. Так, в дореволюционной России данное понятие отсутствовало; его заменяло понятие предмета обвинения, в котором выделялись главный вопрос о виновности подсудимого, а также частные вопросы. Советское законодательство также поначалу не содержало такого определения. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. (далее – УПК РСФСР) только указывал на список тех вопросов, что должны были указываться в приговоре: суд должен был непременно указать, имело ли место само преступление, совершено ли оно подсудимым, подлежит ли последний наказанию и пр. (ст. 320) [2]. То есть законодатель в принципе не указывал на круг обстоятельств, доказывание которых обязательно для привлечения лица к уголовной ответственности. Это было обусловлено политическим подходом нового советского государства к судебному процессу и механизму привлечения к ответственности. Кодекс в главе IV о доказательствах указывал, что суд не ограничен какими-либо доказательствами, и от суда зависит допуск того или иного доказательства или затребование его от другого лица (ст. 57).

Впервые уголовно-процессуальное законодательство отразило перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. В частности, ст. 15 Основ содержала соответствующий перечень для доказывания: событие преступления, а также виновность лица, характер и размер причиненного ущерба [4]. Практически в таком же содержании рассмотренная норма перешла затем в ст. 68 УПК РСФСР 1960 г. [3]. В предмет доказывания дополнительно были включены обстоятельства, которые характеризуют личность обвиняемого, причины совершения им преступления. Сегодня предмет доказывания выступает как один из значимых институтов уголовного процесса.

Как известно, в науке уголовного процесса, в советский и в современный периоды неоднократно исследовался вопрос о предмете и пределах доказывания. В настоящее время законодатель и теория уголовного процесса полагают, что при исследовании обстоятельств дела внимание уделяется тем, что имеют правовое значение.

Под предметом доказывания понимается система обстоятельств, которыми выражаются свойства события, существенные для правильного разрешения конкретного дела и реализации задач уголовного судопроизводства.

В целом, можно сказать, что сегодня чаще всего предмет доказывания рассматривается в юридической науке как многоаспектное процессуальное понятие. Статья 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ) содержит перечень

факторов, условий, обстоятельств, которые подлежат доказыванию по уголовным делам.

Однако насколько полным является этот перечень? И надлежит ли при выяснении обстоятельств дела ограничиваться только указанными обстоятельствами, отказываясь от выяснения прочих? Среди ученых высказывались различные мнения на этот счет. Так, одна группа ученых указывала на целесообразность включения в предмет доказывания только тех обстоятельств, которые имеют основной, базовый характер. А дополнительные доказательственные факты включению в предмет доказывания не подлежат. Тогда как другая точка зрения указывала на важность любого факта, имеющего значение по делу; вследствие этого каждый факт должен быть установлен объективно и достоверно. Иными словами, предмет доказывания должен включать не только факты, составляющие окончательный итог доказывания, но также текущие факты, определяющие первые [5, с. 180].

Уголовно-процессуальный закон определил предмет доказывания в его общем виде. В результате положения о нем могут быть применены в рамках любого дела, а для уточнения подлежащих доказыванию обстоятельств следует обратиться к положениям закона. Представляется, что с таким утверждением следует согласиться. Ведь законодатель, устанавливая перечень обстоятельств в ст. 73 УПК РФ, исходил из общего характера положения закона и из возможности применения его к любому уголовному делу. Но это не означает, что приведенный в ст. 73 перечень является исчерпывающим.

Действительно, подчас перечисленных обстоятельств недостаточно для установления истины и разрешения дела. Отчасти это следует из положения ч. 2 ст. 73 УПК РФ, в которой законодатель указывает на необходимость выявить также обстоятельства, которые способствовали совершению деяния. Кроме того, в отдельных случаях важно выявить: причины, по которым преступление не было окончено; обстоятельства, которые могут повлиять на возможность осуществления лицом своих процессуальных прав (например, незнания языка, определенная болезнь и пр.). Это может существенным образом повлиять на итог разрешения дела.

По нашему мнению, перечень, данный в ст. 73 УПК РФ, является обязательным, но не закрытым. Для разрешения дела следует доказывать не только указанные в Кодексе обстоятельства, но и те, что имеют иное юридическое значение. Они обычно лежат за рамками состава преступления, однако могут повлиять на решение вопросов о наказании виновного, о взыскании причиненного ущерба и т.д. Кроме того, существуют такие обстоятельства, которые имеют доказательственное значение. В зависимости от конкретного дела это может быть принадлежность орудия преступления тому или иному лицу, факт неприязненных отношений между потерпевшим и обвиняемым и пр. Они

являются доказательственными фактами, нужными для выяснения юридически значимых по делу обстоятельств.

Данное мнение согласуется, в частности, с позицией В.А. Лазаревой, указавшей на отсутствие необходимости перечисления всех текущих фактов в нормах процессуального права. Это связано с тем, что такие факты индивидуальные и не имеют свойства тождественности, т.е. не могут быть применимы в рамках любого уголовного дела [8, с. 103].

Следует отметить неоднородность содержащихся в ст. 73 УПК РФ обстоятельств. Из подлежащих доказыванию обстоятельств выделяется главный факт, образуемый несколькими обстоятельствами, относящимися непосредственно к событию преступления и виновности в нем субъекта. Действительно, суд при вынесении приговора должен прежде всего ответить на такие вопросы:

- прежде всего, совершено ли данное деяние;
- во-вторых, совершено ли оно обвиняемым;
- наконец, виновен ли последний.

По мнению Д.В. Шарова, благодаря выделению так называемого главного факта в предмете доказывания, проявилось разделение доказательств на прямые и косвенные [10, с. 2605].

Видовой предмет доказывания – постоянный по форме для преступлений одного вида. Формула предмета доказывания, установленная в УПК РФ, не равнозначна видовому предмету доказывания, так как у нее нет уголовно-правового содержания. Действительно, видовой предмет доказывания имеет свое содержание на основе характеристики элементов состава преступления. Кроме того, по делам о преступлениях с бланкетной диспозицией на видовой предмет доказывания влияют также нормы административного права и иных отраслей. С.Н. Чурилов приводит следующий пример: при исследовании кражи под событием преступления следует понимать наличие факта тайного хищения имущества определенным способом, в конкретное время. Виновность предполагает совершение кражи с умыслом лицом в возрасте от 14 лет, имевшим корыстный мотив [9, с. 283].

Таким образом, предмет доказывания дает возможность правоохранителям получить ответит на такие вопросы:

- 1) какие именно обстоятельства подлежат установлению;
- 2) какие обстоятельства разрешено доказывать при производстве по уголовному делу. Здесь крайне важна роль сторон, которые на стадии судебного разбирательства вправе доказывать лишь те обстоятельства, что входят в предмет доказывания.

Относительно понятия пределов доказывания также имеется несколько точек зрения. В дореволюционных исследованиях доминировало предположение, что это понятие лежит в границах предмета доказывания. Позднее, в советский период, в особенности после принятия в 1958 г. Основ уголовного судопроизводства, о пределах

доказывания заговорили как о самостоятельном элементе в процессе доказывания (Г.М. Миньковский), хотя последователи отождествления предмета доказывания и пределов доказывания (М.С. Строгович, Р.Д. Рахунов и др.) продолжали отстаивать свою позицию. Сегодня указанные позиции также имеют место. Например, В.А. Лазарева не наделяет пределы доказывания процессуальной самостоятельностью. Однако все чаще звучит точка зрения, согласно которой пределы доказывания получают самостоятельность как элемент процесса доказывания [6, с. 107].

Так, например, Р.В. Костенко рассматривает пределы доказывания как итог преобразования вероятности в достоверность. Иначе говоря, любые сведения по делу находятся в состоянии достоверности и вероятности. Следовательно, если мы достигнем достоверного знания о тех или иных обстоятельствах, такое познание следует считать достоверным. Иное знание (вероятное) находится в состоянии вероятности [7, с. 153–154]. Из приведенного мнения видим, что понятия пределов доказывания и предмета доказывания пересекаются, но далеко не однозначны. Кроме того, пределы доказывания подлежат определению в рамках каждого уголовного дела.

Говоря о понятии пределов доказывания, следует обратиться к ст. 88 УПК РФ, в части первой которой установлено, что вся совокупность доказательств по делу должна оцениваться с позиции достаточности. Толкуя это положение буквально, можно сказать, что под пределами доказывания следует понимать совокупность доказательств, достаточную для установления всех важных для дела обстоятельств. Однако при всей очевидности в таком определении можно увидеть и ряд недостатков.

Так, в данном определении пределы доказывания сведены к совокупности доказательств при нетождественности этих понятий. Совокупность доказательств шире предмета доказывания, так как в нее входят также и те доказательства, которые противоречат друг другу, а также их логическая взаимосвязь. Кроме того, указанное определение предполагает обязательно наличие совокупности доказательств, а не одного единичного доказательства, что теоретически не совсем оправдано.

Нередко пределы доказывания выражают посредством таких показателей, как границы, глубина, объем, полнота, точность, детализация и пр.

В научной литературе также предлагаются следующие определения пределов доказывания:

- система доказательств, применяющихся для вывода о значимых обстоятельствах дела;
- пределы применения возможностей имеющихся в деле доказательств;

– количество источников доказательств, которых достаточно для вынесения приговора, и пр.

При этом популярно понимание пределов доказывания как совокупности доказательств, достаточных для установления всех обстоятельств предмета доказывания. Итак, из приведенных определений понимаем, что для понимания пределов доказывания по уголовным делам прежде всего является важным то, какими средствами будет обеспечена нужная и должная глубина и достоверность изучения обстоятельств.

Исходя из пределов доказывания, в теории и практике уголовного процесса не нужно доказывать очевидные факты (например, то, что снег тает при плюсовой температуре, или что дерево – горючий материал). Перечень таких фактов невозможно описать ввиду его широты. Например, являются всем очевидными свойства предметов, явления природы и пр.

Также не нужно доказывать общеизвестные факты. Это те факты, что известны большому кругу людей, например, проживающих на определенной территории. Очевидно, определить сколько-нибудь их круг также невозможно. Тем не менее в практике судов установились условия признания фактов общеизвестными: они известны как суду, так и широкому кругу лиц. При отсутствии одного из этих условий суд не признает факт не подлежащим доказыванию. Понятно, что всем известными могут быть отдельные факты, но не обстоятельства, которые базируются на оценке. Как общеизвестные можно привести такие факты, как, например, факт о террористическом акте в Казани 11.05.2021 г. или же факт приостановления авиарейсов между Россией и Турцией с 12 апреля текущего года по причине увеличившихся эпидемиологических рисков.

Пределы доказывания есть границы познавательной работы следственных органов или суда, которые определяются моментом достижения цели доказывания. Когда обстоятельства дела доказаны с необходимыми требованиями надежности, процесс доказывания следует считать оконченным. Предполагается, что после этого суд может принять обоснованное решение по делу.

Таким образом, доказывание в практике работы правоохранительных органов имеет крайне важное значение. Для него важна способность собирать факты, анализировать их, оценивать имеющиеся доказательства, при этом верно определяя пределы доказывания. Доказывание осуществляется, по сути, при проведении любого оперативного или следственного действия, при вынесении процессуальных актов как в ходе расследования, так и при рассмотрении уголовного дела судом. Не смотря на то, что доказывание порой представляет собой творческий процесс, его основы и порядок предписаны нормами процессуального закона. Однако закон

предписывает лишь основные принципы, рамки, по которым следует проводить процесс доказывания. Законодатель не в состоянии отразить, как именно следует организовать процесс сбора сведений об обстоятельствах дела.

В ходе анализа особенностей доказательного процесса по уголовным делам следует сделать вывод, что главное основание для отнесения того или иного обстоятельства к предмету доказывания – возможность его установить при получении доказательств, достаточных для достижения пределов доказывания. Иная информация не подлежит использованию для установления обстоятельств предмета доказывания. В итоге становится очевидно, что предмет доказывания опосредован наличием необходимых пределов доказывания, которые представляют собой достаточные доказательства. Уяснение и верное применение правил определения предмета доказывания, равно как и грамотное распределение бремени доказывания, определение порядка доказывания тех или иных фактов при рассмотрении дела, соотнесение новых доказательств с уже имеющимися в деле – все это необходимые элементы работы суда в процессе уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 24.02.2021 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержденный Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. (утратил силу) // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержденный ВС РСФСР 27 октября 1960 г. (утратил силу) // Свод законов РСФСР. Т. 8. Ст. 613.
4. Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.
5. Абдуллаев С.Ш. Развитие научных представлений о предмете доказывания в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2017. № 15 (153). С. 179-182.
6. Зотов Д.В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве (исследование с позиций разумного формализма) // Журнал российского права. 2016. № 2 (230). С. 105–117.
7. Костенко Р.В. Соотношение предмета и пределов доказывания в уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 152–157.
8. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 263 с.
9. Чурилов С.Н. Предмет доказывания в уголовном процессе: проблемы, пути решения // Образование и право. 2020. № 11. С. 281–285.

10. Шаров Д.В. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве: исторический опыт и современные проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11 (48). С. 2603–2606.

Об авторе:

МАКЕЕВА Инна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Институт Мировых цивилизаций г. Москва (Россия, Москва, Ленинский проспект, 1/2к1); e-mail: makeevainna2011@yandex.ru

SUBJECT AND LIMITS OF PROOF IN CRIMINAL CASE

I.V. Makeeva

Institute of World Civilizations, Moscow

It is known, the main condition for crimes investigation by the bodies of preliminary investigation and the court is the correct proof subject determination in each individual criminal case. In general, we can conclude that the subject of proof is one of the initial provisions of the law of evidence. Correct definition of the subject of proof and the limits of proof ensures a complete and comprehensive study of all the circumstances of the case. Therefore, it is so important to be able to identify the boundaries in which collection and assessment of evidence is carried out: this helps to streamline the process of collecting and evaluating evidence in a sufficient volume. The article examines the structure and content of the subject of proof, and also explores various approaches to understanding the subject and limits of proof.

Keywords: *circumstance in proof, limits of proof, criminal process, sufficiency, procuring evidence, principle fact.*

About author:

МАКЕЕВА Inna Vladimirovna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Institute of World Civilizations, Moscow (Russia, Moscow, Leninsky Prospekt, 1/2k1); e-mail: makeevainna2011@yandex.ru

Макеева И.В. Предмет и пределы доказывания по уголовному делу // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 60–67.

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ КАК ИНСТИТУТ ИСКЛЮЧЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЩЕЙ И ОСОБЕННОЙ ЧАСТЯХ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

М.И. Синяева, А.И. Левченко

ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет», г. Курск

Объектом настоящего исследования выступают нормы уголовного законодательства в сфере определения значения добровольного отказа от исполнения преступного деяния. Внимание акцентировано на рассмотрении категориальных аспектов института добровольного отказа в Общей и Особенной частях Уголовного кодекса РФ. Авторами сделан вывод о том, что значение добровольного отказа как института исключения уголовной ответственности в Уголовном кодексе РФ состоит как в возможности наиболее полного осуществления уголовно-правовых принципов справедливости и гуманизма, так и в достижении оптимальных результатов в уголовном преследовании и пресечении преступлений, а также в борьбе с преступностью, особенно организованной.

Ключевые слова: *преступное деяние, добровольный отказ, Уголовный кодекс РФ, исключение уголовной ответственности, состав преступления, неоконченное покушение.*

Актуальность исследования проблемных вопросов института добровольного отказа от преступления обосновывается тем, что данный феномен представляет собой эффективное средство сдерживания преступности, его присутствие в социальной реальности благоприятно сказывается на криминогенной ситуации в стране. Однако практика применения ст. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), посвященной институту добровольного отказа, отражает, что совокупность уголовно-правовых мер и механизмов регулирования добровольного отказа является несовершенной. Помимо того, сама законодательная концепция добровольного отказа содержит ряд правовых коллизий и пробелов, недостаточно четко настроена и технология применения нормы, что отрицательно сказывается на точности установления акта добровольного отказа и может служить основанием для злоупотреблений со стороны правоприменителей.

* Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующей личности, общества и государства» (№ 0851-2021-0033).

Рассматривая юридическую природу института добровольного отказа с помощью раскрытия его определения, признаков и влияния на уголовную ответственность, необходимо обозначить его сущность как непосредственно в узком, так и в широком смысле.

В первом случае суть добровольного отказа сводится конкретно к самому акту отказа, а именно – прекращению развития преступного намерения, инициированного самим же лицом. В ином же смысле подчеркивается, что добровольный отказ – явление, изначально основанное на осуществлении преступного умысла субъектом, то есть подготовке к совершению преступного деяния и практике самого преступления, которое затем проявляется в прекращении деяния до окончания преступления, исходя из собственной воли лица, покушавшегося на совершение преступления [2, с. 586]. Следует акцентировать внимание на то, что современное уголовное законодательство Российской Федерации регламентирует институт добровольного отказа, рассматриваемый в узком значении, в то время как широкое понятие употребляется в области научных знаний об уголовном праве.

Преобладающее число ученых-юристов, которые посвятили свои труды институту добровольного отказа, не только ориентировались на уяснение сущности и правовой природы феномена, но и старались провести его ретроспективную составляющую в нормах российского законодательства различных эпох, а также определить уголовно-правовое значение института как основания для исключения уголовной ответственности. В качестве примера можно привести слова А.А. Клюева, который в своих трудах неоднократно отмечал, что «Уголовный кодекс РФ в своем актуальном состоянии вобрал в себя многолетнюю научную работу и правоохранительную практику в сфере применения и определения института добровольного отказа от совершения преступления» [1, с. 67]. Однако несмотря на обилие научных исследований, проблематика рассматриваемого института по-прежнему нуждается в качественном, детальном решении.

Для того, чтобы всецело раскрыть и понять природу института добровольного отказа в УК РФ от совершения преступления сквозь призму норм его регламентирующих, а также основываясь на исследованиях ученых-юристов, необходимо произвести подробный анализ и выявить главные проблемы и особенности в отношениях, связанных с добровольным отказом.

Концепция добровольного отказа в современном законодательстве подразумевает, что такой акт возможен лишь при начавшихся попытках исполнения лицом объективной стороны преступления и если оно прекратило такое деяние при условии наличия объективной возможности его завершения и субъективного понимания этого. Однако при этом законодатель в статье 31 УК РФ совершенно справедливо предписал, что

акт своевременного добровольного отказа не освобождает лицо от уголовной ответственности, если в его деянии обнаружится иной состав преступлений. К тому же попытки лица размышлять о плане реализации преступного умысла не подлежат уголовно-правовому регулированию, если это лицо отказалось от своего намерения.

В связи с этим зачастую ошибочно признается осуществление выявленного намерения в качестве одной из форм добровольного отказа. Ведь при наличии такого обстоятельства предстать перед судом может невиновный человек, который уже поразмыслил о своих действиях и пришел к разумному выводу. Такое положение обуславливает целесообразность замены понятия «добровольный отказ от преступления» более конкретной дефиницией «добровольный отказ от доведения преступления до конца», поскольку первая, действующая формулировка является довольно расплывчатой и сводится к ситуациям, когда лицо фактически не приступило к выполнению объективной стороны преступного деяния [3, с. 84]. Следовательно в уголовно-правовой материи, в Общей и Особенной частях УК РФ следует аналогичным образом закрепить и деятельно настроить формулировку рассматриваемой стимулирующей меры.

Кроме этого, стоит обратить внимание на то, что конструкция «не подлежит уголовной ответственности», помимо диспозиции статьи 31 УК РФ, неоднократно используется законодателем в других статьях Общей части УК РФ. В частности, в ч. 3 ст. 20 УК РФ такое определение указывает на предельный возраст невменяемости; ч. 1 ст. 21 УК РФ содержит признаки и условия невменяемости, при наличии которых лицо не несет уголовную ответственность; также при эксцессе исполнителя преступления, когда на соучастников соответственно ответственность не возлагается (ст. 36 УК РФ). Подобное законодательное использование единых теоретических конструкций может служить почвой для рассмотрения таких уголовно-правовых институтов, как явление единого порядка, исключающего уголовную ответственность.

Основанием для временного приостановления преступной деятельности может служить круг обстоятельств, не только делающий преступление невозможным, но и затрудняющий доведение его до конца, или же иные условия. Как показывает практика, когда лицо приостанавливает преступление, то в редких случаях оно его не доводит до конца. Обычно тщательнее обдумывается план и ход действий и даже возможен процесс привлечения в свою преступную деятельность людей, которые помогают довести преступление до логического завершения [4, с. 25–27]. Поэтому верным представляется определение мотивов и предпосылок добровольного отказа от преступления исходя из внутренних предубеждений субъекта и имеющихся объективных условиях, препятствующих совершению преступления. Только в случае добровольного отказа обстоятельства извне являются лишь

стимулирующими условиями для соответствующего поведения субъекта, чем влияют на внутренний мотив акта отказа, но не определяют фактическую невыполнимость затаенного.

В последнее время в науке уголовного права стали довольно «традиционными» дискуссии о возможности добровольного отказа на разных стадиях преступления [6, с. 356–358]. Опираясь на уголовный закон, становится понятно, что возможность добровольно отказаться от совершения уголовно-наказуемого деяния предусматривается только на стадии незавершенной преступной деятельности, а именно – во время подготовки к преступлению и покушения на его совершение. Возможность реализовать намерение добровольного отказа на подготовительном этапе неоспорима и признается как практиками, так и теоретиками уголовного права. Камнем преткновения же являются споры о возможности применения нормы о добровольном отказе на этапе покушения. Так, С.В. Шевелева в своей диссертационной работе подчеркивает, что «добровольный отказ от совершения преступления возможен только на стадии неоконченного покушения» [7, с. 11]. Эта позиция представляется наиболее правильной, поскольку именно на этапе неоконченного покушения лицо еще не выполнило задуманных действий, необходимых для реализации преступного умысла и причинения общественно опасного результата.

С учетом изложенного можно сказать, что уголовно-правовое значение добровольного отказа в УК РФ состоит в том, что такой отказ служит основанием, исключающим ответственность. Этим основанием является отсутствие состава оконченного преступления (нет объективного признака, закрепленного Особенной частью УК РФ – преступного деяния), так и состава неоконченного преступления (нет объективного признака, предусмотренного Общей частью УК РФ – несовершения преступления по независящим от лица условиям) [5, с. 190]. По этой причине, разграничивая другие обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, добровольный отказ от преступления занимает особое место в системе уголовного права.

Между тем правовая сущность уголовно-правовых явлений не является непоколебимой, определенной раз и навсегда. Поэтому в зависимости от конкретных исторических условий, уровня развития доктрины законодатель может изменить юридический характер института добровольного отказа, как и любых других уголовно-правовых институтов. Однако место института добровольного отказа в системе условий, исключающих уголовную ответственность, сегодня представляется наиболее приемлемым вариантом. Положения о добровольном отказе в УК РФ отражают многолетнюю практику его применения, а также достигнутый уровень теоретических исследований в этой области [5, с. 190]. Прогрессивной тенденцией современного уголовного законодательства является содержание юридического

толкования дефиниции, указание основных признаков и правовых последствий стимулирующей меры, а также регламентация особенностей добровольного отказа соучастников преступления.

Список литературы

1. Ключев А.А. Особенности добровольного отказа от совершения преступления в неоконченном посягательстве и в соучастии: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 248 с.
2. Низамутдинова Э.Р. Добровольный отказ от преступления как уголовно-правовая категория // *Аллея науки*. 2018. № 11(27). С. 584–587.
3. Орлова А.И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. 198 с.
4. Скорилкин Н. М. Добровольный отказ от преступления и его место в системе обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 184 с.
5. Тарасова И.А. Добровольный отказ от преступления и его место в уголовном законодательстве РФ // *Право: история, теория, практика*. 2018. С. 187-195.
6. Уголовное право Российской Федерации: Общая и Особенная части: учебник / А.И. Чучаева [и др.]. М.: КОНТРАКТ, 2013. 538 с.
7. Шевелева С.В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 22 с.

Об авторах:

СИНЯЕВА Мария Ивановна – заместитель декана юридического факультета, старший преподаватель кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет» (305040, Россия, Курская обл., Курск, ул. 50 лет Октября, 94); SPIN-код: 1748-0820; e-mail: mari_sinyaeva@mail.ru

ЛЕВЧЕНКО Алина Игоревна – юрист ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет» (305040, Россия, Курская обл., Курск, ул. 50 лет Октября, 94); e-mail: alina99984@mail.ru

VOLUNTARY REFUSAL AS AN INSTITUTE FOR THE EXCLUSION OF CRIMINAL LIABILITY IN THE GENERAL AND SPECIAL PARTS OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

M.I. Sinyaeva, A.I. Levchenko

South-Western State University, Kursk

The object of this study is the norms of criminal legislation in the field of determining the meaning of voluntary refusal to perform a criminal act. Attention is focused on the consideration of the categorical aspects of the institution of voluntary refusal in the General and Special Parts of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors concluded that the importance of

voluntary refusal as an institution of exclusion of criminal liability in the Criminal Code of the Russian Federation lies both in the possibility of the most complete implementation of the criminal law principles of justice and humanism, and in achieving optimal results in criminal prosecution and suppression of crimes, as well as in the fight against crime, especially organized crime.

Keywords: *criminal act, voluntary refusal, the Criminal Code of the Russian Federation, exclusion of criminal liability, corpus delicti, unfinished attempt.*

About authors:

SINYAEVA Maria – deputy dean of the faculty of law, senior lecturer of the department of criminal law of the Southwestern State University (305040, Russia, Kursk region, Kursk, street 50 years of October, 94); SPIN-code: 1748-0820; e-mail: mari_sinyaeva@mail.ru

LEVCHENKO Alina – lawyer of the Federal South-Western State University (305040, Russia, Kursk region, Kursk, street 50 years of October, 94); e-mail: alina99984@mail.ru

Синяева М.И., Левченко А.И. Добровольный отказ как институт исключения уголовной ответственности в общей и особенной частях Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 68–73.

ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ

З.Н. Столярова

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», г. Москва

Исследуется одно из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел в сфере миграции, которым выступает международное сотрудничество. Анализируются административные правоотношения в сфере внешней миграции, а также новые формы и методы административной деятельности органов внутренних дел в сфере миграции, в том числе дистанционные. Исследуется эффективность взаимодействия органов исполнительной власти с международными организациями в целях противодействия незаконной миграции. Обозначены форматы взаимодействия в сфере внешней миграции, дана оценка новелл административно-правового регулирования в сфере внешней миграции.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, взаимодействие, соглашения в сфере миграции, органы внутренних дел, административная деятельность, противодействие незаконной миграции, административно-правовые нормы.

В последнее время в современном мире и в России в частности все более пристальное внимание уделяется миграционной политике. Это связано с масштабностью миграционных процессов и связанными с ними негативными последствиями.

Факторы, влияющие на иммиграционные процессы, можно подразделить на социально-экономические, политические, военные, личные, этнические, религиозные. Спонтанная, неуправляемая иммиграция оказала и продолжает оказывать негативное влияние на экономические, социальные, демографические и другие процессы как в России в целом, так и в ее отдельных регионах. Неконтролируемая иммиграция не позволяет обеспечить достойную защиту прав и самих внешних мигрантов.

Следует признать, что миграционное законодательство Российской Федерации не в полной мере соответствует текущим и будущим потребностям экономического, социального и демографического развития, интересам работодателей и российского общества в целом. Оно ориентировано на привлечение временных иностранных работников и не содержит мер, способствующих переезду на постоянное место жительства, адаптации и интеграции мигрантов.

Возможно, это объясняется тем обстоятельством, что совершенствование законодательства, с одной стороны, должно

усиливать контроль за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства на территории страны, а с другой – требуется максимально возможное упрощение процесса приобретения ими законного административно-правового статуса для пребывания в России.

В современных условиях реформирования органов государственной власти миграционное законодательство дополняется нормативными правовыми актами, направленными на совершенствование правовой основы деятельности территориальных органов внутренних дел (полиции). Одним из способов регулирования внешней миграции, контроля над потоками иностранцев, приобретения ими соответствующего правового статуса является четкая административно-правовая регламентация правоотношений в рассматриваемой сфере.

В связи с совершенствованием миграционного законодательства, а также складывающейся социально-экономической обстановкой в регионах, обусловленной введением ограничительных мер, эпидемиологической обстановкой, закрытием границ в странах исхода, возрастают риски снижения количества потенциальных участников Государственной программы, а также неполного освоения в 2021 г. средств федерального бюджета, предусмотренных на выплаты пособий и компенсаций в рамках Государственной программы переселения соотечественников из-за рубежа [2].

Отмечается снижение численности вынужденных переселенцев, обусловленное утратой указанного правового статуса «вынужденный переселенец», в связи с жилищным обустройством, а также единичными фактами обращения подобной категории граждан за получением указанного статуса.

Одним из приоритетных направлений органов внутренних дел в сфере миграции является международное сотрудничество, которое осуществляется с учетом обновленной государственной миграционной политики [3].

В целях расширения участия Российской Федерации на различных международных площадках в сфере миграции компетентными федеральными органами исполнительной власти осуществляется взаимодействие с зарубежными партнерами на миграционном направлении как в многостороннем, так и в двустороннем форматах.

Вместе с тем сложная санитарно-эпидемиологическая обстановка в мире, связанная с распространением COVID-19, и введенные многими странами ограничительные меры привели к вынужденному снижению активности по развитию международного сотрудничества в миграционной сфере [4].

Всемирная пандемия внесла существенные коррективы в деятельность заинтересованных ведомств Российской Федерации в рамках международного сотрудничества на миграционном направлении, а также вынужденные меры ограничительного характера, принятые

руководством Министерства, в части запрета на проведение встреч в очном формате с иностранными партнерами и выездов в заграничные служебные командирования. В то же время возникшие пробелы частично удалось компенсировать за счет внедрения дистанционных форм работы.

Взаимодействие с иностранными коллегами на миграционном направлении в части деятельности ключевых международных площадок из числа Совета руководителей миграционных органов государств–участников Содружества Независимых Государств (далее – СРМО); Координационного совета руководителей компетентных органов государств–членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) по вопросам борьбы с незаконной миграцией; Совместной комиссией государств–участников Соглашения о сотрудничестве государств–участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией (далее – СКБНМ) в настоящее время рассматривается к проведению в формате многосторонних видеоконференций. Следует подчеркнуть, что Российская Федерация выступает в качестве председателя в указанных рабочих органах и выполняет функции секретариатов.

Эффективность и автоматизация информационных ресурсов в сфере миграции, информационного обмена между странами с учетом повсеместной цифровизации в качестве средства противодействия незаконной миграции выступает предметом научной дискуссии ученых и специалистов в рассматриваемой сфере на протяжении последних лет [10].

Кроме того, специалисты подчеркивают важность оперативного информационного обмена как одного из эффективных средств противодействия угрозам национальной безопасности [11].

Главным управлением по вопросам миграции МВД России проработан вопрос с Исполкомом Содружества Независимых государств и Секретариатом ОДКБ о проведении в 2021 г. в формате видеоконференцсвязи заседания СРМО и СКБНМ на площадке штаб-квартиры Исполкома СНГ в Республике Беларусь.

В рамках деятельности ОДКБ проводится целенаправленная работа по созданию эффективных механизмов противодействия негативным миграционным явлениям как при проведении заседаний СКБНМ, очередное заседание которого состоялось в ноябре прошлого года, так и в рамках совместных оперативно-профилактических мероприятий в текущем 2021 г.

Традиционно подобные мероприятия проводятся на площадке Центра кризисного реагирования ОДКБ в Москве. Так, например, в целях организации противодействия незаконной миграции на международном уровне в марте текущего года на площадке Центра кризисного реагирования ОДКБ проведено очередное заседание Международного штаба операции «Нелегал», в ходе которого согласован и утвержден

алгоритм предстоящих оперативно-профилактических мероприятий. Однако в связи с эпидемиологической обстановкой проведение оперативно-профилактических мероприятий «Нелегал» перенесено на второе полугодие 2021 года.

Важность проведения подобных мероприятий невозможно переоценить, тем более на международном уровне. Проведение подобных оперативно-профилактических мероприятий между указанными государствами, безусловно, повышает безопасность указанных стран, а также обеспечивает эффективную деятельность правоохранителей на международном уровне. В экономическом и культурном развитии Российской Федерации, впрочем, как и любого другого государства, миграционные процессы играют важную роль и являются неотъемлемой частью рыночной экономики как стран приема, так и исхода.

В этой связи важно отметить, что несмотря на ограничения, связанные с пандемией, продолжают проводиться заседания межправительственных комиссий по экономическому сотрудничеству (далее – МПК). Так, например, осуществлены выезды в Киргизию, Узбекистан, Таджикистан для участия в МПК представителей МВД России. Помимо очного формата, МПК проводятся и в дистанционном формате, как, например, заседание МПК с Молдовой и Азербайджаном, которое впервые было проведено в онлайн-режиме.

В пределах компетенции МВД России периодически организуются заседания рабочих групп по реализации двусторонних межправительственных соглашений в сфере трудовой миграции с различными заинтересованными государствами. Принимая во внимание эпидемиологическую обстановку в мире, всего одно заседание рабочей группы в сфере трудовой миграции (российско-таджикская рабочая группа) было проведено в прошлом году. Это было уже 14 заседание Совместной российско-таджикской рабочей группы по решению вопросов, связанных с выполнением совместного Соглашения [7, 8].

Интересно, что по результатам такого заседания Сторонами подчеркнута важность совместной работы в сфере защиты прав трудящихся-мигрантов на территории государств сторон в рамках активизации двустороннего сотрудничества при реализации данного Соглашения. Вместе с тем, учитывая текущую общемировую ситуацию, связанную с пандемией коронавируса (COVID-19), МВД России совместно с МИД России принято решение о переносе заседаний соответствующих рабочих групп на более поздние сроки.

Продолжается сотрудничество с Республикой Узбекистан в части присоединения к ЕАЭС. В ходе ряда встреч с узбекскими партнерами даны разъяснения по действующим нормам миграционного законодательства и иным вопросам в рамках двустороннего сотрудничества в сфере миграции с учетом законодательно закрепленных

временных мер по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в условиях сложной эпидемиологической обстановки [4].

Организация противодействия негативным проявлениям в сфере миграции представляет собой одну из приоритетных задач государственной миграционной политики Российской Федерации в целях обеспечения национальной безопасности российского государства.

В этой связи новеллы федерального закона [1] установили единые требования к осуществлению миграционного учета иностранных граждан в Российской Федерации независимо от их миграционного статуса, а также конкретизировали возможность подачи уведомления о прибытии (убытии) и заявления о регистрации (снятия с регистрации) в цифровом формате, значительно упростив административные процедуры для субъектов указанных правоотношений.

В целом, анализ практики применения нормативных правовых актов в сфере миграции отражает положительные результаты деятельности правоохранительных органов по выявлению фактов фиктивной регистрации мигрантов в Российской Федерации. Безусловно, подобная ситуация оказывает положительное влияние на развитие международного сотрудничества миграционной сферы по данному вопросу.

Реализация международных соглашений Российской Федерации в сфере миграции в настоящее время обеспечивается МВД России. Так, например, заседания соответствующих рабочих групп проводятся на постоянной основе (ежегодно). В ходе данных встреч участники заседания подчеркивают важность проводимой работы по укреплению сотрудничества в сфере противодействия незаконной миграции, обмениваются информацией об изменениях в миграционном законодательстве государств Сторон.

Очевидно, что работа по проведению заседаний соответствующих рабочих групп будет продолжена после стабилизации эпидемиологической ситуации и снятия государствами соответствующих ограничений.

Одной из ключевых и наиболее объемных является работа на белорусском направлении в рамках реализации Плана мероприятий по формированию единого миграционного пространства на территориях государств–участников Договора о создании Союзного государства [6, 9].

Результаты реализации данного Плана находят отражение в повестке заседаний Межгосударственной межведомственной рабочей группы по выработке рекомендаций по проведению согласованной миграционной политики (далее – ММРГ). Так, например, в прошлом году в Витебске (Республика Беларусь) состоялось очередное (уже двенадцатое) заседание ММРГ, в ходе которого удалось рассмотреть и согласовать проект Концепции миграционной политики Союзного государства в качестве основного документа стратегического планирования в данном

направлении в формате Союзного государства. В настоящее время указанный проект Концепции, согласованный с белорусской стороной, находится на рассмотрении.

Взаимодействие в формате Союзного государства, безусловно, позволяет правоохранителям наших стран осуществлять информационный обмен, делиться опытом противодействия незаконной миграции, унифицировать правовые нормы, содействовать реализации совместных проектов в целях формирования единого миграционного пространства между нашими государствами.

Одной из новелл административно-правового регулирования в сфере миграции явилось подписание в прошлом году в Минске межправительственного соглашения о взаимном признании виз и по иным вопросам, связанным с въездом иностранных граждан и лиц без гражданства на территории государств-участников Договора о создании Союзного государства. Обеспечение подобной правовой работы является важной задачей двустороннего сотрудничества.

В контексте расширения российского присутствия на международных площадках в сфере миграции безусловным приоритетом на данный момент является выполнение перечня поручений Президента Российской Федерации, касающегося оформления вступления российского государства в Международную организацию по миграции (далее – МОМ) и дальнейшего обеспечения в ней эффективного участия [5].

В настоящее время проект федерального закона о вступлении в МОМ находится на рассмотрении в Правительстве Российской Федерации, а на очередной сессии МОМ одобрена заявка Российской Федерации о членстве в данной международной организации.

Очевидно, что полноформатное членство России в МОМ (сейчас статус наблюдателя) предоставит возможность непосредственно участвовать в принятии решений Организации и использовать ее потенциал для продвижения российских интересов в сфере регулирования миграции, а также позволит более полно доводить до иностранных партнеров наши подходы к реагированию на ключевые миграционные вызовы современности.

В области вынужденной миграции продолжается взаимодействие с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев как по линии Представительства в Москве, так и в руководящих органах Управления – Исполнительном и Постоянном комитетах, в том числе в контексте реализации принятого в 2018 г. Глобального договора о беженцах.

Таким образом, деятельность по совершенствованию и модернизации административно-правового регулирования миграционных процессов в многостороннем формате представляется необходимой, а разрабатываемые и принимаемые нормативные-правовые

акты, регламентирующие правоотношения рассматриваемой области, позволят повысить эффективность деятельности правоохранителей в части организации противодействия незаконной миграции.

Список литературы

1. Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 182-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.21).

2. Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 (ред. от 24.03.2021 г.) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.21).

3. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.21).

4. Указ Президента РФ от 18 апреля 2020 г. № 274 (ред. от 02.01.2021 г.) «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.21).

5. Перечень поручений по вопросу вступления России в Международную организацию по миграции: утв. Президентом РФ 16 августа 2020 г. № Пр-1311 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.21).

6. Резолюция № 1 Совета Министров Союзного государства «О формировании единого миграционного пространства» (Вместе с «Информацией о результатах выполнения Плана мероприятий на 2017 - 2020 годы») (Принята в г. Москве 19.03.2021) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.21).

7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о трудовой деятельности и защите прав граждан Российской Федерации в Республике Таджикистан и граждан Республики Таджикистан в Российской Федерации (Заклучено в г. Душанбе 16.10.2004 г.) (ред. от 29.10.2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.21).

8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации (Заклучено в г. Москве 17.04.2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.21).

9. Распоряжение Правительства РФ от 27 марта 2020 г. № 763-р (ред. от 17.08.2021 г.) «О временном ограничении движения через автомобильные, железнодорожные, пешеходные, речные и смешанные пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, а также через сухопутный участок российско-белорусской государственной границы» [Электронный ресурс]. URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.21).

10. Обидин В.С., Столярова З.Н. Центральный банк данных по учёту иностранных граждан и лиц без гражданства: опыт создания и ведения // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 3 (23). С. 47–51.

11. Столярова З.Н., Колпаков П.А. Актуальные проблемы привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к административной ответственности в контексте угроз национальной безопасности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 3 (63). С. 49–57.

Об авторе:

СТОЛЯРОВА Зинаида Николаевна – кандидат юридических наук; член Национальной ассоциации административистов России; полковник полиции; доцент кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (Россия, г. Москва, ул. 3. и А. Космодемьянских, д.8); e-mail: zina_adyunkt@mail.ru

ON ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF EXTERNAL MIGRATION

Z.N. Stolyarova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

The article submitted for publication examines one of the priority areas of activity of the internal affairs bodies in the field of migration, which is international cooperation. Administrative legal relations in the field of external migration are analyzed, as well as new forms and methods of administrative activity of internal affairs bodies in the field of migration, including remote ones. The effectiveness of the interaction of executive authorities with international organizations in order to counter illegal migration is investigated. The formats of interaction in the field of external migration are outlined, the novelties of administrative and legal regulation in the field of external migration are evaluated.

Keywords: *administrative and legal regulation, interaction, agreements in the field of migration, internal affairs bodies, administrative activities, countering illegal migration, administrative and legal norms.*

About author:

STOLYAROVA Zinaida – PhD in Law, member of the National Association of Administrativists of Russia; Police Colonel; Associate Professor of the Department of Management of the Activities of the Public Order Units of the Center for Command and Staff Exercises of the Federal State Educational Institution "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia" (8, Z. and A. Kosmodemyanskikh str., Moscow, Russia); e-mail: zina_adyunkt@mail.ru

Столярова З.Н. Об административно-правовом регулировании в сфере внешней миграции // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 74–82.

ОРИЕНТИРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА В ВОПРОСАХ УВАЖЕНИЯ ЧАСТНОЙ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Приведен анализ некоторых постановлений Европейского Суда по правам человека по делам, связанным с правом на уважение частной и семейной жизни. Используемая практика преследует цель показать новые подходы к решению вопросов в сфере частной и семейной жизни. Высказанные мнения предполагают дискуссию.

Ключевые слова: *Европейский Суд по правам человека, уважение частной и семейной жизни, суррогатное материнство, ограничение родительских прав, усыновление, право знать свое происхождение, баланс частных и публичных интересов.*

Уважение частной и семейной жизни можно считать центром «галактики прав человека». Все основные права и свободы человека в той или иной мере обусловлены и взаимосвязаны с личной и семейной жизнью человека. Право на уважение частной и семейной жизни, гарантированное ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, как и все другие права и свободы, получило развитие в правовых позициях Европейского Суда по правам человека. Соответственно, к сфере частной семейной жизни были отнесены самые различные вопросы: принудительное лечение; репродуктивное здоровье; проблемы, связанные с завершением жизни и погребением; проблемы экологической безопасности; защита права на изображение, персональных данных, чести и достоинства; право на имя и право знать свое происхождение; родительские права применительно к различным ситуациям; права детей; вопросы установления происхождения детей и родительские права и обязанности. Это далеко не полный перечень вопросов, непосредственно относящихся к частной и семейной жизни, но названная статья Конвенции обеспечивает еще защиту неприкосновенности жилища и корреспонденции. Можно утверждать, что сфера частной и семейной жизни в трактовке Европейского Суда охватывает почти весь перечень прав человека и гражданина, предусмотренный гл. 2 Конституции Российской Федерации. В связи с этим невозможно даже в самом обобщенном виде охватить все существующие проблемы, связанные с уважением частной и семейной жизни.

Известная фраза о том, что «Конвенция живет в решениях Европейского Суда», означает, что путем толкования конвенционных

норм Европейский Суд включает в понятие прав и свобод человека иногда неожиданное содержание, как, например, отнесение вопросов экологии к защите частной жизни. Понятно, что таким образом обеспечивается защита всех возможных прав и свобод человека, но все-таки необходимо определить характер толкования, применяемый Европейским Судом. Традиционно выделяют расширительное и ограничительное толкование, соответственно, расширительное – к содержанию самих прав и свобод, а ограничительное – к тем исключениям, которые может применять государство. Но даже расширительное толкование не может объяснить в ряде случаев то, как Европейский Суд определяет содержание права, в связи с этим следует применять понятие «эволюционное толкование» [2, с. 758–759]. Такой вид толкования является необходимым, поскольку развитие общественных отношений происходит довольно быстро, а нормы Конвенции остаются неизменными.

Среди субъектов семейных правоотношений наиболее уязвимыми являются дети и защита их прав и законных интересов представляется наиболее сложной. Поэтому Европейский Суд особо тщательно рассматривает возможные нарушения ст. 8 Конвенции по делам, затрагивающим интересы детей.

О.Ю. Ильина отмечает: «Семейные отношения наиболее уязвимы и чувствительны с точки зрения реализации частных интересов граждан, поскольку при этом должен быть соблюден формат, обусловленный публичным интересом в регулировании семейных и смежных с ними отношений» [1, с. 13]. Это полностью соответствует позиции Европейского Суда при рассмотрении дел, связанных с правом на уважение частной и семейной жизни. Самые сложные вопросы решаются с учетом соблюдения баланса частных и публичных интересов.

Аргументация в решениях Европейского Суда является очень подробной и многоаспектной, и именно мотивы решений и являются основными ориентирами для понимания аспектов частной и семейной жизни и развития законодательства. В этом аспекте представляют интерес и особые мнения судей, которые, как и сами постановления, подлежат опубликованию. Правила опубликования обусловлены указанным значением содержания как решений, так и особых мнений по ним.

Особое мнение судьи согласно ч. 4 ст. 194 Гражданского процессуального кодекса РФ приобщается к материалам дела, но не публикуется, поскольку оно не должно ставить под сомнение законную силу судебного решения, но при этом может иметь значение для проверочных инстанций. А особые мнения по постановлениям Европейского Суда могут обозначить новые аспекты проблемы и дать основания для изменений действующего законодательства.

Институт суррогатного материнства является достаточно новым для семейного права России, но его применение стремительно растет, причем становится очевидным, что его используют далеко не только в тех случаях, когда это единственная возможность стать родителями. В связи с этим заслуживает внимания Постановление Большой палаты Европейского Суда от 24 января 2017 г. по делу «Парадизо и Кампанелли против Италии» [5, с. 489–498]. Супружеская пара из Италии прибегла к услугам суррогатной матери на территории Российской Федерации. После возвращения в Италию выяснилось, что супруги использовали поддельные документы и нарушили Акт об усыновлении. Суд по делам несовершеннолетних назначил опеку над ребенком и начал процесс по возможному усыновлению этого ребенка другими лицами. Был проведен тест ДНК, который показал, что ребенок не связан генетически с предполагаемым отцом. По решению суда ребенок был передан на попечение социальных служб и впоследствии был усыновлен другими лицами. Парадизо и Кампанелли обратились с жалобой в Европейский Суд на нарушение ст. 8 Конвенции. Европейский Суд принял решение о том, что в данном деле власти Италии не допустили нарушений ст. 8 Конвенции. Суд принял решение, основываясь на том, что в этом деле более существенны общественные интересы, поскольку иное решение означало бы придание юридической силы противоправным действиям заявителей, которые нарушили закон. Суд счел, что интересы заявителей и их желание стать родителями в данной ситуации менее значимы, чем нарушение норм закона.

Суд учел и то обстоятельство, что в силу младенческого возраста ребенка и его непродолжительного пребывания в семье заявителей, не имеющих с ним биологической связи, передача его в другую семью не повлечет негативных последствий. Такие мотивы позволяют предположить, что баланс частных и публичных интересов мог бы быть другим, если бы у ребенка уже сформировалась привязанность к приемным родителям.

Все это вызывает необходимость осмысления правовых норм, регламентирующих усыновление и особенно применение суррогатного материнства. Особый взгляд на мотивацию указанного решения Европейского Суда выразили судьи Винсент А. Де Гаэтано, Пауло Пинто Де Альбукерке, Кшиштоф Войтычек и Дмитрий Дедов. Они в своем особом мнении обратили внимание на этическую и правовую стороны проблемы суррогатного материнства в целом. По мнению этих судей, «суррогатное материнство, возмездное или нет, несовместимо с достоинством человека. Оно представляет собой унижающее достоинство обращение не только для ребенка, но и для суррогатной матери... Еще не рожденного ребенка не только насильственно помещают в чужеродную биологическую среду, но и лишают того, что должно было стать безграничной материнской любовью до появления

его на свет. Кроме того, суррогатное материнство препятствует развитию особенно сильных связей, которые возникают между ребенком и отцом... И ребенок, и суррогатная мать рассматриваются не как самоцель, а как средство удовлетворения желаний других лиц. Подобная практика несовместима с ценностями, лежащими в основе Конвенции. Суррогатное материнство особенно неприемлемо, если суррогатная мать получает вознаграждение» [3, с. 436–437]. В своем особом мнении судьи приравнивают суррогатное материнство за вознаграждение к продаже детей, которая запрещена как международными нормами, так и внутренним законодательством России.

Европейский Суд не дал официально подобного толкования суррогатного материнства, но, может, следует задуматься нашим законодателям, пока эта проблема не создала серьезную угрозу семейным ценностям.

Широко обсуждаемой является проблема возможного отобрания ребенка у родителей. Есть две практически противоположные позиции: ребенок должен оставаться с родителями, и необходимо изымать ребенка при первых признаках угрозы жизни, здоровью и нормальному развитию ребенка. Семейный кодекс РФ предусматривает две возможных ситуации отобрания ребенка: статья 73 «Ограничение родительских прав» и статья 77 «Отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью». И в том и в другом случае ребенок оказывается в опасной для себя ситуации, но разница в правовых последствиях зависит от поведения родителей.

Ограничение родительских прав предполагает, что в создавшейся опасной для ребенка ситуации нет вины его родителей, поэтому не предполагается лишать их родительских прав. И, напротив, отобрание ребенка по правилам ст. 77 Семейного кодекса РФ должно завершиться по общему правилу лишением родительских прав. Обе ситуации очень сложны с позиций соблюдения интересов ребенка.

Особым случаем ограничения родительских прав является наличие психических расстройств у родителей. Прежде всего важно определить степень умственного и психического расстройства, чтобы понять, возможно ли оставить детей с такими родителями, а если их необходимо изъять, то как могут строиться отношения родителей и детей в дальнейшем. Психические и умственные отклонения, как правило, являются неизлечимыми, возможна лишь временная стабилизация, но при этом не все свидетельствуют о невозможности продолжать воспитывать своих детей. Ориентиром в таких делах может быть постановление Европейского Суда от 21 февраля 2002 г. по делу «Кутцнер против Германии» [4, с. 610–611]. Заявители имели двух дочерей, в отношении которых они были лишены родительских прав как признанные умственно неполноценными. Дети были помещены в приюты, родители в результате нескольких судебных процессов

добились права на общение с детьми, но условия общения были очень жесткими. Еще при рассмотрении дела об отобрании детей не было единства мнений у экспертов, психологов и врачей, высказывались предложения о возможности оставления детей с родителями, но с предоставлением дополнительной образовательной поддержки. Европейский Суд признал нарушение ст. 8 Конвенции по данному делу. Представляется, что ограничение родительских прав в подобных случаях не может полностью решить вопрос обеспечения прав и интересов ребенка. Статья 75 Семейного кодекса РФ предусматривает возможность контактов с ребенком при ограничении родительских прав, но если нет родственников, готовых взять таких детей под опеку, значит, они будут находиться в детском доме, и они не могут быть усыновлены. Трудно установить, что в такой ситуации будет в большей степени соответствовать интересам ребенка: неопределенное состояние ограничения родительских прав или более радикальные меры, которые могут обеспечить ребенку права жить и воспитываться, хоть и в приемной, но семье.

Постановления Европейского Суда не менее значимы в части анализа законодательства различных государств по вопросам частной и семейной жизни. Это особые ориентиры для возможного совершенствования законодательства и правоприменения.

Так, в Постановлении Европейского Суда от 6 июля 2010 г. по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии» [5, с. 498–501] содержится интересный момент: социальные службы Израиля предписали родителям, состоящим в браке, жить раздельно в интересах ребенка и оставили его проживать с матерью. Эта мера, к сожалению, не решила проблемы, и в последующем мать и сын, уже проживая в Швейцарии, обратились в Европейский Суд, так как считали нарушением ст. 8 Конвенции требование о возвращении в Израиль. Европейский Суд счел, что возвращение в Израиль не соответствует интересам ребенка. Интерес представляет то, что предписание о раздельном проживании, вынесенное даже не судом, не было оценено как неуважение семейной жизни. Может, и нам следует подумать о введении подобных временных мер для урегулирования конфликтов, затрагивающих интересы детей.

Интересно и Постановление Европейского Суда от 5 июня 2014 г. по делу «I. S.» против Германии» [5, с. 505–508]. Суть жалобы основана на том, согласие на какое усыновление было дано. Заявительница была уверена, что согласилась на «полукрытое усыновление», позволяющее биологической матери общаться с детьми и получать информацию об их жизни. Учитывая малолетний возраст детей и отсутствие письменного согласия усыновителей на дополнительные условия, Европейский Суд не установил нарушения ст. 8 Конвенции. Но над возможностью установления, наряду с тайной усыновления, других правил следует поразмышлять.

Тайна усыновления находится во взаимосвязи с правом знать свое происхождение. Причем иногда эти сведения не только являются крайне важными с моральной точки зрения, но и необходимы для предотвращения нарушения норм права, например запрета на браки близких кровных родственников. Но при этом Европейский Суд по делу «Одьевр против Франции» [4, с. 616–618] не признал нарушений ст. 8 Конвенции в том, что власти отказали заявительнице открыть сведения о ее биологической матери. Возможно, это решение, принятое десятью голосами против семи, было основано на том, что эту информацию заявительница хотела получить для решения вопроса о возможном наследстве. Но напрашивается вывод о том, что право знать свое происхождение должно получить какое-то законодательное решение.

В постановлении Европейского Суда от 5 ноября 2002 г. по делу «Юсеф против Нидерландов» [4, с. 613] прежде всего просматривается приоритет интересов ребенка, в отношении которого было отказано в установлении отцовства, поскольку он после смерти матери проживал в семье родственников. Установление отцовства повлекло бы смену фамилии и переезд к отцу, что негативно отразилось бы на ребенке. Помимо этого, в данном деле есть еще важная деталь. Опекун над ребенком была установлена на основе завещания матери, которая указала опекуном своего брата. Подобные условия завещания расширяют условия обеспечения уважения частной жизни.

Анализ постановлений Европейского Суда как ориентира по вопросам обеспечения уважения частной и семейной жизни является не только полезным, но и очень интересным, выводы могут быть небесспорными, но дискуссия полезна для правоприменения и совершенствования законодательства.

Список литературы

1. Ильина О.Ю. Система координат в семейных правоотношениях: интерес как предпосылка смещения параметров // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право», 2018. № 3. С. 13–23.
2. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография / В.Г. Ротань, О.Е. Сонин, Ю.В. Черткова; рук-ль автор. кол-ва и отв. редактор В.Г. Ротань. Симферополь, 2019. 792 с.
3. Особое мнение. В поисках истины / Пауло Пинто де Альбукерке; с предисловием и при участии Д.И. Дедова [перевод с английского Ю.Ю. Берестнев и др.]. М.: Развитие правовых систем, 2018. 496 с.
4. Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека. 2002–2016: научн.-аналитическое изд. [науч. ред. и сост. Ю.Ю. Берестнев]. М.: Развитие правовых систем, 2019. 1288 с.
5. «Совесть Европы» в действии: 350 решений Европейского Суда по правам человека: Компендиум практики Европейского Суда по правам человека / отв. ред. М.Т. Тимофеев, Н.М. Секретарева. М.: Институт права и публичной политики, 2019. 1396 с.

Об авторе:

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735), профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: gripd@tversu.ru

REFERENCES OF THE EUROPEAN COURT IN RESPECT FOR PRIVATE AND FAMILY LIFE

L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

The article provides an analysis of some of the judgments of the European Court of Human Rights in cases related to the right to respect for private and family life. The practice used is aimed at showing new approaches to solving issues in the field of private and family life. The views expressed suggest discussion.

Keywords: *European Court of Human Rights, respect for private and family life; surrogacy, restriction of parental rights, adoption, the right to know one's origin, balance of private and public interests.*

About author:

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor (SPIN-cod: 8705-4643, AuthorID: 648735), professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), e-mail: gripd@tversu.ru

Туманова Л.В. Ориентиры Европейского Суда в вопросах уважения частной и семейной жизни // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 83–89.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 349.6

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.4.090

К ВОПРОСУ О ВОЗЛОЖЕНИИ ОБЯЗАННОСТИ ПО ЛИКВИДАЦИИ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ СВАЛОК ТВЕРДЫХ КОММУНАЛЬНЫХ ОТХОДОВ

Ю.В. Васильчук, О.В. Самухина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируются правовые вопросы ликвидации несанкционированных свалок. Авторы на основе анализа норм действующего законодательства, сложившейся судебной практики, рассматривают полномочия органов местного самоуправления в сфере обращения с отходами производства и потребления, формулируют собственные суждения по данному вопросу.

Ключевые слова: *отходы производства и потребления, несанкционированные свалки, участие в организации деятельности по сбору (в том числе разделному сбору) и транспортированию твердых коммунальных отходов, полномочия органов местного самоуправления в сфере обращения с отходами.*

Вопросы, связанные с обращением с отходами производства и потребления на территории Российской Федерации, требуют незамедлительного решения с учетом правовых, организационных, экономических и идеологических факторов.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегического развития Российской Федерации в срок до 2024 г.» [1] национальным проектом «Экология, в рамках федерального проекта “Чистая страна”» запланировано выявление и ликвидация несанкционированных свалок, проведение работ по рекультивации нарушенных земельных участков, а также создание и эффективное функционирование общественного контроля в сфере обращения с отходами.

В соответствии с Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – ФЗ «Об охране окружающей среды»), образование и размещение отходов производства и потребления – это разновидность негативного воздействия на окружающую среду. Отходы производства и потребления подлежат сбору, накоплению, утилизации, обезвреживанию, транспортировке, хранению и захоронению, условия и способы которых должны быть безопасными для окружающей среды и регулироваться законодательством РФ [2].

© Васильчук Ю.В.,
Самухина О.В., 2021

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяет вопросы местного значения в зависимости от вида муниципального образования [3].

Полномочия органов местного самоуправления (далее – МСУ) в сфере обращения с отходами так же закреплены в ч. 3. ст. 8 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [4]. К полномочиям органов МСУ городских поселений, муниципальных районов и городских округов в области обращения с твердыми коммунальными отходами относятся: создание и содержание мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов, за исключением установленных законодательством Российской Федерации случаев, когда такая обязанность лежит на других лицах; определение схемы размещения мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов и ведение реестра мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов; организация экологического воспитания и формирования экологической культуры в области обращения с твердыми коммунальными отходами. В соответствии с ч. 3 ст. 8 Закона органы МСУ муниципального района осуществляют данные полномочия в области обращения с твердыми коммунальными отходами, на территориях сельских поселений, если иное не установлено законом субъекта Российской Федерации, а также на межселенной территории.

Таким образом, анализ действующего законодательства по вопросу наделения органов МСУ полномочиями в сфере обращения с отходами производства и потребления позволяет сделать вывод, что ликвидация несанкционированных свалок прямо не закреплена в нормативных правовых актах, как обязанность органов местного самоуправления. В силу этого, анализируя вопрос о возложении обязанности по ликвидации несанкционированных свалок, необходимо обратиться к системному анализу норм действующего законодательства.

По вопросу наделения органов МСУ полномочиями в сфере обращения с отходами производства и потребления, стоит обратиться к правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) по делу о проверке конституционности п. 24 ч. 1 ст. 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации в связи с жалобой администрации муниципального образования «Североуральский городской округ» [5]. В своем Постановлении КС РФ указал, что сформулировав в рамках общих принципов правового регулирования компетенции муниципальных образований указанное направление деятельности городских округов в виде нормы общего характера, федеральный законодатель исходил из того, что содержание этой деятельности, включая конкретные способы, методы, средства решения данного вопроса местного значения должно раскрываться на основе названного Федерального закона во взаимосвязи с соответствующим

специальным, отраслевым, в том числе бюджетным, законодательством. Это означает, что при определении применительно к организации сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов объема полномочий органов местного самоуправления городских округов, а также их финансовых обязательств, обусловленных реализацией данной публичной задачи, необходимо учитывать компетенцию иных территориальных уровней публичной власти, которой они наделены в этой области, а также обязанности по обращению с отходами, возложенные на участников гражданского оборота, принимая при этом во внимание особенности регулирования такого рода отношений в конкретных сферах природопользования ... Соответственно, невыполнение или ненадлежащее выполнение органами местного самоуправления своих полномочий, ставшее причиной загрязнения территории городского округа, может являться основанием для их привлечения к установленной законом ответственности и обязанности принять меры, необходимые для очистки территории городского округа от загрязнения отходами, включая несение финансовых затрат.

Одновременно с этим КС РФ отмечает, что отнесение к вопросам местного значения городского округа организации сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов не может рассматриваться как безусловное основание для возложения на органы местного самоуправления городского округа обязанностей, касающихся проведения очистки территории городского округа от загрязнения отходами, без учета характера предоставленных им полномочий в сфере обращения с отходами, в том числе применительно к расположенным на территории городского округа земельным участкам различной формы собственности, и без правовой оценки качества выполнения таких полномочий, а также вне связи с обязанностями по обращению с отходами, которые возлагаются на юридические лица и физических лиц как на субъектов природопользования.

Таким образом, вопрос об ответственности за ликвидацию накопленного экологического вреда при размещении несанкционированной свалки может решаться по-разному. На основании ст. 42 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ), собственники земельных участков и лица, не являющиеся собственниками земельных участков, обязаны использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением способами, которые не должны наносить вред окружающей среде, в том числе земле как природному объекту, не допускать загрязнение, истощение, деградацию, порчу, уничтожение земель и почв и иное негативное воздействие на земли и почвы.

В связи с тем, что ситуация в сфере обращения с отходами в отдельных субъектах Российской Федерации не отвечает требованиям в

области охраны окружающей среды и представляется критической, получает распространение деятельность органов прокуратуры по обращению в суд об обязанности ликвидировать несанкционированные свалки отходов и провести мероприятия по рекультивации земельных участков. «Основные усилия и действия прокуроров концентрируются, прежде всего, там, где исчерпываются полномочия контролирующих органов, на правовой оценке наиболее серьезных правонарушений, представляющих угрозу жизни и здоровью людей» [6]. Так, Ленинградский межрайонный прокурор, действуя в защиту интересов неопределенного круга лиц, обратился в Волосовский районный суд Ленинградской области к администрации муниципального образования Кикеренское сельское поселение Волосовского муниципального района и просил обязать ликвидировать несанкционированные свалки отходов и разработать проект рекультивации для загрязненного земельного участка. В апелляционной жалобе администрация сельского поселения просит указанное решение суда отменить, поскольку суд необоснованно признал право собственности органа МСУ на свалку отходов, образованную неустановленными лицами, и возложил на местное самоуправление всю полноту ответственности за несанкционированные свалки на территории поселения лишь на том основании, что свалки находятся в границах населенного пункта. Ленинградский областной суд, оставляя решение без изменения, а апелляционную жалобу без удовлетворения указал, что суд первой инстанции обоснованно исходил из того, что неисполнение администрацией муниципального образования сельского поселения требований природоохранного законодательства в области обращения с отходами ставит под угрозу санитарно-эпидемиологическое благополучие неопределенного круга граждан и создает опасность причинения вреда окружающей среде. Так как земельный участок относится к землям неразграниченной собственности, органы публичной власти, пока не установлены иные лица, ответственные за ликвидацию последствий негативного воздействия на окружающую среду, самостоятельно осуществляют деятельность по ликвидации таких последствий на земельном участке. При этом судом было учтено, что на органах МСУ непосредственно не лежит обязанность ликвидации несанкционированного складирования бытовых и промышленных отходов на земельных участках любых форм собственности, вместе с тем органы местного самоуправления вправе и обязаны оперативно устранять причины образования несанкционированных свалок, выявлять лиц в результате деятельности которых незаконно размещаются отходы, привлекая их к ответственности. Однако, как было установлено судом, глава администрации сельского поселения, достоверно зная в течение длительного времени о несанкционированном размещении отходов, действенных мер к организации деятельности по сбору отходов,

препятствующей их несанкционированному размещению, не принял [7]. К подобному выводу приходит и Верховный Суд Республики Коми, указывая в своем решении, что органы МСУ, пока не установлены иные лица, ответственные за ликвидацию последствий негативного воздействия на окружающую среду, самостоятельно осуществляют деятельность по ликвидации таких последствий – несанкционированной свалки, которые безусловно, причиняют вред окружающей среде, здоровью граждан [8].

Таким образом, органы МСУ обязаны принимать активное и непосредственное участие в организации деятельности по сбору и транспортированию твердых коммунальных отходов, включая организацию работы по ликвидации существующих несанкционированных свалок, оперативно реагировать на обращения (сообщения) граждан, организаций о наличии таких свалок, т.к. размещение отходов на территории поселений причиняет вред окружающей среде, здоровью граждан. Бездействие органов МСУ, уклонение от решения вопросов, связанных с регулярной очисткой территорий муниципальных образований от отходов производства и потребления, не реагирование на сообщения граждан, субъектов общественного контроля о несанкционированных свалках, свидетельствует о невыполнении возложенных на них обязанностей. Стоит отметить, что на основании ст. 3 ФЗ «Об охране окружающей среды», к вопросам местного значения муниципального района, городского округа, относится организация мероприятий по охране окружающей среды. В соответствии с п. 11 ст. 16 ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения городского, сельского поселения относится участие в организации деятельности по накоплению (в том числе раздельному накоплению) и транспортированию твердых коммунальных отходов, организация благоустройства территории поселения (ст. 14). Подобные полномочия закреплены за органами МСУ муниципального, городского округа (ст. 16), а также организация мероприятий по охране окружающей среды в границах муниципального, городского округа. Под охраной окружающей среды понимается деятельность органов государственной власти РФ и ее субъектов, органов МСУ, общественных объединений и некоммерческих организаций, юридических и физических лиц, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий (ст. 3 ФЗ «Об охране окружающей среды»). Таким образом, важнейшей составляющей деятельности по охране окружающей среды является ликвидация последствий негативного воздействия хозяйственной и иной

деятельности на окружающую среду. Нет никаких сомнений в том, что несанкционированные свалки не просто не украшают территории муниципальных образований, но и сводят на нет все работы по благоустройству, одновременно с этим создают угрозу причинения вреда как окружающей среде, так и здоровью граждан.

Представляется необходимым конкретизировать положения действующего законодательства, включив в организацию деятельности по накоплению и транспортированию отходов мероприятия, необходимые для своевременного выявления и ликвидации мест несанкционированного складирования бытовых и иных отходов. Вместе с тем, на основании ст. 8.1 ФЗ «Об отходах производства и потребления», полномочия органов МСУ и органов государственной власти субъекта Российской Федерации в области обращения с отходами, установленные настоящим законом, могут быть перераспределены между ними в порядке, предусмотренном ч. 1.2 ст. 17 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Соответственно в рамках рассмотрения дел, необходимо выяснить, не был ли принят соответствующий закон в субъекте РФ. Одновременно с этим следует отметить, что вопрос о возложении обязанности по непосредственному устранению захламления земельного участка по причине несанкционированного размещения бытовых и промышленных отходов должен решаться с учетом того, кто является правообладателем соответствующего земельного участка. При этом, привлечение к административной ответственности например, по ст. 8.2 Кодекса об административных правонарушениях РФ (несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления) или по ст. 6.3 (нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения), не освобождает правообладателя земельного участка от возмещения вреда, причиненного земле как природному объекту и природному ресурсу. Приведение земельных участков в пригодное для использования состояние при их загрязнении, других видах порчи осуществляется юридическими лицами и гражданами, виновными в совершении данных правонарушений или за их счет (ст. 74 ЗК РФ).

В соответствии с Правилами обращения с твердыми коммунальными отходами, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 12 ноября 2016 г. № 1156 (п. 18), собственник земельного участка обязан самостоятельно обеспечить ликвидацию места несанкционированного размещения отходов или заключить договор на оказание услуг по ликвидации выявленного места несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов с региональным оператором [9].

В отношении земель, государственная собственность на которые не разграничена, обязанность по устранению негативного воздействия на

окружающую среду в результате захламления и загрязнения земельного участка в связи с размещением отходов производства и потребления, должна осуществляться органом, на который возложены полномочия по распоряжению данными земельными участками (ст. 3.1. ФЗ от 25.10.2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие ЗК РФ»). Кроме того, ряд полномочий в сфере обращения с отходами возложены ФЗ «Об отходах производства и потребления» на регионального оператора. В соответствии с п. 13 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами, региональный оператор несет ответственность за обращение с твердыми коммунальными отходами с момента погрузки таких отходов в мусоровоз в местах сбора и накопления твердых коммунальных отходов. При этом бремя содержания контейнерных площадок, специальных площадок для складирования отходов и территории, прилегающей к месту погрузки твердых коммунальных отходов, расположенных на придомовой территории, входящей в состав общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, несут собственники помещений в многоквартирном доме, собственники земельного участка, на котором расположены такие площадки, и ответствующие управляющие компании.

Таким образом, вопрос об ответственности за нарушение законодательства в области обращения с отходами, в том числе выразившиеся в незаконном размещении (складировании отходов), требует анализа с точки зрения установления органа или уполномоченного лица, на кого возложено осуществление определенной деятельности или обязанности. Непринятие или несвоевременное принятие мер к ликвидации несанкционированных свалок, нарушает право граждан на благоприятную окружающую среду, создает угрозу санитарно-эпидемиологическому благополучию, делают неприглядными и туристически не привлекательными наши города, захлавленными леса, особо охраняемые природные территории. Конечно, многое зависит и от уровня экологической культуры, который, к сожалению, оставлять желать лучшего.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
3. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
4. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

5. Постановление Правительства РФ от 12 ноября 2016 г. № 1156 «Об обращении с твердыми коммунальными отходами и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2008 г. № 641» // СЗ РФ. 2016. № 47. Ст. 6640.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 24 части 1 статьи 16 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" в связи с жалобой администрации муниципального образования "Североуральский городской округ"» // СЗ РФ. 2015. № 42. Ст. 5858.

7. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС республики Коми по делу № 33-626/2019 // СПС «Гарант».

8. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 25 января 2018 г. № 33а-299/2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/32141385>

9. Якимова А.М., Романов Е.В. Прокуратура в системе государственного механизма обеспечения и защиты экологических прав граждан // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. № 2. С. 38–39.

Об авторах:

ВАСИЛЬЧУК Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2840-5509; e-mail: Vasilchuk.YV@tversu.ru

САМУХИНА Ольга Владимировна – федеральный судья Заволжского районного суда г. Твери, (170000, г. Тверь, ул. Московская, д. 115) e-mail: Samuhina@list.ru

TO THE QUESTION OF IMPLEMENTATION OF THE OBLIGATION TO ELIMINATE UNAUTHORIZED DUMP OF SOLID COMMUNAL WASTE

Yu.V. Vasilchuk, O.V. Samukhina

Tver State University, Tver

Analyzes the legal issues of eliminating unauthorized dumps. The authors, on the basis of an analysis of the norms of the current legislation, the prevailing judicial practice, consider the powers of local governments in the field of production and consumption waste management, formulate their own judgments on this issue.

***Keywords:** production and consumption waste, unauthorized dumps, participation in the organization of collection (including separate collection) and transportation of solid municipal waste, the powers of local authorities in the field of waste management.*

About authors:

VASILCHUK Yulia – PhD in Law, assistant professor, head of chair of environmental law and legal support of professional activity Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 2840-5509; e-mail: Vasilchuk.YV@tversu.ru

SAMUKHINA Olga – Federal Judge of the Zavolzhsky District Court of Tver, (170000, Tver, Moskovskaya St., 115) e-mail: Samuhina@list.ru

Васильчук Ю.В., Самухина О.В. К вопросу о возложении обязанности по ликвидации несанкционированных свалок твердых коммунальных отходов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 90–98.

ПЕРЕСМОТР СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ, ПРИНЯТЫХ В ПОРЯДКЕ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Проанализированы процессуальные особенности пересмотра судебных решений по административным делам, принятым в порядке упрощенного производства. Автором проведен сравнительный анализ рассмотрения судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел в порядке упрощенного производства. Сформулированы предложения по внесению изменений в законодательство, направленные на унификацию порядка пересмотра судебных постановлений в гражданском процессе.

Ключевые слова: право на судебную защиту, упрощенное производство, обжалование судебных постановлений.

Глава 33 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) закрепляет особенности рассмотрения административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства. Порядок обжалования судебных решений по административным делам, принятым в порядке упрощенного (письменного) производства, закреплен как в общих положениях об упрощенном производстве, так и в разделе о пересмотре судебных постановлений.

По вопросам применения судами положений КАС РФ об упрощенном производстве действует постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 42 «О применении норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации при рассмотрении административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства» (далее – постановление Пленума ВС РФ об упрощенном производстве), в соответствии с которым упрощенное (письменное) производство представляет собой специальный порядок рассмотрения административных дел без проведения судебного заседания и ведения протокола при соблюдении установленных законом процессуальных гарантий прав и интересов лиц, участвующих в деле (п. 1) [8].

Статья 294.1 КАС РФ закрепляет положение о возможности отмены судебного решения по административному делу, рассмотренному в порядке упрощенного (письменного) производства, самим судом, принявшим решение. Заинтересованное лицо вправе обратиться в суд с ходатайством об отмене решения суда, принятого в порядке упрощенного (письменного) производства. С подобным ходатайством об

отмене решения может обратиться не каждое лицо, а только лицо, возражающее после принятия решения относительно применения порядка упрощенного (письменного) производства или представившее новые доказательства по административному делу, направленные в установленный законом срок. Лица, не привлеченные к участию в деле, в течение двух месяцев после принятия решения также могут представить в суд заявление, свидетельствующее о наличии оснований для отмены решения суда, предусмотренных п. 4 ч. 1 ст. 310 КАС РФ, а именно судом принято решение о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в административном деле. На основании ходатайства заинтересованного лица суд выносит определение, которым отменяет решение и возобновляет рассмотрение административного дела по общим правилам административного судопроизводства [1, с. 414–415].

В связи с тем, что включение данной нормы в КАС РФ способствует снижению организационных и процессуальных издержек как судебной системы, так и лиц, участвующих в деле, а также сокращению сроков осуществления правосудия и реализации принципа процессуальной экономии, в юридической литературе высказываются предложения о закреплении аналогичной нормы в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве [2, с. 28–30].

Вместе с тем, законодательно не закреплён срок, в течение которого заинтересованное лицо вправе заявить ходатайство об отмене решения. Отсутствие общего срока делает возможной ситуацию, когда такое ходатайство может быть подано после вступления решения в законную силу и его исполнения [3, с. 21].

Представляется, что заинтересованному лицу должен быть предоставлен такой же срок, как и при обжаловании в апелляционном порядке решения суда, принятого в порядке упрощенного (письменного) производства (ст. 294 КАС РФ). Таким образом, ходатайство об отмене решения суда по административному делу, рассмотренному в порядке упрощенного (письменного) производства, судом, принявшем решение, может быть подано в срок, не превышающий 15 дней со дня получения лицами, участвующими в деле, копии решения суда.

При применении нормы ст. 294.1 КАС РФ необходимо также учитывать разъяснения, данные в п. 9 постановления Пленума ВС РФ об упрощенном производстве, в соответствии с которыми в случае одновременного поступления возражений, заявления или новых доказательств и апелляционной жалобы (представления) на решение, принятое в порядке, предусмотренном гл. 33 КАС РФ, суд первой инстанции вправе отменить данное решение при наличии соответствующих оснований. В этом случае апелляционная жалоба (представление) на отмененное решение возвращается. Вместе с тем, если апелляционная жалоба (представление) принята к производству

суда апелляционной инстанции, такое решение не может быть отменено по правилам ст. 294.1 КАС РФ. Представленные возражения, заявление, доказательства только приобщаются к материалам административного дела [8].

Определение суда об отмене решения, принятого в порядке упрощенного (письменного) производства, о возобновлении рассмотрения административного дела или об отказе в этом не подлежит обжалованию отдельно от обжалования судебного акта, которым заканчивается рассмотрение административного дела (п. 10 постановления Пленума ВС РФ об упрощенном производстве).

В юридической литературе обсуждается вопрос о закреплении права обжалования лицами, участвующими в деле, определения суда о принятии искового заявления к рассмотрению в порядке упрощенного производства отдельно от решения суда. Данное предложение обосновывается тем, что выявление и устранение ошибок судов первой инстанции, заключающихся в неправильном определении процессуального порядка рассмотрения дела, до вынесения решения отвечает требованиям процессуальной экономии и может способствовать более быстрому разрешению спора [4, с. 11].

Представляется, что данное предложение не соответствует порядку рассмотрения дел данной категории. Например, ст. 291 КАС РФ закрепляет, что рассмотрение дела в порядке упрощенного (письменного) производства возможно только в том случае, если ходатайство о рассмотрении административного дела в порядке упрощенного (письменного) производства заявлено административным истцом и административный ответчик не возражает против применения такого порядка рассмотрения административного дела. КАС РФ устанавливает 10-дневный срок для представления административным ответчиком в суд возражений относительно применения этого порядка. И только в том случае, если административный ответчик не возражает против рассмотрения дела в упрощенном порядке либо в суд в установленный срок не поступили возражения, суд выносит определение о рассмотрении административного дела в порядке упрощенного (письменного) производства. Кроме того, в случае, если возражения относительно применения упрощенного (письменного) порядка производства по административному делу поступили в суд с нарушением 10-дневного срока, но до принятия судом решения в порядке упрощенного (письменного) производства, суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам административного судопроизводства (ч. 2–5 ст. 292 КАС РФ).

Гражданское процессуальное законодательство закрепляет положение о том, что решение по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, принимается путем вынесения судом резолютивной части. Суд составляет мотивированное решение только по

заявлению лиц, участвующих в деле, их представителей или в случае подачи апелляционной жалобы (ст. 232.4 ГПК РФ). Аналогичная норма закреплена и в АПК РФ (ст. 229).

Безусловно, анализ содержания и сущности резолютивной части решения приводит к заключению о том, что отсутствие мотивировочной части решения не позволяет суду апелляционной инстанции провести полноценную проверочную деятельность и обеспечить обоснованность судебного акта [4, с. 24]. Существование проблем, связанных со сложностью обжалования решений, вынесенных путем принятия только резолютивной части, с усилением письменного начала и информатизацией процесса в рамках развития концепции электронного правосудия, обуславливает необходимость исследования обеспечения права обращающихся за судебной защитой лиц на справедливое и публичное судебное разбирательство дела в разумный срок [4, с. 4]. Кроме того, в юридической литературе существует точка зрения, согласно которой срок на изготовление мотивированного решения по делам упрощенного производства оказывается большим, чем по остальным делам, поэтому применительно к гражданскому процессу считать, что упрощенное производство является ускоренным, нет оснований [5, с. 442–443].

Представляется, что необходимо взять за основу положения, закрепленные в КАС РФ (ст. 293), которые предусматривают, что решение по административному делу, рассмотренному в порядке упрощенного (письменного) производства, принимается по общим правилам административного производства. Положения о закреплении обязанности суда первой инстанции составить полное мотивированное решение независимо от обращения лиц, участвующих в деле, с апелляционной жалобой, а во всех случаях, является правильным, поскольку рассмотрение дела в упрощенном порядке предполагает исследование доказательств в письменной форме (включая отзыв, объяснения и возражения по существу заявленных требований, а также заключение в письменной форме прокурора). Кроме того, стороны вправе представить в суд и направить друг другу дополнительные документы, содержащие объяснения по существу заявленных требований и возражений в обоснование своей позиции (ч. 5.1 ст. 292 КАС РФ).

Так, например, в случае рассмотрения дела в порядке упрощенного (письменного) производства в мотивировочной части решения суда о признании нормативного правового акта не действующим полностью или в части должно содержаться обоснование тождественности повторного нормативного правового акта и нормативного правового акта, ранее признанного судом недействующим, должно быть указано на отсутствие изменений в соответствующем законодательстве, а также на

решение суда, которым тождественный нормативный правовой акт признан недействующим (п. 5 ст. 216 КАС РФ).

По общему правилу апелляционная жалоба на судебные акты по административному делу рассматривается судом апелляционной инстанции в порядке, предусмотренном гл. 34 КАС РФ, в которой закреплено, что при подаче апелляционной жалобы на решение суда, принятое в порядке упрощенного (письменного) производства, административное дело рассматривается в суде апелляционной инстанции судьей единолично. Вместе с тем с учетом характера и сложности обстоятельств административного дела оно может быть рассмотрено в суде апелляционной инстанции коллегиально, о чем председателем суда, его заместителем, председателем судебного состава выносится определение (ч. 2 ст. 307 КАС РФ).

Представляется, что нормы, регулирующие особенности апелляционного обжалования решения суда, принятого в порядке упрощенного (письменного) производства, должны быть закреплены именно в этой главе, в частности, дополнив положения ст. 298 КАС РФ о сроке подачи апелляционной жалобы на решения суда, принятого в порядке упрощенного (письменного) производства. Кроме того, целесообразно закрепить и сокращенный срок рассмотрения апелляционной жалобы, закрепив в ст. 305 КАС РФ дополнительное положение о сроках рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции по административному делу, рассмотренному в порядке упрощенного (письменного) производства.

Необходимо также дополнить и порядок рассмотрения административного дела судом апелляционной инстанции положением о том, что апелляционная жалоба на судебный акт рассматривается судьей суда апелляционной инстанции без проведения судебного заседания. При этом, с учетом характера и сложности административного дела, а также доводов апелляционной жалобы и возражений относительно апелляционной жалобы, лица, участвующие в деле, могут быть вызваны в судебное заседание.

Статья 327.1 КАС РФ устанавливает особенности кассационного производства, связанные с пересмотром вступившего в законную силу судебного акта по административному делу, рассмотренному в порядке упрощенного (письменного) производства. В частности, кассационная жалоба на судебный акт рассматривается судьей суда кассационной инстанции единолично без проведения судебного заседания в срок, не превышающий 1 месяца со дня поступления. При этом, с учетом характера и сложности административного дела, а также доводов кассационной жалобы и возражений относительно кассационной жалобы, лица, участвующие в деле, могут быть вызваны в судебное заседание.

Гражданское и арбитражное процессуальное законодательство не содержат указания на сокращенный срок рассмотрения кассационной жалобы по делу в порядке упрощенного производства. В целях унификации процессуальных норм целесообразно закрепить особые правила рассмотрения кассационных жалоб на вступившие в законную силу решения, принятые в порядке упрощенного производства, дополнив соответственно положения ст. 288.2 АПК РФ и ст. 379.5 ГПК РФ.

В заключении необходимо отметить, что упрощенное (письменное) производство может стать доступным и эффективным способом судебной защиты, особенно с учетом ограничений в работе судов в связи с распространением коронавирусной инфекции нового типа COVID-19. Вместе с тем возможность рассмотрения дел в порядке упрощенного (письменного) производства зависит не только от развития «электронного» правосудия (поскольку не требуется проведения судебного заседания, стороны могут представлять доказательства, объяснения и возражения в электронной форме). Сдерживающим фактором является и закрепленный перечень административных дел, которые могут быть рассмотрены в рамках упрощенного (письменного) производства. По мнению Л.В. Тумановой, «после введения в КАС РФ гл. 11.1 о взыскании недоимок по налогам в порядке приказного производства представляется нецелесообразным ограничение в ст. 291 возможности рассмотрения дела о недоимке в порядке упрощенного производства на сумму не более 20 тыс. руб. Ведь возможность вынесения приказа не зависит от суммы, и вряд ли упрощенное производство дает меньше гарантий, чтобы такое ограничение имело смысл» [6, с. 18–20].

Безусловно, необходимо определить баланс между правилами, обеспечивающими доступность судебной защиты, и мерами, способными эффективно противодействовать злоупотреблению процессуальными правами [7, с. 73], а также говорить об унификации процессуальных норм, регулирующих пересмотр судебных решений, принятых в порядке упрощенного (письменного) производства в цивилистическом процессе. Единая система пересмотра способствует не только повышению эффективности судопроизводства, но и обеспечению равной возможности реализации права на судебную защиту.

Список литературы

1. Административное судопроизводство в вопросах и ответах: учебное пособие / под общ. ред. А.А. Муравьева. М.: Проспект, 2020. С. 414–415.
2. Артизанов А.И. Совершенствование порядка упрощенного производства в гражданском процессе России в целях реализации принципов процессуальной экономии // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 2. С. 28–30.

3. Громошина Н.А. Очередной шаг в упрощении цивилистического процесса: оценки и перспективы // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 10. С. 21.

4. Жукова Ю.А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 25 с.

5. Приходько И.А., Бондаренко А.В., Столяренко В.М. Процессуальная революция: решенные и нерешенные задачи. М.: Международные отношения, 2019. 592 с.

6. Туманова Л.В. Кодекс административного судопроизводства: хорошее должно быть лучшим // *Судья*. 2018. № 11. С. 18–20.

7. Туманова Л.В. Предложения по совершенствованию процессуального законодательства // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право*. 2018. № 2 С. 73.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 42 «О применении норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации при рассмотрении административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства // *Российская газета*. 2020. 30 дек.

Об авторе:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

**REVIEW OF COURT DECISIONS ON ADMINISTRATIVE CASES
ACCEPTED IN THE ORDER OF SIMPLIFIED PRODUCTION**

O.V. Zhukova

Tver State University, Tver

The article analyzes the procedural features of the review of court decisions on administrative cases adopted in the simplified procedure. The author conducted a comparative analysis of the consideration of cases by courts of general jurisdiction and arbitration courts in the order of simplified proceedings. The proposals for amendments to the legislation aimed at unifying the revision of judicial decisions in the civil process are formulated.

Keywords: *the right to judicial protection, simplified proceedings, appeal of court decisions.*

About author:

ZHUKOVA Olesya – PhD in Law, associate professor, head of the department of judicial power and law enforcement Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Жукова О.В. Пересмотр судебных решений по административным делам, принятых в порядке упрощенного производства // *Вестник ТвГУ. Серия: Право*. 2021. № 4 (68). С. 99–105.

ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Е.С. Любовенко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Раскрывается вопрос значимости для нашего государства процедуры медиации. Дается оценка существующим достижениям в сфере правового регулирования медиации и намеченным главой государства направлениям развития этого института. В целях объективности за основу был взят международный опыт, а также опыт Грузии как страны на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: медиация, Сингапурская конвенция, Гражданский процессуальный кодекс, примирительные процедуры, мировое соглашение.

Прошло уже более десяти лет с момента принятия Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Значимость развития примирительных процедур и их внедрение в существующий механизм урегулирования споров и защиты прав и законных интересов граждан признается на самом высоком уровне. Еще в 2011 г. наш президент в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации высказался о необходимости осуществления правовой регламентации вопросов, связанных с необходимостью введения обязательной медиации по определенным категориям дел [6]. В сентябре 2017 г. Президент Российской Федерации поручил Правительству совместно с Верховным Судом в срок до 1 февраля 2018 г. рассмотреть вопрос о совершенствовании регулирования медиации. Акцент был сделан на возможности применения медиации при рассмотрении дел судами [5].

Во исполнение поручения Президента Министерством просвещения Российской Федерации был подготовлен проект федерального закона «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации» (далее – Проект) [7]. Этот проект, очевидно, написан по подобию Федерального закона № 63 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. с его квалификационной комиссией, реестром, стажерами, запросами и др. [3] Не совсем понятно, почему состав квалификационной комиссии согласно Проекту формируется из представителей правоохранительных органов, ведь медиация очень тесно связана, прежде всего, с психологией, а точнее с конфликтологией.

© Любовенко Е.С., 2021

Проект также предусматривает и обязательную медиацию. Первый случай касается семейных споров, связанных с разводом при наличии несовершеннолетних детей. Основным мотивом законодателя в этом случае является защита интересов ребенка. В тексте проекта закреплена обязанность медиатора учитывать интересы несовершеннолетнего. Для профессионального медиатора это указание носит излишний характер, потому как именно интерес сторон в гармоничном развитии их ребенка и может стать той силой, которая позволит родителям прийти к соглашению. Более того, по общему мнению сообщества медиаторов, семейная медиация относится к числу самых сложных и требует дополнительной подготовки медиаторов, связанной с изучением особенности семейной психологии. В отсутствие этих навыков медиатор может действительно причинить вред несовершеннолетнему. Например, когда по условиям соглашения один из родителей откажется от алиментов в обмен на обещание другого родителя не общаться с ребенком. Здесь целый комплекс нарушений прав несовершеннолетнего.

Второй случай относится к так называемой восстановительной медиации, проводимой в ходе уголовного судопроизводства. Но в отличие от первого случая, когда медиация является обязательной досудебной процедурой, медиация в сфере уголовного судопроизводства может назначаться принудительно (в отсутствие обоюдного волеизъявления сторон) по усмотрению суда и (или) органа уголовного преследования. В данном случае создатели законопроекта говорят об обязательности медиации под условием. В первом случае обязательность носит безусловный характер.

Авторы законопроекта сделали попытку очертить круг правоотношений, в рамках которых может быть применена медиация. Такую идею нельзя назвать удачной. Исчерпывающий перечень сфер применения медиации определить невозможно, да и не нужно. Главное здесь – желание сторон достичь договоренностей.

Вопрос о применении медиации судами своего разрешения в Проекте не нашел. Вместе с тем именно суд может стать тем проводником, посредством которого удастся внедрить институт медиации в отечественную правовую систему. Верховный Суд Российской Федерации при анализе информации о применении спорящими сторонами процедуры медиации пришел к выводу, что это во многом определяется работой судьи и тем временем, которое судья затратил на разъяснение сторонам преимуществ применения процедуры медиации [6].

Как справедливо отметила А.В. Афтахова, именно суд, руководствуясь ч. 1 ст. 153.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, принимает меры для примирения сторон, предлагая им различные примирительные процедуры, в том числе и содействие профессионального медиатора [10, с. 161].

Последовательное введение судебной медиации демонстрирует законодательство Грузии. Суд в этой стране является инициатором процедуры медиации по определенным категориям дел: семейные, соседско-правовые, наследственные и др. (ст. 187³ Гражданского процессуального кодекса Грузии (далее – ГПК Грузии) [9].

Уникальной является возможность судьи по этим видам споров передавать дело медиатору даже в отсутствие согласия сторон. Такая медиация в Грузии получила название «судебной» в противовес «частной» – иницируемой без участия суда.

В Грузии суд также является органом, принимающим активное участие в исполнении медиативного соглашения (ст. 363³¹ ГПК Грузии). В отечественной системе права содействия судебного органа в исполнении условий медиативного соглашения не требуется. Исполнение таких соглашений производится добровольно сторонами. В случае нотариального удостоверения медиативного соглашения оно приобретает силу исполнительного документа (ст. 59 (1) Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [4] и ст. 5 ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров (медиации)»).

Грузия также является участником Конвенции ООН о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации – Сингапурской конвенции о медиации от 20.12.2018 г. (открыта для подписания 07.08.2019 г.). Механизм исполнения такого рода соглашений был конкретизирован в том числе и в ГПК Грузии. В кодекс был добавлен специальный раздел 7 (9) «Участие суда в признании и исполнении международного медиативного соглашения, заключенного в соответствии с Конвенцией ООН о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации».

Однако Российская Федерация участником Сингапурской конвенции о медиации не является. Причина, по которой до сих пор, несмотря на заявления о важности этой процедуры, мы не присоединились к Сингапурской конвенции, официально озвучена не была. Следует согласиться с О.Ф. Засемковой, что в отличие от многих других стран в России традиция разрешения трансграничных споров посредством медиации не сложилась [11]. Политику государства, поддерживающую такое положение вещей, нельзя считать дальновидной. Присоединение к Сингапурской конвенции и внедрение в отечественную систему права механизма исполнения международных коммерческих медиативных соглашений будет способствовать участию российских компаний в международной торговле и даст предпринимателям еще один действенный инструмент – медиативное торговое соглашение, обладающее юридической силой с возможностью принудительного исполнения на территории стран – участниц Сингапурской конвенции о медиации.

В России отсутствие развития медиации имеет две основные причины: недостаточное правовое регулирование и зарегулированность. Необходимость принятия закона, призванного внедрить процедуру медиации, уже всем очевидна, и надеемся, что вскоре это все-таки случится. Зарегулированность как тенденция прослеживается в отношении требований к самому медиатору. В законе появилось требование к профессиональной составляющей статуса медиатора. Также в скором времени, возможно, появится необходимость для медиатора предоставлять нотариусу выписку из реестра сведений о документах об образовании, квалификации, обучении [8]. Проект сейчас проходит антикоррупционную экспертизу. Кроме того, нотариусы уже сегодня требуют для целей удостоверения медиативных соглашений справку об отсутствии судимости. Складывается такое впечатление, что медиатор в глазах законодателя либо мошенник, либо уголовник. Такой подход вызывает озабоченность сообщества медиаторов.

Другой проблемой в развитии медиации и одновременно задачей законодателя является создание условий, влияющих на экономическую выгоду для сторон при выборе этой процедуры. Однако в случае нотариального удостоверения медиативного соглашения по существующим сегодня тарифам процедура уже перестает быть финансово экономичной. Тариф рассчитывается совокупно, исходя из существа достигнутых договоренностей. В таком случае стороне зачастую становится гораздо выгодней обратиться в суд. Таким образом, механизм придания медиативным соглашениям юридической силы исполнительного документа не будет иметь того практического значения, которое закладывалось разработчиками законопроекта, до тех пор, пока не будет установлен единый нотариальный тариф, как в случае с неимущественными требованиями.

Список литературы

1. Конвенция ООН о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации «Сингапурская конвенция о медиации» от 20.12.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/mediation/conventions/international_settlement_agreements (дата обращения: 01.11.2021).
2. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 г. № 4462-1 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Поручение Президента Российской Федерации Пр-2042 от 06.10.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: [https://nangs.org/docs/prezident-rf-porucheniya-pr-](https://nangs.org/docs/prezident-rf-porucheniya-pr-2042)

2042-ot-6-10-2017-g-po-itogam-vstrechi-s-predstavatelyami-rossijskikh-delovykh-krugov-i-ob-edinenij (дата обращения: 01.11.2021).

6. Справка Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 06.06.2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/13972/> (дата обращения: 01.11.2021).

7. Проект федерального закона «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации» от 23.09.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/3a9/Zakon_o_mediatsii_ot_MinYUsta.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

8. Проект приказа «О внесении изменений в Регламент совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования», утв. приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 30.08.2017 г. № 156 [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=121141> (дата обращения: 01.11.2021).

9. Гражданский процессуальный кодекс Грузии от 14.11.1997 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/29962?publication=148> (дата обращения: 01.11.2021).

10. Афтахова А.В. Примирительные процедуры и мировое соглашение в гражданском судопроизводстве: теоретические аспекты и особенности правоприменения // Вестник ТвГУ. Серия. Право. 2019. № 1 (57). С. 160 - 169.

11. Засемкова О.Ф. Сингапурская конвенция о приведении в исполнение мировых соглашений, достигнутых в результате посредничества [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/singapurskaya-konventsiya-o-privedenii-v-ispolnenie-mirovyh-soglasheniy-dostignutyh-v-rezultate-posrednichestva-mediatsii-ot-mechty-k/viewer> (дата обращения: 01.11.2021).

Об авторе:

ЛЮБОВЕНКО Елена Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), ORCID: 0000-0003-2215-6447, SPIN-код: 1744-9642, e-mail: ponochka0606@gmail.com

**INSTITUTE OF MEDIATION IN RUSSIA: MAIN PROBLEMS
AND DEVELOPMENT PROSPECTS**

E.S. Lyubovenko

Tver State University, Tver

Reveals the question of the importance of the mediation procedure for our state. An assessment of the existing achievements in the field of legal regulation of mediation and the directions of development of this institution outlined by the head of state is given. For the sake of objectivity, international experience was taken as a basis, as well as the experience of Georgia as a country in the post-Soviet space.

Keywords: *mediation, Singapore Convention, Civil Procedure Code, conciliation procedures, amicable agreement.*

About author:

LYUBOVENKO Elena – PhD in Law, assistant professor of the department of theory of law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), ORCID: 0000-0003-2215-6447, SPIN-код: 1744-9642, e-mail: ponochka0606@gmail.com

Любовенко Е.С. Институт медиации в России: основные проблемы и перспективы развития // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 106–111.

О ПРИМЕНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПОКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Т.Н. Секераж

ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы
при Министерстве юстиции Российской Федерации, г. Москва

В статье в продолжение дискуссии, начатой авторами Информационного письма «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» и актуализированной В.В. Николоком в статье «Письмо двенадцати», отмечается, что в настоящее время применение специальных знаний в аспекте, связанном с оценкой сведений, сообщаемых фигурантами уголовных дел, как в форме показаний, так и в иных процессуальных и непроцессуальных формах, претерпело некоторые изменения, на которые стоит обратить внимание.

Ключевые слова: судебная экспертиза, уголовный процесс, доказывание, эксперт, специалист, оценка показаний.

Оценка показаний в уголовном процессе осуществляется согласно закону на основании принципа свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ [1]) и в соответствии с правилами, изложенными в ст. 88 УПК РФ, где закреплено, что «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела». Несмотря на четкое указание в законе на субъекта, правомочного оценивать доказательства (судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель) (ч. 1 ст. 17 УПК РФ), на практике наблюдаются неоднократные случаи введения в этот ряд эксперта или специалиста. Такому положению дел способствует, с одной стороны, запрос от лиц, ведущих следствие, и, с другой стороны, предложения от представителей частного, негосударственного сектора судебно-экспертной деятельности.

Обратимся к недавней истории. Попытки введения несколько лет назад в судебно-экспертную практику по уголовным делам «экспертизы достоверности показаний» встретили сопротивление со стороны ученых и практиков, экспертов и юристов. В результате коллективной работы и дискуссий на различных уровнях было подготовлено Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» [11], которое утверждено Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и Ученым советом ФГБУ «НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского»

Минздрава России. Письмо вызвало интерес как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны правоприменения, а также экспертного и научного сообщества. В резюмирующей части Письма говорилось, в частности, о причинах, по которым экспертный подход к оценке достоверности показаний не может быть обоснованным: «Во-первых, он не соответствует закону. Согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ, “каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела”». Следовательно, *оценка достоверности* должна производиться в отношении *каждого доказательства в отдельности*, а все они оцениваются в совокупности друг с другом, чтобы оценить их *достаточность для разрешения дела*. К лицам, осуществляющим оценку доказательств, закон отнес дознавателя, следователя, прокурора и суд (ч. 3 и 4 ст. 88 УПК РФ). Эксперта в этом перечне нет. Во-вторых, предлагаемая авторами концепция “юридической” и “психологической” оценки достоверности показаний перекладывает оценку их содержательной стороны на экспертов, вопреки тому, что содержательную оценку каждого доказательства УПК РФ отнес к исключительной компетенции дознавателя, следователя, прокурора и суда. По логике авторов монографии ([4] – прим Т.С.), субъект, ведущий производство по делу, должен выявлять лишь факт противоречия показаний другим доказательствам, тогда как достоверность самих показаний определяют эксперты» [11]. Однако помимо процессуальных препятствий была подчеркнута невозможность «в настоящее время» установления достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы (психологической, психолого-психиатрической, какой-либо иной) объективно, на строго научной и практической основе, как того требует ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Оговорка «в настоящее время» в контексте всего Информационного письма, в частности обоснования научной недостоверности предложенной методики, была воспринята излишне оптимистично и использована в качестве посылки для необходимости разработки научно обоснованной методики.

Так, поднятая проблема обсуждалась участниками Международной научно-практической конференции «Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей», которая проходила 16 марта 2017 года в Российском государственном университете правосудия при широком представительстве экспертного сообщества и судейского корпуса. Согласно резолюции конференции, устанавливая при производстве судебной экспертизы или исследования достоверность сообщаемых сведений (их соответствие действительности, реальность, искажения и т.п.) на современном этапе

развития науки и техники невозможно. Поставлена задача развивать исследования по использованию специальных знаний в целях помощи следствию в психологической оценке достоверности показаний и разрабатывать типовую экспертную методику [9].

Информационное письмо также рассматривалось на совещании в формате круглого стола в Главном управлении криминалистики Следственного комитета Российской Федерации 24 марта 2017 года. Участники совещания со стороны разработчиков Письма и особенно С.Н. Шишков на первый план выдвигали основной аргумент, заключающийся в том, что практика проведения таких экспертиз («достоверности показаний») разрушает фундаментальные основы теории судебных доказательств, однако в принятом Председателем СК России решении ограничения, связанные с назначением экспертиз «достоверности показаний», были мотивированы неразработанностью типовой экспертной методики. Было указано случаи назначения таких экспертиз «сделать исключительными и предусмотреть процедуру их обязательного согласования с Главным управлением криминалистики в целях определения в каждом конкретном случае альтернативных процессуальных способов участия специалистов-психологов в исследовании показаний участников уголовного судопроизводства».

Все эти обстоятельства привели к тому, что сегодня не прекращаются попытки назначения и проведения судебных психологических экспертиз, заключения по результатам которых содержат выводы о достоверности либо недостоверности показаний, даваемых участниками уголовного процесса (обвиняемыми, подозреваемыми, потерпевшими, свидетелями). Причем это делается как в явном виде (сообщается о «психологических признаках достоверности/недостоверности» показаний или сообщаемых сведений), так и в завуалированном (например, сообщается о «психологических признаках скрываемых обстоятельств и конструирования ложных сообщений»).

Проблема была вновь актуализирована известным процессуалистом В.В. Николюком [6], который обратил внимание на происходящую опасную «психологизацию» уголовного процесса, причины которой он обуславливает в том числе «недостаточным взаимодействием в данной сфере между психологами, соприкасающимися с уголовным судопроизводством, и учеными-процессуалистами. Элементарное недопонимание природы процесса доказывания, который в основе своей имеет не только познавательную, но и жестко формализованную, удостоверительную составляющие, приводит к спорным, а зачастую и просто неверным выводам» [6, с. 83]. Критически оценив «лазейку» в виде «возможности разработки типовой экспертной методики», оставленную составителями Письма, автор усмотрел «его назначение – “притормозить”, “придержать” стихийно складывающуюся практику

назначения и производства экспертиз для определения достоверности показаний по видеозаписи следственных действий» и посетовал на отсутствие «официальной, нормативно выраженной позиции по данному вопросу у органов, реализующих функцию расследования преступлений и уголовного преследования (СК России, ФСБ России, МВД России; Генеральная прокуратура РФ), правосудия (Верховный Суд РФ)» [6, с. 87].

29 июня 2021 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановил, что «перед экспертом не могут быть также поставлены вопросы по оценке достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, полученных в ходе производства допроса, очной ставки и иных следственных действий, в том числе с применением аудио- или видеозаписи, поскольку в соответствии со статьей 88 УПК РФ такая оценка относится к исключительной компетенции лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Полученное в суде, а также в ходе досудебного производства по уголовному делу заключение эксперта, содержащее выводы о юридической оценке деяния или о достоверности показаний допрошенных лиц, не может быть в этой части признано допустимым доказательством и положено в основу судебного решения по делу» [2]. Однако это не решает проблемы внедрения в уголовное судопроизводство научно обоснованных методик и подходов к экспертной оценке показаний (частных, «авторских» и др.) на стадии предварительного следствия. Не имея судебных перспектив, как отмечает В.В. Нилюк, эта практика направлена на решение тактических задач досудебного производства, чем автор объясняет ее поразительную «живучесть и распространенность», и создает уникальную ситуацию «процессуально-психологического зазеркалья» [6, с. 87]. Вместе с тем отмечается, что в судебных актах все же допускаются ссылки на заключения экспертов о достоверности показаний [3].

Действительно, сегодня практика применения психологических знаний при раскрытии и расследовании преступлений именно в контексте оценки показаний (даваемых сведений), как в форме экспертизы, так и в форме участия специалиста (выносящего суждение по видеозаписи беседы, допроса или при личном участии в опросе – что практикуется специалистами, начиная от педагогов-психологов до инспекторов правоохранительных органов [5]), преимущественно не отвечает потребностям правосудия и не соответствует общепризнанным научным и практическим данным.

Так, в нашей практике немало случаев обращения со стороны следователей и адвокатов за помощью в оценке таких заключений экспертов или специалистов. В ряду очень важных проблем в рамках

данной статьи хочется обратить внимание на систему подготовки экспертов и регламентацию их деятельности.

Ввиду того, что экспертизы, не имеющие строгих научных основ, в государственных судебно-экспертных учреждениях не проводятся, они проводятся отдельными специалистами ряда образовательных учреждений, а также частными организациями или негосударственными экспертами, извлекающими коммерческую выгоду (в том числе различными так называемыми академиями детекции лжи и т.п.), которые помимо указанных методик применяют другие различные «авторские методики» (см., например, [8]), не прошедшие процедуры апробации, валидации и ратификации [7, 10]. Но сегодня закон не предъявляет к частным экспертам тех требований, которые существуют в отношении государственных судебных экспертов, а проверка компетентности частного эксперта производится часто по формальным основаниям (наличие дипломов, сертификатов и др.), чем частные эксперты обзаводятся в большом количестве. Оценить адекватно научную, гносеологическую составляющую при беспрецедентном наукообразии (по существу псевдонаучности) следователь и суд часто не имеют возможности. Представляется, что определенный порядок в этой сфере может быть наведен при принятии соответствующих нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность частных экспертов и негосударственных судебно-экспертных организаций так же строго, как это делается в отношении государственных субъектов судебно-экспертной деятельности.

Что же касается практики установления достоверности показаний, то она будет существовать как в явной, так в завуалированной форме (под видом установления коммуникативных особенностей лица, дающего показания, или установления «информационного состояния» лица, причем как по видеозаписям допросов, так и по видеозаписям проверки на полиграфе) до тех пор, пока будет существовать спрос, в связи с чем имеются все основания прислушаться к мнению В.В. Николюка о необходимости административного решения проблемы и к призыву авторов Информационного письма, хоть и несколько размытому рассуждениями о научной несостоятельности методических подходов, не вторгаться экспертам и специалистам в сферу оценки доказательств, посягая на ее свободу.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г., с изм. от 23.09.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума

Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам»
<https://www.vsrfr.ru/documents/own/30189/>

3. Исаенко В.Н. Экспертная оценка показаний в уголовном судопроизводстве // *Законность*. 2020. № 2. С. 55–59.

4. Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.

5. Карпова А.В., Михайлова Ю.А., Чижова Д.С. Возможности психологического анализа показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве // *Психология и право*. 2019. Т. 9. № 4. С. 174–186 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi:10.17759/psylaw.2019090413>

6. Николук В.В. «Письмо двенадцати» о неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы в контексте российской модели уголовно-процессуального доказывания // В сб.: Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход. Материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 80–88.

7. Плахина А. Критическое мышление против псевдонауки [Электронный ресурс] // Журнал «Записки следователя». 2021. № 2. С. 32–39 [Электронный ресурс]. URL: https://pressa.sledcom.ru/ZHurnal/Magazine-2-2021/full_release/

8. Пресс-релиз «К вопросу о экспертизе идеальной следовой информации» [Электронный ресурс]. М.: Центр интеллектуальных психофизиологических технологий «ЭКСПЕРТ», 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://expert-spfi.ru/k-voprosu-o-ekspertize-idealnoy-sledovoy-informatsii>.

9. Резолюция Международной научно-практической конференции «Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей» 16 марта 2017 года. РГУП, г. Москва // Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей: сб. науч. статей. М.: РГУП, 2017. С. 243–244.

10. Секераж Т.Н. Психологическое исследование аудио- и видеоматериалов, получаемых в ходе оперативно-розыскных мероприятий: организационные и методические аспекты. Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16, № 2. С. 105–115 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-2-105-115>

11. Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я. и др. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. 2016. № 3 (43). С. 64–73 [Электронный ресурс]. URL: http://www.sudexpert.ru/publishing/2016/3_43_16.php

Об авторе:

СЕКЕРАЖ Татьяна Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая лабораторией судебной психологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (109028, Москва, Хохловский пер., д.13, стр.2), доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической

психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29), SPIN-code: 2446-6908, e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

**ABOUT THE APPLICATION OF SPECIAL KNOWLEDGE
IN THE STUDY
OF TESTIMONY IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

T.N. Sekerazh

RFCFS of the Russian Ministry of Justice, Moscow

In the article, in continuation of the discussion initiated by the authors of the Information letter "On the illegality of determining the reliability of testimony by forensic examination" and updated by V.V. Nikolyuk in the article "Letter of the Twelve", it is noted that currently the use of special knowledge in the aspect related to the assessment of information reported by persons involved in criminal cases, both in the form of testimony and in other procedural and non-procedural forms, has undergone some changes that are worth paying attention to.

Keywords: *forensic science, criminal procedure, evidence, examiner, specialist, evaluation of testimony.*

About author:

SEKERAZH Tat'yana – PhD in Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Forensic Psychology, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice (109028, Moscow, Khokhlovsky l., 13/2), associate Professor of clinical and forensic psychology faculty of legal psychology SBOU HPE «Moscow city psychological and pedagogical University» (127051, Moscow, Sretenka str., 29), SPIN-code: 2446-6908, e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Секераж Т.Н. О применении специальных знаний при исследовании показаний в уголовном судопроизводстве // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 112–118.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ КАК СТРАТЕГИЯ ВЫБОРОЧНОСТИ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ДЕКЛАРИРУЕМЫХ ТОВАРОВ

Ю.Б. Субботин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается вопрос применения системы управления рисками (СУР) на практике таможенного контроля. Отсутствие в индикаторах риска предельных стоимостных критериев для усиления таможенного контроля товара в рамках СУР приводит к необоснованным временным затратам на проведение таможенных операций, финансовым потерям участника внешнеэкономической деятельности, смещению таможенного контроля в малоэффективном направлении, что противоречит основному принципу выборочности контроля.

Ключевые слова: таможенный контроль, система управления рисками, критерии риска, выборочность контроля.

При проведении таможенного контроля декларируемых товаров требуется охватить, в первую очередь, те партии товаров, недостоверное декларирование которых оказывает наибольший ущерб экономической безопасности страны.

Данное обстоятельство должно быть заложено в системе управления рисками (СУР), которая в настоящее время реализует основной принцип таможенного контроля – выборочность, согласно Таможенному кодексу Евразийского экономического союза.

В конце двадцатого столетия в рамках пятиступенчатого контроля декларирования товаров был сформирован единый подход к таможенному контролю вне зависимости от категории товара, участника внешнеэкономической деятельности (декларанта), страны происхождения товара и других критериев. Проведение тотального фактического контроля товара (таможенный досмотр) было сопряжено, в частности, с большими временными затратами на осуществление таможенных операций, выпуск товара в целом и, как следствие, со стоимостными затратами участника внешнеэкономической деятельности на длительное хранение товара на складах временного хранения, с упущенной выгодой от использования (реализации) товара.

Система управления рисками как раз должна быть направлена на минимизацию вышеупомянутых затрат для всех участников таможенных операций. Кроме того, как уже было отмечено, она должна позволить точно сконцентрировать таможенный контроль на наиболее важных его направлениях в рамках всего товаропотока.

Вместе с тем, на практике таможенного контроля эффективность СУР оценивается, к сожалению, не только величиной устраненного экономического ущерба, а также латентного (скрытого) эффекта, полученного от выявления таможенных правонарушений в области соблюдения запретов и ограничений при недостоверном декларировании товаров.

В оценке эффективности деятельности таможенного органа, заключающейся в выполнении соответствующих контрольных показателей таможенного контроля, присутствуют критерии, которые вступают в противоречие с основной задачей таможни – действительной защитой экономических интересов государства.

Так, например, в качестве такого критерия выступает показатель достижения планового значения количества заведенных дел об административных правонарушениях (далее – АП). Сами факты заведения дела об АП при этом рассматриваются вне связи с величиной достигаемого экономического эффекта (от предотвращенного ущерба для страны) как показатели эффективности. Иначе, государственный служащий, разрабатывающий критерии риска, не рассматривает в качестве критерия риска величину количественных и стоимостных параметров по товару, являющихся базовой основой начислений таможенных платежей, а также доначислений при недостоверном декларировании товара, влияющих на размер ожидаемого экономического эффекта от проводимых контрольных мероприятий в рамках СУР.

Таким образом, для усиления таможенного контроля риск может «сработать» с ничтожно малой эффективностью при большой трудоемкости таможенных операций, значительных временных и стоимостных затратах. Подобная выборочность таможенного контроля, таким образом, теряет всякий смысл в связи с малозначимостью выявленного недостоверного декларирования объекта контроля. Кроме того, в случае заведения дела об АП предстоит длительная процессуальная процедура, которая, в свою очередь, оттягивает трудовые ресурсы на исполнение соответствующих действий, не имеющих отношение к таможенному контролю вообще.

В итоге, система управления рисками, которая должна быть направлена на выявление максимального экономического ущерба, становится инструментом формального выполнения контрольных показателей деятельности таможенного органа для достижения целей материального стимулирования государственного служащего. Вряд ли стоит здесь говорить о защите экономических интересов государства.

Примечательно то обстоятельство, что подобные малоэффективные профили рисков разрабатываются подразделениями таможенного контроля, а их реализацию поручают подразделениям экономического

блока, ответственным за контроль декларирования соответствующих характеристик по товару.

Иначе, должностные лица экономического блока вынуждены заниматься низкоэффективными рисками в угоду выполнения контрольных показателей (по количеству «результативных» досмотров, заведенных дел об АП) другой вертикалью контроля, не имеющих ничего общего с защитой экономических интересов страны. Более того, наоборот, в этом случае мы имеем отрицательный латентный эффект. Время, затрачиваемое должностными лицами таможенного органа на проведение длительных малоэффективных таможенных досмотров товара, на ведение длительных процессуальных действий при заведении дела об АП, следует считать упущенным временем для анализа и выявления действительно рискованных поставок с точки зрения реального эффекта.

Например, в результате выявленного риска установлено недостоверное декларирование классификационного кода товара в соответствии с товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (ТН ВЭД ЕАЭС). Кроме того, выявлено недостоверное описание товара, в соответствии с которым был заявлен соответствующий код ТН ВЭД ЕАЭС. Всё это приводит к необходимости принятия таможенным органом классификационного решения по товару с доначислением таможенных платежей на сумму, к примеру, 800 рублей.

Кроме того, в связи с недостоверным описанием товара, заявлением недостоверного кода ТН ВЭД ЕАЭС, сопряженным с занижением таможенных платежей, должностное лицо подразделения товарной номенклатуры вынуждено составлять протокол об административном правонарушении. В итоге, контрольный показатель по результативности досмотра выполнен, по количеству возбуждённых дел выполнен при смехотворном доначислении таможенных платежей в бюджет государства. Причем технологические процедуры, которые необходимо отработать должностному лицу подразделения товарной номенклатуры при этом, охватывают в среднем (с учетом процессуальных действий) порядка 8 часов рабочего времени.

Таким образом, выпадает целый рабочий день для непосредственного текущего контроля и анализа товаропотока, а это – десятки тысяч товаров, среди которых могут присутствовать объекты действительно серьезных правонарушений.

Вышеописанный пример показывает, как непродуманное применение новых технологий контроля может привести к вредным скрытым последствиям, иначе – к отсутствию самого контроля там, где это необходимо.

Поэтому во избежание конфликта интересов между государством и лицом, представляющим экономические интересы государства, при разработке конкретных профилей рисков необходимо обязать включать

в критерии срабатывания рисков пороговые значения параметров, оказывающих влияние на конечную цель системы управления рисками – действительную эффективную защиту экономических интересов страны.

Об авторе:

СУББОТИН Юрий Борисович – кандидат технических наук; доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, 33); e-mail: SubbotinYB@yandex.ru

RISK MANAGEMENT SYSTEM AS A SELECTION STRATEGY FOR CUSTOMS CONTROL OF DECLARED GOODS

Y.B. Subbotin

Tver State University, Tver

The issue of the application of the risk management system (RMS) in the practice of customs control is being considered. The absence in risk indicators of limiting cost criteria for strengthening customs control of goods within the framework of the RMS leads to unreasonable time costs for carrying out customs operations, financial losses of a participant in foreign economic activity, a shift in customs control in ineffective direction, which contradicts the basic principle of selective control

Keywords: *customs control, risk management system, risk criteria, control selectivity.*

About author:

Subbotin Yuriy – PhD in Engineering, the assistant professor of the pulpit to constitutional, administrative and customs right of Tver State University (170100, Russia, Tver, Zheljabova st., 33); e-mail: SubbotinYB@yandex.ru

Субботин Ю.Б. Система управления рисками как стратегия выборочности таможенного контроля декларируемых товаров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 119–122.

О «ПРАВОВЫХ ПРОБЕЛАХ» В РЕГУЛИРОВАНИИ ОКАЗАНИЯ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ В КОТТЕДЖНЫХ ПОСЕЛКАХ

А.Н. Сухарев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Представлена проблема «правового вакуума» в регулировании предоставления услуг по обслуживанию общего имущества коттеджных поселков, вместе с тем, коттеджные поселки стали являться одной из привлекательных форм решения жилищных проблем граждан. Урегулирование общественных отношений в данной сфере по аналогии закона или аналогии права не всегда удается в силу правовой неопределенности. Необходимо внесение в законодательство Российской Федерации понятия о коттеджных поселках, а в жилищное законодательство – положений об управлении коттеджными поселками, а также норму о возникновении и прекращении права на долю в общем имуществе коттеджного поселка.

Ключевые слова: *индивидуально-жилищное строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, жилищно-коммунальные услуги, коттеджные поселки, общее имущество, внешние эффекты.*

В российском законодательстве отсутствует правовое регулирование коттеджных поселков и предоставления им коммунальных услуг. Коттеджный поселок обычно представляет собой совокупность индивидуальных жилых домов. В коттеджных поселках создается общая инфраструктура, которая повышает качество проживания на соответствующей территории и обуславливает более высокую стоимость объектов недвижимости, находящихся на территории таких поселков. Общая инфраструктура может включать дороги, линии электропередачи, газоснабжения, водоснабжения и водоотведения, места сбора мусора, детские площадки, охрану, видеонаблюдение и проч.

При комплексной застройке территории общая инфраструктура коттеджного поселка должна передаваться в собственность органов местного самоуправления, на которые законодательством возложены функции по организации предоставления коммунальных услуг, включая создание коммунальных организаций. Финансирование этих услуг должно происходить за счет устанавливаемых тарифов, а в ряде случаев и за счет их софинансирования со стороны местного бюджета. Однако муниципальная власть не заинтересована в том, чтобы брать на себя дополнительное бремя расходов. В этих условиях «муниципальная

модель» организации предоставления коммунальных услуг стала подменяться «коллективной моделью», основанной на самоорганизации собственников земельных участков. «Коллективная модель» предполагает учреждение собственниками земельных участков юридического лица – управляющей компании, которая создает и обслуживает общую инфраструктуру коттеджного поселка, покрывая свои расходы за счет вступительных и членских взносов или иных обязательных платежей. Законодательство не запрещает гражданам создавать такие организации, в чем проявляется свобода воли этих лиц, направленная на обеспечение качества получаемых ими жилищных и коммунальных услуг.

Сегодня в России коттеджные поселки обычно создаются субъектами предпринимательской деятельности путем перевода земель сельскохозяйственного назначения в земли поселений. В рамках этого формируется инфраструктура в виде дорог, коммуникаций и проч. Такая инфраструктура и коммуникации не принадлежат собственникам отдельных участков на праве общей собственности, но в целях жизнеобеспечения граждан должны обслуживаться. Поэтому субъекты предпринимательства создают организации для управления такой инфраструктурой. В одних случаях, это имущество остается в собственности субъектов предпринимательской деятельности и они от предоставления услуг получают прибыль. В других – безвозмездно передается в собственность созданной обслуживающей организации. В ряде случаев при продаже земельных участков под индивидуальное жилищное строительство или индивидуальных жилых домов в договоре с покупателями устанавливается плата за пользование дорогами, а земельные участки бывшие собственники (продавцы) обременяют платным сервитутом [5].

При создании коттеджного поселка и переводе земель из одной категории в другую увеличивается рыночная и, соответственно, кадастровая стоимость земли. Благодаря этому субъекты предпринимательской деятельности получают экономическую выгоду, а муниципальные образования, на территории которых будут находиться коттеджные поселки – дополнительные поступления по земельному налогу, налогу на имущество физических лиц и отчислений от налога на доходы физических лиц. Однако это требует и дополнительных затрат со стороны муниципального образования по обслуживанию инфраструктуры нового коттеджного поселка. Не передача такой инфраструктуры в муниципальную собственность приводит к необходимости ее обслуживания со стороны собственников земельных участков под ИЖС и индивидуальных жилых домов, находящихся на территории коттеджного поселка.

Суды при разрешении споров по правоотношениям, возникающим в коттеджном поселке, в ряде случаев применяли законодательство по

аналогии с жилищным законодательством [1, ст. 6]. По мнению автора, аналогия закона или аналогия права здесь вступают в противоречие с существом таких общественных отношений. Положения Жилищного кодекса РФ регулируют правоотношения в многоквартирных домах, включая особенности установления жилищных платежей, а в коттеджных поселках оказываемые услуги обычно являются не жилищными, а коммунальными. К жилищным относятся услуги по уборке подъездов, придомовой территории, ремонту и обслуживанию общего имущества многоквартирного дома. Коммунальные услуги включают в себя водоснабжение и водоотведение, подачу электрической энергии, газоснабжение, вывоз твердых коммунальных отходов. В отношении коммунальных услуг государственными органами устанавливаются тарифы, а величина платы за жилищные услуги устанавливается общим собранием многоквартирного дома, товариществом собственников жилья или жилищного кооператива. Иначе, жилищные и коммунальные услуги – это разные правовые конструкции, которые и по-разному регулируются [9]. В этом случае логично возникает вопрос, насколько коммунальные платежи можно считать «аналогичными» жилищным платежам, чтобы применить к услугам, оказываемым коттеджными поселками, аналогию закона или аналогию права. Все же жилищное законодательство, в силу своей специфичности, оказывается, трудно распространить на сферу качественно иных общественных отношений, возникающих в коттеджных поселках.

Другой проблемой является принцип распределения расходов на содержание имущества коттеджного поселка среди потребителей его услуг. В Жилищном кодексе РФ принят принцип распределения затрат пропорционально общей площади помещений в многоквартирном доме, именно так происходит распределение долей в общей собственности многоквартирного дома (ст. 37). В коттеджном поселке принцип распределения общих затрат на их потребителей является спорным. Пропорционально чему распределять? Пропорционально площади жилой и нежилой застройки или площади земельного участка? Согласно жилищному законодательству, следовало бы распределять исходя из площади жилых и нежилых помещений, но в этом случае возникает проблема их отнесения на земельные участки, на которых пока не возведены такие постройки. Вероятно, тогда владельцы таких земельных участков оплачивать такие расходы не должны, что противоречит ч. 2 ст. 6 ГК РФ о разумности и справедливости при применении аналогии права [1]. Правовая неопределенность способа распределения затрат на содержание общего имущества не позволяет судам однозначно решить эту проблему, что не способствует определенности общественных отношений [4].

Представлялось бы правильным распределение затрат на содержание общего имущества пропорционально площади земельных участков, но такой принцип правом не урегулирован. Кроме того, те лица, которые построили на своем земельном участке дома, в большей мере пользуются услугами коттеджного поселка. Также эта мера пользования должна быть поставлена в зависимость от площади жилых и нежилых помещений на земельных участках.

Теоретически возможно было бы распределять затраты на содержание общего имущества коттеджного поселка пропорционально сумме жилых, нежилых помещений и площади земельных участков. Этот подход позволил бы учесть недостатки двух предыдущих способов распределения. Однако данный подход оказывается менее справедливым и разумным [7], так как он предполагает складывание воедино разнородных элементов. Чисто математически такое возможно, но лишено экономического смысла, так как здесь происходит условное приравнивание одного квадратного метра помещений к одному квадратному метру земельного участка. Каковы логические обоснования существования такого равенства или применения между ними какого-либо корректирующего коэффициента?

Также проблемой является определение юридического факта возникновения права на общую собственность в коттеджном поселке. В многоквартирном доме право общей собственности возникает в силу жилищного законодательства [2, ст. 38], в соответствии с которым лица, приобретая в собственность помещения в многоквартирном доме, одновременно приобретают право доли в общей собственности многоквартирного дома, к которой также относится земельный участок, на котором расположен дом. В Российской Федерации под каждый многоквартирный дом должен быть отмежеван земельный участок, и на одном земельном участке не может быть более одного многоквартирного дома. При изменении площади помещений в многоквартирном доме автоматически изменяется доля каждого собственника помещений в этом многоквартирном доме, что не требует какой-либо государственной регистрации.

Иначе обстоит дело в коттеджном поселке, где у собственников земельных участков под ИЖС или индивидуальных жилых домов не может автоматически в силу закона возникнуть права на общую собственность коттеджного поселка. Такое право здесь возникает в результате государственной регистрации прав на соответствующее имущество на основании Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [3]. Соответственно, при смене собственника земельного участка и индивидуального жилого дома общая долевая собственность в отношении имущества коттеджного поселка автоматически не перейдет к новому собственнику. Это также требует государственной регистрации,

что потенциально порождает возможность неосуществления такой сделки и возникновения «разрыва» между собственностью на земельный участок и индивидуальный жилой дом с одной стороны, и долей в общей собственности в коттеджном поселке с другой стороны, чего не происходит и невозможно в жилищном законодательстве.

В многоквартирном доме граждане должны выбрать способ управления домом. Это может быть управляющая организация, товарищество собственников жилья, жилищный или иной специализированный кооператив и непосредственное управление [2, ст. 161] – по сути, создание коллективной формы управления без образования юридического лица [8]. Жилищное законодательство Российской Федерации не предусматривает организацию управления предоставления жилищно-коммунальных услуг в отношении нескольких индивидуальных жилых домов, но это отнюдь не лишает возможности граждан создать коммерческую или некоммерческую организацию по обслуживанию территории коттеджного поселка. Такое объединение граждан является свободным и основано на их волеизъявлении. Никто не может принудить граждан вступить в такие организации. Создание большинством собственников земельных участков под ИЖС или индивидуальных жилых домов таких обслуживающих организаций не порождает юридических обязанностей для других собственников по оплате ими расходов, произведенных созданной организацией по обслуживанию инфраструктуры коттеджного поселка. По жилищному законодательству, применительно к многоквартирным домам такое обязывание возникает. Так, например, созданное большинством голосов собственников помещений в многоквартирном доме товарищество собственников жилья имеет правомочия по управлению и обслуживанию дома, а собственники помещений, которые не стали членами товарищества собственников жилья, обязаны нести те же расходы по управлению и обслуживанию многоквартирного дома, которые несут его члены.

Организации, управляющие коттеджными поселками, не имеют права по действующему жилищному законодательству устанавливать какие-либо обязательные платежи за управление и обслуживание коттеджного поселка. Поэтому компенсация расходов управляющей организации возможна либо в добровольном порядке со стороны собственника земельного участка под ИЖС или индивидуального жилого дома, либо в судебном порядке по иску о неосновательном обогащении. Такое неосновательное обогащение происходит вне воли граждан, и граждане не могут исключить себя из потребления данных услуг. Если было бы возможно исключить себя из потребления этих услуг, то иски не имели бы смысла. Неплательщикам не представлялись бы услуги, оказываемые управляющей организацией.

По смыслу ст. 1102–1109 Гражданского кодекса РФ следует, что неосновательное обогащение связано с получением лицом имущества, независимо от того, по его воли оно получено или вне его воли. В случае оказания услуг управляющей организацией коттеджного поселка передачи имущества не происходит, поэтому возникает невозможность ее возвратить обратно, ее «собственнику». Услуга – это не имущество.

В экономической теории такое неосновательное обогащение принято обозначать внешним эффектом (экстерналиями). Экономические субъекты могут сталкиваться как с положительными, так и отрицательными внешними эффектами. Положительные внешние эффекты увеличивают благосостояние экономических субъектов, а отрицательные его уменьшают. Мы вообще живем в мире экстерналий и не можем себя из него исключить. Предполагается, что в целях максимизации общественного благосостояния необходимо интернализировать экстерналии, то есть внешние эффекты перевести во внутренние, используя для этого налоги и прочие экономические механизмы. Частично такая проблема может быть решена, но полностью – нет. Принятие законодательства о коттеджных поселках позволит решить проблему интернализации экстерналий в индивидуальном жилищном строительстве, определив права и обязанности граждан по содержанию общего имущества территории, на которой размещены индивидуальные жилые дома.

В законодательстве отсутствует понятие коттеджного поселка как административно-территориального или иного образования. «Правовой вакуум» не позволяет эффективно регулировать общественные отношения в этой сфере, и требуется создание соответствующих правовых норм. «Право необходимо, когда общественная жизнь становится невыносимой без его норм» [6]. Необходимо законодательно урегулировать порядок создания коттеджных поселков как физических образований – комплекса земельных участков под ИЖС, объединенных общей инфраструктурой. В Градостроительный кодекс РФ необходимо ввести понятие коттеджного поселка как способа комплексного освоения территории в целях решения жилищных проблем.

Коттеджные поселки должны создаваться в рамках комплексного освоения территории под индивидуальное жилищное строительство. Приобретатели земельных участков под ИЖС должны быть проинформированы, что они покупают земельные участки или индивидуальные жилые дома, входящие в инфраструктуру коттеджного поселка. Коттеджные поселки не должны создаваться в рамках территорий, где ранее были приобретены земельные участки под ИЖС или приобретены индивидуальные жилые дома, кроме случаев согласия на это всех собственников таких земельных участков и домов. Причем образование коттеджного поселка не должно нарушать прав собственников земельных участков под ИЖС и индивидуальных жилых

домов, которые не дали согласия на образование коттеджного поселка. Логичность такой нормы вытекает из того, что граждане, принимая решение о приобретении земельных участков под ИЖС и индивидуальных жилых домов, часто принимают в расчет минимальность уплаты ими жилищно-коммунальных платежей. Образование коттеджного поселка хотя может и повысить качество проживания на его территории, но одновременно приведет к увеличению платежей граждан на содержание общего имущества коттеджного поселка.

В Жилищный кодекс РФ необходимо внести положения о создании и функционировании управляющих организаций по обслуживанию коттеджных поселков, включая нормы, регулирующие их организацию, управления, права и обязанности граждан, порядок возникновения права на общее имущество (аналогичные ст. 36 ЖК РФ), его состав, порядок установления платы по обслуживанию общего имущества и др.

Итак, подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что в российском законодательстве отсутствует правовое регулирование оказания жилищно-коммунальных услуг в коттеджных поселках, хотя коттеджные поселки стали одной из привлекательных форм решения жилищных проблем граждан. Правовое не урегулирование, с одной стороны, не защищает права граждан – собственников земельных участков по ИЖС и индивидуальных жилых домов, а с другой стороны, не гарантирует организациям, управляемым коттеджными поселками, покрытие произведенных затрат. «Правовой вакуум» усиливает нагрузку на судебную систему по спорам граждан с организациями, управляющими коттеджными поселками, а сами судебные решения по таким делам носят порой противоречивый характер, что не способствует правовой определенности. Назрела необходимость внесения в жилищное законодательство норм, регулирующих деятельность коттеджных поселков.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2020 г.) (с изм. и доп. от 06.08.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 28.06.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 21.07.1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о правовой неопределенности российского законодательства и ее последствиях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2. С. 94–99.

5. Бумажникова О.В. Публичный сервитут и сервитуты: сравнительный анализ // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 2. С. 28–34.

6. Воротников А.А. Право: вмешательство или консенсус // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3. С. 55–59.

7. Дронова Ю.А., Туманова Л.В. Реплика о справедливости как правовой категории // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 1. С. 113–122.

8. Крюкова Е.С., Маркова И.В. К вопросу о специфике правового статуса участников жилищных правоотношений – коммерческих и некоммерческих корпораций // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 1. С. 21–31.

9. Сухарев А.Н., Карасева Л.А., Голубев А.А., Смирнова О.В. Финансы управляющих организаций в современной России: теория, методология, практика. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 2019. 180 с.

Об авторе:

СУХАРЕВ Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2416-1054, mail: su500005@yandex.ru

ON "LEGAL GAPS" IN THE REGULATION OF THE PROVISION OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES IN COTTAGE VILLAGES

A.N. Sukharev

Tver State University, Tver

The article presents the problem of "legal vacuum" in the regulation of the provision of services for the maintenance of common property in cottage settlements, at the same time, cottage settlements have become one of the most attractive forms of solving the housing problems of citizens. The regulation of public relations in this area by analogy of law or analogy of law is not always possible due to legal uncertainty. It is necessary to introduce into the legislation of the Russian Federation the concept of cottage communities, and into housing legislation - provisions on the management of cottage communities, as well as the rules on the emergence and termination of the right to a share in the common property of a cottage community.

Keywords: *individual housing construction, housing and communal services, housing and communal services, cottage settlements, common property, external effects.*

About author:

SUCHAREV Alexander – Doctor of Economics, professor of constitutional, administrative and customs law Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru

Сухарев А.Н. О «правовых пробелах» в регулировании оказания жилищно-коммунальных услуг в коттеджных поселках // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 123–130.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ВЗЫСКАНИИ НАЛОГОВ¹ С ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ, НЕ ДОСТИГШИХ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ

О.И. Юстус

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу различных отраслевых норм, по мнению автора, составляющих правовую базу для взыскания налогов с законных представителей несовершеннолетних налогоплательщиков; автором анализируется взаимосвязь указанных норм, отмечается их противоречивый отраслевой характер; обосновывается необходимость дополнения налогового законодательства, сопровождаемого соответствующим конституционным толкованием либо разъяснением ВС РФ.

Ключевые слова: *несовершеннолетние налогоплательщики, законные представители несовершеннолетних, налоговая дееспособность физических лиц.*

Институт налоговой правосубъектности физических лиц, несмотря на многочисленные финансово-правовые исследования и относительно сложившуюся судебную практику, по-прежнему вызывает оживленную научную дискуссию [17], поскольку проблема правовых оснований взыскания недоимки по налогам с законных представителей несовершеннолетних налогоплательщиков до настоящего времени не нашла надлежащего правового закрепления.

Основа научного подхода к решению данной проблемы была заложена еще в середине 90-х годов прошлого века: вначале цивилистами [13, с. 36–40], а затем и представителями финансово-правовой науки [14, с. 125–130]. Суть предложенного ими подхода сводилась к выявлению производности налоговой дееспособности физических лиц от дееспособности гражданской и трудовой. В отсутствии какого-либо специального правового регулирования в налоговом праве первоначально предлагалось определить возраст возникновения налоговой дееспособности (а также деликтоспособности) с 14 лет [14, с. 127]. При этом отмечалось, что недостающие элементы дееспособности малолетних восполняются дееспособностью их законных представителей.

¹ Под налогами в данном случае и далее будут подразумеваться налоги, обязанность по уплате которых актами законодательства о налогах и сборах возложена на налогоплательщиков, не достигших совершеннолетия.

Впоследствии с появлением положений ст. 107, 109 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) [4] данная позиция была скорректирована, и в качестве возраста наступления дееспособности (деликтоспособности) было предложено определить шестнадцатилетний возраст [12, с. 98]. При этом специалистами справедливо указывалось, что закрепление в НК РФ возраста, при наступлении которого физическое лицо может быть привлечено к ответственности за совершение налогового правонарушения, не устранило основные проблемы, связанные с правосубъектностью несовершеннолетних налогоплательщиков, а именно: отсутствует надлежащее правовое регулирование, связанное с возложением обязанностей, осуществлением прав и привлечением к ответственности законных представителей налогоплательщиков, не достигших возраста налоговой дееспособности [15, с. 14].

Появление Определения Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) от 30 июня 2020 г. № 1467-О [10] в очередной раз указало на актуальность описанной проблемы и ее затянувшуюся неразрешенность.

Вместе с тем ее разрешение, как представляется, не столь однозначно, что косвенным образом подтверждается и отсутствием сформированной Конституционным Судом позиции по данному вопросу, а также непоявлением давно ожидаемого правового регулирования на уровне НК РФ.

Остроту проблеме придает активно появляющаяся судебная практика (см., например: апелляционное определение СК по административным делам Нижегородского областного суда от 19 июня 2019 г. по делу № 33а-7245/2019; апелляционное определение СК по административным делам Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 18 апреля 2019 г. по делу № 33а-1152/2019; апелляционное определение СК по гражданским делам Нижегородского областного суда от 2 апреля 2019 г. по делу № 33-2885/2019; постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 14 марта 2019 г. по делу № 4Га-1067/2018 и пр.), а также сформулированная в отсутствие надлежащего правового регулирования официальная позиция финансовых и налоговых органов (см., например: письмо Минфина России от 9 ноября 2020 г. № 03-05-06-01/97059, письма ФНС России от 6 ноября 2020 г. № ЗГ-2-21/1913@, от 21 октября 2020 г. № БС-2-21/1815@ и др.).

В этой связи выявление правовых оснований взыскания налога с законных представителей несовершеннолетних налогоплательщиков представляется весьма актуальным.

Конституционную основу формируемой по данной проблеме позиции составляют положения ст. 57 Конституции РФ, закрепляющей обязанность каждого платить законно установленные налоги, а также ч. 4 ст. 67.1, определяющей детей в качестве важнейшего приоритета

государственной политики России, и ч. 2 ст. 38, устанавливающей заботу о детях, их воспитание в качестве равной обязанности родителей [1].

В силу ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [3] ребенком является лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия). При этом ребенок (т.е. несовершеннолетнее лицо) имеет право на получение содержания от своих родителей (ст. 60 СК РФ), иных установленных законом лиц, в том числе в рамках алиментных обязательств (ст. 80–83, 86 СК РФ). Вместе с тем законодательство (например, ст. 60 СК РФ) определяет раздельный режим собственности родителей и детей и обязывает родителей при осуществлении правомочий по управлению имуществом детей соблюдать ряд ограничений, установленных в отношении имущества подопечных, в частности родителям запрещается без предварительного разрешения органов опеки и попечительства совершать любые действия, влекущие уменьшение имущества детей.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] связывает наступление полной гражданской дееспособности с достижением совершеннолетия, при этом выделяется дееспособность малолетних (ст. 28 ГК РФ) и дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 26 ГК РФ).

Примечательно, что именно гражданское законодательство дает легальное определение понятия дееспособности гражданина, определяя ее как способность лица приобретать и осуществлять гражданские права, создавать и исполнять гражданские обязанности. Если же рассуждать о налоговой дееспособности, то, в отличие от гражданско-правового понимания, прежде всего необходимо отметить такой ее элемент, как возможность исполнения налоговых обязанностей. Первичность обязанностей по отношению к правам связана со спецификой налоговых правоотношений и производным характером субъективных прав налогоплательщиков по отношению к их налоговым обязанностям.

При этом, поскольку налоговые обязательства производны от экономической деятельности, а нормы налогового законодательства объективно взаимосвязаны с нормами гражданского законодательства [9], более детально проанализируем ситуации, в которых у несовершеннолетних потенциально может возникнуть объект налогообложения (имущество или доход, заработок и пр.) и, соответственно, возможность исполнения налоговых обязанностей.

Следует предположить, что право собственности несовершеннолетнего на объект налогообложения напрямую не предполагает его возможности исполнить налоговую обязанность. Такая возможность потенциально возникает при распоряжении объектом либо возмездном владении им третьими лицами на законных основаниях (например, при передаче объекта налогообложения в аренду, совершении сделки купли-продажи в отношении объекта налогообложения и пр.), то

есть при получении дохода. Однако при этом необходимо учесть, что законные представители в силу ограничений ст. 60 СК РФ, ст. 37 ГК РФ не вправе без предварительного разрешения органов опеки и попечительства исполнить налоговую обязанность несовершеннолетнего за счет его средств. Одновременно с данным пробелом вопрос о процедуре исполнения налоговой обязанности самими несовершеннолетними также не имеет соответствующего правового регулирования ни со стороны СК РФ, ни со стороны ГК РФ.

Особого внимания заслуживают случаи осуществления несовершеннолетними предпринимательской деятельности, которая в силу ст. 23 ГК РФ может осуществляться гражданином в качестве индивидуального предпринимателя либо в качестве «самозанятого» [8].

Гражданское законодательство (ст. 27 ГК РФ), а также Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (ст. 22.1) [6] связывает указанные статусы с достижением шестнадцатилетнего возраста. Что касается режима налога на профессиональный доход, Министерство финансов РФ полагает, что указанный статус также могут получить дети в возрасте от 14 до 16 лет при наличии письменного согласия законных представителей на совершение сделок в связи с ведением видов деятельности, в отношении которых может применяться режим «самозанятых» без регистрации их в качестве индивидуальных предпринимателей [11].

Полагаем, что данная позиция во многом определяется интересами практики. Действительно, все чаще молодые люди пытаются обрести финансовую независимость еще до совершеннолетия, и столь бурно развивающееся цифровое общество во многом этому способствует [16].

Вместе с тем, говоря о предпринимательской деятельности несовершеннолетних, необходимо учитывать, что это деятельность, осуществляемая ими самостоятельно, на свой риск (ст. 2 ГК РФ), может быть убыточной. В этой связи, а также в иных ситуациях, полагаем, что в отношении несовершеннолетних допустимо применение процедур, предусмотренных Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [7]. Как представляется, инициирование таких процедур возможно при достижении несовершеннолетними четырнадцатилетнего возраста.

Далее перейдем к анализу норм налогового законодательства. Прежде всего необходимо отметить, что НК РФ не связывает статус налогоплательщика с достижением индивидуальным субъектом какого-либо конкретного возраста. Определяющим параметром названного статуса является наличие оснований, с которыми законодательство о налогах и сборах связывает возникновение, изменение или прекращение обязанности по уплате налога (ст. 19, 44 НК РФ). При этом ст. 45 НК РФ допускает уплату налога за налогоплательщика иным лицом. Среди

прочих к числу таких лиц относятся законные представители налогоплательщика, которыми в отношении налогоплательщика – физического лица признаются лица, выступающие в таком качестве в соответствии с гражданским законодательством (ст. 27 НК РФ).

Каких-либо специальных норм, предусматривающих процедуры добровольного или принудительного исполнения налоговой обязанности применительно к законным представителям несовершеннолетних налогоплательщиков, НК РФ не предусматривает. Кроме того, при анализе правовых оснований взыскания налога с законных представителей несовершеннолетних необходимо исходить из установленного НК РФ возраста налоговой деликтоспособности физических лиц (16 лет), включая составы неуплаты (неполной уплаты) сумм налога.

Также существенными обстоятельствами, принимаемыми во внимание, являются положения ст. 48 НК РФ, устанавливающей последовательность процедур по взысканию налогов с физических лиц (к которым по смыслу ст. 46–47 НК РФ относятся и самозанятые). Поскольку при этом рассмотрение дел о взыскании налогов производится в соответствии с законодательством об административном производстве, учету подлежат положения ст. 5 Кодекса административного судопроизводства (далее – КАС РФ) [5], согласно которой административная процессуальная дееспособность по данной категории дел принадлежит, в том числе, несовершеннолетним гражданам в возрасте от 14 до 18 лет. В случае необходимости суд может привлечь к участию в деле законных представителей данных граждан.

Таким образом, при разрешении вопроса о правовых основаниях взыскания налога с законных представителей несовершеннолетних существенным является многообразие и противоречивый характер сообразующихся правовых норм. Как представляется, устранение существующего пробела может происходить либо по варианту разработки соответствующего конституционного подхода, либо по варианту внесения изменений в НК РФ (по аналогии со ст. 1073, 1074 ГК РФ). Вместе с тем, поскольку, по нашему мнению, внесение изменений в НК РФ не сможет в полном объеме устранить имеющиеся отраслевые несоответствия правового регулирования, данные изменения целесообразно дополнить конституционным толкованием или разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г., с изм. от 15.07.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2020 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Конституционного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 1467-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Максимцева Вячеслава Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 21, 26 и 28 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьями 61, 80 и 86 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»..

11. Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 30 апреля 2021 г. № 03-11-11/33669 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Винницкий Д.В. Субъекты налогового права. М.: Изд-во НОРМА, 2000. 192 с.

13. Витрянский В.В., Герасименко С.А. Налоговые органы, налогоплательщик и Гражданский кодекс. М.: Изд-во Междунар. центра финансово-эконом. развития, 1995. 144 с.

14. Карасева М.В. Финансовое правоотношение. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1997. 304 с.

15. Тропская С.С. Правовой статус налогоплательщика – физического лица в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01003065086?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 05.11.2021).

16. Бизнес по-школьному: как создать стартап в 15 лет и получить серебряную медаль [Электронный ресурс]. URL: https://deti.mail.ru/article/biznes-po-shkolnomu-kak-sozdat-startap-v-15-let-i/?utm_campaign=47714159&utm_medium=banner&utm_content=97530399&utm_source=news.mail.ru (дата обращения: 07.11.2021).

17. Доклад на конференции «Налоговое право в решениях Конституционного суда РФ», 20 – 28 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL:

https://zakon.ru/blog/2021/04/14/uplata_nalogov_roditelyami_za_detej_opredelenie_ks_rf_ot_30_iyunya_2020_g_n_1467-o (дата обращения: 07.11.2021).

Об авторе:

ЮСТУС Ольга Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-3112-3112, SPIN-код 6648-986, e-mail: olga.i.yustus@gmail.com

LEGAL BASIS FOR RESOLVING THE ISSUE OF COLLECTING TAXES FROM LEGAL REPRESENTATIVES OF TAXPAYERS WHO HAVE NOT REACHED THE AGE OF MAJORITY

O.I. Yustus

Tver State University, Tver

The article is devoted to the analysis of various sectoral norms, according to the author, which constitute the legal basis for collecting taxes from legal representatives of minor taxpayers; the author analyzes the relationship of these norms, notes their contradictory sectoral nature; justifies the need to supplement tax legislation, accompanied by an appropriate constitutional interpretation or explanation of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: *minor taxpayers, legal representatives of minors, tax capacity of individuals.*

About author:

YUSTUS Olga – PhD in Law, associate Professor of the Department of constitutional, administrative and customs law of Tver state University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), ORCID: 0000-0002-3112-3112, SPIN-code: 6648-9867, e-mail: olga.i.yustus@gmail.com

Юстус О.И. Правовые основы для разрешения вопроса о взыскании налогов с законных представителей налогоплательщиков, не достигших совершеннолетия // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 131–137.

Вопросы истории государства и права

УДК 34 : 378

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.4.138

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПРАВОВОЙ БАЗЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 2009 – 2021 ГГ.

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются вопросы совершенствования федерального законодательства об образовании и, в связи с этим, изменения локальной нормативной базы деятельности Тверского государственного университета в 2009 – 2021 гг. В аспекте выполнения университетом своей миссии по содействию инновационному развитию Тверской области анализируется также роль регионального нормотворчества и правоприменительной практики в развитии ТвГУ.

Ключевые слова: *Россия, законодательство об образовании, университеты, локальные акты, Тверская область, Тверской государственный университет.*

Актуальность заявленной темы определяется ролью правовых инструментов, применяемых для модернизации различных сфер деятельности организаций высшего образования регионального масштаба, к которым относится Тверской государственный университет (ТвГУ), а также значением, которое университет имеет для инновационного развития Тверской области.

Цели и задачи настоящего исследования не включают в себя решения вопросов доктринального характера, таких, как, например, определение правовой природы образовательных услуг. Работа имеет практикоориентированный формат.

Настоящее исследование носит междисциплинарный характер и выполнено «на поле взаимодействия» науки образовательного права и историко-правовой науки. Оно опирается в качестве своей теоретической базы на труды в области теории и философии права, образовательного права.

Развитие Тверского государственного университета в 2009 – 2021 гг. проходило в условиях меняющейся нормативно-правовой базы. Деятельность ТвГУ, как и других вузов страны, регулируется правовыми актами различных отраслей законодательства.

В качестве компонента этой базы прежде всего следует указать законодательство об образовании и подзаконные акты, регулирующие отношения в сфере образования. В рассматриваемый период произошло

серьезное изменение образовательного законодательства Российской Федерации. В научной сфере неоднократно отмечалась особо активная динамика образовательного права. Так, Е.В. Пуляева объясняет эту динамику проведением реформы системы образования, а также преобразованиями административного, налогового, бюджетного законодательства и системы местного самоуправления [25, с. 5]. Исследователи пишут об увеличении «объема образовательных отношений» [21, с. 99] что также является объективным фактором изменений в образовательном законодательстве.

В итоге значительно изменились все компоненты системы источников образовательного права.

В 2012 г. был принят Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [3]. С момента введения его в действие утратили юридическую силу Закон Российской Федерации «Об образовании» и Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [6]. Новый закон урегулировал правовой статус университета и других образовательных организаций, в определенной мере изменил систему уровней образования в стране, уточнил вопросы получения дополнительного образования и т.д. [24, с. 9–17]. Закон изменил «родовое название» университетов, введя понятие «образовательная организация» вместо понятия «образовательное учреждение».

В дальнейшем в текст Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» был внесен ряд изменений и дополнений.

Произошли также существенные изменения в иных отраслях законодательства в части норм, прямо или косвенно регулирующих образовательную деятельность. Мы имеем в виду положения трудового законодательства, законодательства о защите прав потребителей, законодательства об информационной безопасности и т.д. В правовой науке определенный сегмент указанного выше комплекса нормативно-правовых актов именуется профильными или «сегментарными» законами [23, с. 55]. В частности, в течение 2009 – 2021 гг. подверглось значительным изменениям законодательство по корпоративным закупкам, регулирующее хозяйственную деятельность университетов в части проведения закупок товаров, работ и услуг. В 2011 г. был принят Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [4], а в 2013 г. – Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2].

Изменились законодательные основы документально-правового оформления работы в вузах некоторых категорий лиц, в частности, преподавателей и других граждан, приглашаемых для выполнения определенной работы на основе договоров гражданско-правового характера. Были установлены определенные ограничения в некоторых

случаях на выполнение функций работниками университетов, в частности, с связи с введенным законодательством об образовании понятия «конфликт интересов педагогического работника» [22, с. 66].

Изменился порядок взаимодействия университета и органов управления в сфере государственного социального страхования.

Принципиальные изменения отечественным законодателем были внесены в рассматриваемый период в законодательство, регулирующее вопросы информационного сопровождения деятельности образовательных организаций и вопросы информационной безопасности.

На основании новой законодательной базы федеральными ведомствами были приняты подзаконные акты, урегулировавшие образовательную, научную, финансовую, социальную деятельность организаций высшего образования.

Например, согласно требованиям законодательства и соответствующих подзаконных актов об информационной открытости деятельности образовательных организаций на сайте Тверского государственного университета, как и других учреждений образования, размещается актуальная информация о локальных правовых актах, органах управления, реализуемых образовательных программах и др. [26]

Важнейшую роль в стратегическом планировании развития университета играют федеральные нормативные акты, являющиеся базой для реализации государственных программ с участием образовательных организаций высшего образования. В числе этих актов прежде всего следует назвать постановления Правительства Российской Федерации, а также приказы Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Новация последних лет состоит в том, что эти программы приобрели комплексный характер. В качестве современного примера можно назвать акты программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» [7]. На основании федеральных нормативных документов Тверской государственной университет неоднократно принимал свои собственные программы стратегического развития, имевшие статус локальных нормативных актов. В частности, в 2021 г. он подготовил программу (проект программы) развития федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Тверской государственной университет» на 2021-2030 годы.

В 2020 – 2021 гг. был принят ряд законодательных и подзаконных актов в отношении мер по профилактике распространения новой коронавирусной инфекции. В числе нормативных актов федерального уровня следует назвать приказы Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, постановления Главного санитарного врача Российской Федерации, в числе актов регионального

уровня – постановления Губернатора Тверской области [9, 11, 12, 13]. На этой основе были приняты соответствующие локальные нормативные акты ТвГУ [15].

В Тверском государственном университете, как и в любой другой образовательной организации высшего образования, действует большое количество локальных нормативных актов. Ключевым документом является устав университета. Важную роль играет коллективный договор. Различные направления деятельности вуза, правовой статус его структурных подразделений регулируют положения и другие локальные акты. В рассматриваемый период практически все нормативные документы ТвГУ были заменены новыми с учетом изменений законодательства.

В настоящее время действует устав университета, утвержденный Министерством науки и высшего образования Российской Федерации в декабре 2018 г. [10].

Регулярно обновляется коллективный договор Тверского государственного университета. Он играет важную роль в системе локальных актов университета. Его текст разрабатывается комиссией, составленной из представителей администрации университета и профсоюзного комитета. Состав комиссии утверждается приказом ректора.

Коллективный договор ТвГУ неоднократно получал высокую оценку профсоюзных органов Тверской области. В 2014 г. коллективный договор ТвГУ 2009 – 2012 гг. был признан в рамках конкурса обкома Профсоюза лучшим по эффективности среди вузов г. Твери.

В 2018 г. в региональном конкурсе, проводимым Федерацией Тверских профсоюзов, Коллективный договор ТвГУ 2016 – 2019 гг. был удостоен диплома победителя конкурса «Лучший коллективный договор». В 2020 г. коллективный договор университета 2019 – 2022 гг. также был удостоен почетного диплома Федерации Тверских профсоюзов как победитель регионального конкурса «Лучший коллективный договор».

В связи с происходившими переменами полное официальное название Тверского государственного университета, как, впрочем, и многих других вузов страны, было изменено. Новые наименования университета утверждались учредителем в соответствующих приказах и закреплялись в новых редакциях Устава университета. Так, в 2011 г. Министерством образования и науки полное наименование вуза было утверждено в следующем виде: «федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тверской государственный университет». В январе 2015 г. Министерством образования и науки вуз был переименован в федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет».

На основании этих документов издавались приказы ректора университета, утверждавшие новые печати, штампы, бланки документов, вывески и т.п. Такие приказы были изданы в июле 2011 г., феврале 2015 г. [16, 17].

С 2011 г. Тверской государственный университет участвует в проведении на своей базе регионального этапа всероссийской олимпиады школьников. Проведение этого этапа регулируется правовыми актами как федерального, так и регионального уровня [18]. Важную роль в регулировании порядка проведения регионального этапа олимпиады имеет государственный контракт, заключаемый по итогам конкурентных процедур между Министерством образования Тверской области и Тверским государственным университетом. Кроме этого, на уровне университета издаются приказы, обеспечивающие принятие различными службами вуза тех или иных мер по проведению олимпиадных соревнований, организации проживания участников олимпиады и т.д.

Отдельное место в правовой базе деятельности Тверского государственного университета занимают нормативно-правовые акты Тверской области и локальные акты университета, регулирующие образовательную деятельность на уровнях общего образования. Эта деятельность ведется в университете с 2012 г., когда в структуре вуза были созданы гимназические классы, преобразованные в дальнейшем в Академическую гимназию. Гимназия ТвГУ, получившая по решению ученого совета университета имя П.П. Максимовича, «продолжает лучшие традиции российского гимназического образования» [27, с. 205]. Университет, организуя образовательную поддержку детей, непосредственно участвует в реализации государственной политики по достижению национальных целей развития Российской Федерации на территории Тверского края [1]. Именно в интересах жителей Твери и Тверской области университет задействует свой кадровый, методический и организационный потенциал для дальнейшего развития системы выявления и поддержки талантов у детей и молодежи.

В 2017 г. по решению правительства Тверской области была модернизирована нормативная база по развитию системы поддержки одаренных детей с использованием потенциала всех образовательных организаций региона. Правовую основу ведения такой работы заложило постановление Правительства Тверской области [14].

В связи с этим Тверской государственный университет получил возможность участвовать в конкурсе проектов по организации круглосуточного жизнеустройства и углубленной подготовки одаренных и высокомотивированных обучающихся Тверской области. Таким образом, Тверская область вошла в число регионов Российской Федерации, в которых применяются те или иные модели организации образовательной поддержки талантов детей и молодежи с широким и

регулярным использованием потенциала организаций высшего образования [20, с. 153–163].

Летом 2017 г. проект ТвГУ занял первое место в конкурсе. В августе этого года в университет прибыли обучающиеся первого губернаторского класса, прошедшие конкурсный отбор, организованный Министерством образования Тверской области.

Первые локальные акты, регулирующие порядок проживания и обучения учеников губернаторского класса, были приняты в августе 2017 г. на заседании ученого совета вуза [19].

Таким образом, мы можем констатировать практически полное обновление правовой базы деятельности Тверского государственного университета, произошедшее в течение периода 2009 – 2021 гг. В составе этой базы повысилось значение такого компонента как федеральные подзаконные акты, устанавливающие порядок участия вузов страны в государственных программах. В связи с реализацией университетом целого ряда проектов по содействию инновационному развитию Тверской области увеличилась роль нормативно-правовых актов регионального уровня в составе правовой базы ТвГУ.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон Российской Федерации от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон Российской Федерации от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон Российской Федерации от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 мая 2021 г. № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 429 «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования, учитываемых при определении соответствия образовательных организаций высшего образования второй группе критериев допуска к отбору образовательных организаций высшего образования для оказания поддержки программ развития образовательных организаций высшего образования в рамках реализации

программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 397 «Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 декабря 2018 г. № 1218 «Об утверждении устава федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тверской государственный университет» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Главного санитарного врача Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 16 «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1/2.4. 3598-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации работы образовательных организаций и других объектов социальной инфраструктуры для детей и молодежи в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID – 19)» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Губернатора Тверской области от 23 июня 2020 г. № 95-пг «Об отмене отдельных ограничений, установленных в связи с введением режима повышенной готовности на территории Тверской области» // СПС «Гарант».

13. Постановление Губернатора Тверской области от 17 марта 2020 г. № 16-пг «О введении режима повышенной готовности на территории Тверской области» // СПС «Гарант».

14. Постановление Правительства Тверской области от 15 августа 2017 г. № 246-пп «О порядке предоставления грантов в форме субсидий некоммерческим организациям, не являющимся казенными учреждениями, на развитие системы выявления и поддержки одаренных и высокомотивированных обучающихся» // СПС «Гарант».

15. Приказ Тверского государственного университета от 10 мая 2020 г. № 520 – О «О мерах по реализации Приказа Минобрнауки России от 8 мая 2020 г. № 648 «О деятельности подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации организаций в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tversu.ru/sveden/document/> (дата обращения: 30.10.2021).

16. Приказ ректора Тверского государственного университета от 2 февраля 2015 г. № 78-О «Об утверждении новых печатей и бланков Тверского государственного университета» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tversu.ru/sveden/document/> (дата обращения: 30.10.2021).

17. Приказ ректора Тверского государственного университета от 18 июля 2011 г. № 654-О «Об утверждении новых печатей и бланков Тверского государственного университета» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tversu.ru/sveden/document/> (дата обращения: 30.10.2021).

18. Порядок проведения всероссийской олимпиады школьников, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 18.11.2013 г. № 1252 // СПС «Гарант».

19. Положение о губернаторском гимназическом классе Тверского государственного университета (регистрационный № 101-П от 23 октября 2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://gymnasium.tversu.ru/websites/55/ckeditor_assets/attachments/11560/pol_gc.pdf (дата обращения: 30.10.2021).

20. Барткова О.Г., Смирнов С.Н. Организационно-правовые основы моделей общего образования в пространстве вуза на современном этапе развития образования в России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 3. С. 153 – 163.

21. Гусева А.А. Российское законодательство об образовании: основные тенденции и перспективы развития // НОМОТЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2012. № 2 (121). С. 97–103 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-zakonodatelstvo-ob-obrazovanii-osnovnyye-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya/viewer> (дата обращения: 30.10.2021).

22. Завгородний А.В. Некоторые вопросы регулирования трудовых отношений в свете требований Федерального закона «Об образовании в российской Федерации» // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2015. № 3. С. 64–74 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-regulirovaniya-trudovyh-otnosheniy-v-svete-trebovaniy-federalnogo-zakona-ob-obrazovanii-v-rossiyskoy-federatsii/viewer> (дата обращения: 30.10.2021).

23. Зельгин С.Г. Образование как объект правового регулирования. Законодательство, регулирующее отношения в области образования // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2012. № 5. С. 49–59 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-obekt-pravovogo-regulirovaniya-zakonodatelstvo-reguliruyushee-otnosheniya-v-oblasti-obrazovaniya/viewer> (дата обращения: 30.10.2021).

24. Петров А.В., Горбатова М.К. Условия вступления в силу и особенности содержания нового Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3 (2). С. 9 – 17.

25. Пуляева Е.В. Концепция развития законодательства об образовании // Журнал российского права. 2010. № 8 (164). С. 5–15 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-razvitiya-zakonodatelstva-ob-obrazovanii/viewer> (дата обращения: 30.10.2021).

26. Сведения об образовательной организации // Сайт Тверского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tversu.ru/> (дата обращения: 30.10.2021).

27. Смирнов С.Н. Нормативная база и организационные ресурсы деятельности Тверского государственного университета по образовательной поддержке одаренных и высокомотивированных школьников Тверской области: опыт работы и новые проекты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 4. С. 201 – 209.

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

ON THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL FRAMEWORK FOR TVER STATE UNIVERSITY'S MANAGEMENT IN 2009–2021

S.N. Smirnov

Tver State University, Tver

The issues of improving the federal educational legislation and, in this regard, changes in the local regulatory framework for Tver State University's management in 2009–2021 are considered. The role of regional rule-making and law enforcement practice in the development of TSU is also analyzed in the aspect of the university's fulfillment of its support mission in innovative development of the Tver region.

Keywords: *Russia, educational legislation, universities, local acts, the Tver region, Tver State University.*

About author:

SMIRNOV Sergey – PhD in Law., associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

Смирнов С.Н. К вопросу о развитии правовой базы деятельности Тверского государственного университета в 2009 – 2021 гг. // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 138–146.

Проблемы организации учебного процесса

УДК 378:006.052

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.4.147

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОПК-6 У ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО» В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ В СТАТИСТИКЕ»

Н.О. Огаркова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются особенности преподавания курса «Использование автоматизированных систем в статистике» с учетом актуализированных ФГОС ВО 3++. Анализируются вопросы, связанные с работой обучающихся в статистическом пакете, для выполнения анализа деятельности ВЭД.

***Ключевые слова:** Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования, общепрофессиональные компетенции, статистический пакет, анализ.*

В результате освоения программы специалитета 38.05.02 «Таможенное дело» у выпускника должны быть сформированы общепрофессиональные компетенции, установленные Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования 3++ (далее – ФГОС ВО 3++). Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 25 ноября 2020 г. № 1453 были внесены изменения в ФГОС ВО 3++ по специальности «Таможенное дело» [2]. В частности, была добавлена общепрофессиональная компетенция ОПК-6 «Способен понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности».

Необходимость введения данной общепрофессиональной компетенции обусловлена стремительным развитием информационного общества и внедрением информационных технологий во все сферы деятельности человека. На сегодняшний день мы не представляем себе жизни без смартфона, компьютера, ноутбука с выходом в Интернет. Всевозможные услуги от медицинских до государственных мы получаем сейчас онлайн: запись к врачу, подача жалоб, исковых заявлений и т.д. Следовательно каждый будущий специалист должен иметь представление о современных информационных технологиях и обладать навыками работы с различными программными продуктами.

© Огаркова Н.О., 2021

Согласно ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационные технологии – это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [1]. Целью информационных технологий является производство информации для ее анализа человеком и принятия на его основе решения по выполнению какого-либо действия.

Формирование общепрофессиональной компетенции ОПК-6 согласно учебному плану специальности «Таможенное дело», реализуемой на юридическом факультете Тверского государственного университета, было отнесено к двум дисциплинам: «Информационные таможенные технологии» и «Использование автоматизированных систем в статистике».

Критериями успешного освоения специалистами данной компетенции будут являться два индикатора: ОПК-6.1 «Понимает основные начала работы современных информационных технологий», ОПК-6.2 «Использует современные информационные технологии для решения задач профессиональной деятельности».

Рассмотрим более подробно формирование общепрофессиональной компетенции ОПК-6 в ходе освоения дисциплины «Использование автоматизированных систем в статистике».

В рабочей программе данного курса в качестве цели освоения дисциплины заявлено обучение основам статистики и развития у обучающихся навыков использования методов и приемов статистического анализа в исследовании явлений и процессов в сфере деятельности таможенных органов. Одной из задач освоения дисциплины является приобретение навыков самостоятельной постановки и решения задач статистического анализа с применением программных средств общего и специального назначения [3].

В целях формирования компетенции ОПК-6 сначала необходимо изучить общие показатели статистики, в том числе и статистики внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД). Затем познакомиться с основами работы в специальном статистическом пакете «SPSS Statistics», который является программной платформой статистического анализа с широким набором функций. Умение работать в данной программе позволит осуществлять продвинутый статистический анализ данных, охватывающий решение всех задач от планирования и сбора данных до непосредственного анализа и построения отчетности, обеспечивая выработку качественных решений [4].

На практических занятиях обучающиеся разрабатывают анкеты для проведения социологического опроса. Затем готовят анкеты к компьютерной обработке данных, закодировав переменные, вводят данные анкет в созданный макет-файл и сохраняют его.

После подготовки макета можно приступить к анализу с помощью программы. Например, требуется определить какие шкалы необходимы для измерения переменных «Какие проблемы возникают у работников таможенного поста при осуществлении досмотра товаров?», «Как Вы оцениваете эффективность работы таможенного поста за последние три года?». Необходимо сформулировать значения переменных, т.е. варианты ответов.

На основании вычисления описательных статистик, таких как мода, стандартное отклонение, асимметрия и эксцесс, а также частоты и процентных соотношений необходимо определить характер распределения респондентов по категориям отношения к деятельности таможенного поста – переменная «мнение таможенников». По массиву данных можно построить столбиковую диаграмму.

Графический метод в статистике является продолжением и дополнением табличного метода. При графическом изображении статистических данных становится более выразительной сравнительная характеристика изучаемых показателей, отчетливее проявляется тенденция развития изучаемого явления, лучше видны освоенные взаимосвязи.

Итоговым заданием по освоению курса дисциплины «Использование автоматизированных систем в статистике» является проведение анализа ВЭД различных таможен Центрального таможенного управления (ЦТУ). Для анализа используются официальные данные, опубликованные на сайте ЦТУ. Необходимо рассчитать основные показатели ВЭД, построить графики и диаграммы, а также проанализировать эффективность деятельности таможни по оформлению таможенных деклараций; перечислению таможенных и иных платежей, администрируемых ФТС России, в доход федерального бюджета; по валютному контролю; таможенным правонарушениям; перемещению транспортных средств и физических лиц. Как видно из задания, объем обрабатываемых данных достаточно велик. Использование для выполнения задания статистического пакета «SPSS Statistics» значительно облегчит проведение анализа и даст возможность построения вероятностного прогноза динамики ВЭД таможен ЦТУ.

Усвоение общепрофессиональной компетенции ОПК-6, установленной ФГОС ВО 3++, и навыки работы обучающихся по специальности «Таможенного дела» в специализированных программных продуктах позволят им в дальнейшем использовать полученные знания для решения задач профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021 г.) [Электронный ресурс]. URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 10.11.21).

2. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 25 ноября 2020 г. № 1453 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 38.05.02 Таможенное дело» (с изм. и доп. от 26.11.2020 г.) // СПС «Гарант».

3. Огаркова Н.О. Рабочая программа дисциплины (с аннотацией) «Использование автоматизированных систем в статистике» [Электронный ресурс]. URL:

https://courses.tversu.ru/?scope_year=11&scope_form_of_training=%D0%9E%D1%87%D0%BD%D0%B0%D1%8F&scope_level=%D0%A1%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82&scope_study_year=&scope_semester=&scope_professors=&scope_exam_type=&scope_status=&scope_academic_program=70&scope_credits=&scope_name=&button= (дата обращения: 10.11.21).

4. IBM SPSS Statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibm.com/ru-ru/products/spss-statistics> (дата обращения: 10.11.21).

Об авторе:

ОГАРКОВА Наталья Олеговна – старший преподаватель кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); SPIN-код: 3865-1541; AuthorID: 1065615; e-mail: Ogarkova.NO@tversu.ru

**FORMATION OF GENERAL PROFESSIONAL COMPETENCE
OF THE OPK-6 AMONG STUDENTS IN THE SPECIALTY"
CUSTOMS "IN THE PROCESS OF MASTERING THE DISCIPLINE"
USE OF AUTOMATED SYSTEMS IN STATISTICS**

N.O. Ogarkova

Tver State University, Tver

The article discusses the features of teaching the course "Using automated systems in statistics" taking into account the updated FSES HE 3 ++. Issues related to the work of students in a statistical package for analyzing the activities of foreign economic activity are analyzed.

Keywords: *Federal State Educational Standard of Higher Education, general professional competencies, statistical package, analysis.*

About author:

OGARKOVA Natalya – senior lecturer in environmental law and legal support of professional activity of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33); SPIN-code: 3865-1541; AuthorID: 1065615; e-mail: ogarkova_n@mail.ru

Огаркова Н.О. Формирование общепрофессиональной компетенции ОПК-6 у обучающихся по специальности «Таможенное дело» в процессе освоения дисциплины «Использование автоматизированных систем в статистике» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 147–150.

О ДОПОЛНЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ РАБОЧЕЙ ПРОГРАММЫ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ПРАВОВЕДЕНИЕ»

Т.П. Сапронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются вопросы практического применения знаний, полученных студентами неюридических специальностей в рамках изучения дисциплины «Правоведение». По результатам проведенного анализа предлагается расширить вопросы рабочей программы изучением темы «Основы информационного права», положений Закона о порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации, исключив обязательность подробного изучения отдельных вопросов в рамках темы «Основы конституционного права». Отмечается положительный, практический интерес студентов к самостоятельной работе по составлению проектов документов в рамках изучения основ информационного законодательства, практическая значимость дополнительного изучения в рамках дисциплины «Правоведение» презентаций, подготовленных по отдельным правовым вопросам для студентов неюридических специальностей студентами юридического факультета ТвГУ.

Ключевые слова: рабочая программа, дисциплина, неюридические специальности, активное слушание, основы права, практический «бытовой» интерес, кружок.

В соответствии с Национальным планом противодействия коррупции в Российской Федерации продолжают проводиться мероприятия, направленные среди прочего на реализацию образовательных программ по антикоррупционной тематике.

В федеральных государственных образовательных стандартах теперь прямо предусмотрены компетенции, связанные с получением знаний по противодействию коррупции студентами неюридических специальностей в рамках изучения дисциплины «Правоведение». Последнее свидетельствует о реальной заинтересованности руководства страны в государственных и муниципальных служащих, соблюдающих положения международного и национального законодательства, избегающих факторов и ситуаций, связанных с конфликтом интересов, разбирающихся в вопросах дисциплинарного, административного и уголовного наказаний за совершение коррупционных правонарушений.

В то же время изучение основ антикоррупционного права влечет за собой и ряд трудностей. Распространяются они в равной мере как на преподавателя, так и на студентов по причине обширной законодательной базы, а также сложности в восприятии отдельных

терминов и положений указанной тематики. Касается это, в первую очередь, студентов неюридических специальностей, изучающих основы права в рамках дисциплины «Правоведение».

Не секрет, что преподаватели данной дисциплины часто сталкиваются с жалобами со стороны студентов на сложность юридических определений, содержащихся в тех или иных отраслях права. Как показала практика, сложны для восприятия вопросы гражданского права: понятия мнимой и притворной сделок, сроков исковой давности, двусторонней и односторонней реституции, неустойки, пени... Несмотря на максимально «расшифрованный» преподавателем материал, все равно по ходу лекции начинаешь замечать в аудитории заскучавшие или зевающие лица. И напротив, «жизнь» в аудиторию возвращается, когда начинаешь рассказывать о праве собственности физических лиц, совместной собственности супругов, сроках действия доверенности, порядке заключения отдельных видов договоров, защите прав потребителей.

При освещении основ конституционного права неактивна реакция студентов в вопросах изучения полномочий Президента и Правительства Российской Федерации, Совета Федерации. При этом реакция на изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации по результатам референдума в стране в 2020 г., иная: обучающиеся слушают внимательно, задают по ходу лекции уточняющие вопросы.

Здесь также будет уместным отметить заинтересованность студентов не всеми традиционно предлагаемыми в рабочей программе по дисциплине «Правоведение» вопросами в рамках изучения этих тем, а лишь теми, которые представляют для них практический, а бы так сказала, «бытовой» интерес.

Как правило, это темы, связанные с трудовым и семейным правом: особенности заключения трудового договора, разрешения трудовых споров, вопросы необоснованного увольнения и алиментных обязательств, соблюдения прав и защиты детей, оформления опеки и попечительства или такой формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, как приемная семья.

Неподдельный интерес у студентов вызывает и тема, связанная с изучением основ уголовного права, в том числе вопросы системы наказаний, предусмотренной Уголовным кодексом, оснований наступления и освобождения от уголовной ответственности. На примере разбора конкретного состава преступления достаточно легко усваиваются студентами такие юридические понятия, как субъект, объект, субъективная и объективная сторона преступления.

Также следует отметить, что студентов, вне зависимости от конкретного курса и специальности, особо интересуют права и обязанности сторон в рамках действия той или иной нормы права.

Например, в рамках изучения основ административного права студенты-«неправоведы» с особым практическим интересом слушают ту часть лекции, в которой подробно излагается порядок составления протокола об административном задержании, обращается внимание на процессуальные моменты, связанные с его оформлением и подписанием.

Студенты факультета журналистики в рамках изучения темы «Основы медийного права» активно составляют проекты запросов информации неограниченного доступа в УМВД России по Тверской области (при подготовке статьи о преступности несовершеннолетних); учатся обжаловать незаконные действия должностного лица, отказавшего в представлении запрашиваемой информации или представившей ее несвоевременно, составляя проект обращения в органы прокуратуры.

С учетом изложенного, считаю своевременным и полезным запрос студенческого сообщества на включение в рабочую программу по «Правоведению» лекции о порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации, поскольку в ходе изучения закона [1] студенты получают основы знаний, связанных с порядком подачи жалобы в государственные органы, оформлением обращения, знакомятся со сроками получения ответа и порядком его обжалования. Проверку полученных знаний предлагается проводить заданием по составлению проекта обращения (жалобы) по вопросам, непосредственно связанным с будущей профессиональной деятельностью студентов.

Специально отведенной для изучения в рамках дисциплины «Правоведение» лекции заслуживает и тема «Основы информационного права». Именно в рамках ее изучения студенты могут почувствовать себя не просто активными пользователями интернет-сетей, но и участниками информационных правоотношений, в рамках которых они автоматически принимают на себя бессрочные обязательства: не нарушать законодательство об охране интеллектуальной собственности; не практиковать вскрытие информационных систем и сетей передачи данных; не производить, не копировать и не использовать программные и технические средства информатики и телекоммуникаций без разрешения праволадельца. В ходе лекции отмечается и интерес студентов к видам информации, отраженным в Законе [2], особенностям доступа к ним (информации ограниченного и неограниченного доступа).

Также следует отметить особую практическую значимость дополнительного изучения студентами неюридических специальностей в рамках дисциплины «Правоведение» презентаций, подготовленных по отдельным вопросам права студентами юридического факультета ТвГУ (кружок «Академия права»). По результатам его работы будущие педагоги, журналисты, государственные управленцы и муниципальные служащие знакомятся с порядком оформления ипотеки, кредита на обучение, льгот на получение жилья для молодой семьи.

Список литературы

1. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения 25.09.2021).

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 25.09.2021).

Об авторе:

Сапронова Тамара Петровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического права и обеспечение профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»; SPIN-код: 8184-3045; e-mail: Saproнова.TP@tversu.ru

ON SUPPLEMENTING THE ISSUES OF THE WORKING PROGRAM ON THE DISCIPLINE "JURISPRUDENCE"

T.P. Saproнова

Tver State University, Tver

The issues of the practical application of the knowledge gained by students of non-legal specialties in the framework of the discipline "Jurisprudence" study of individual issues within the framework of the topic "Fundamentals of constitutional law". There is a positive, practical interest of students in independent work on the preparation of draft documents in the framework of studying the basics of information legislation, the practical significance of additional study within the discipline "Jurisprudence" presentations prepared on certain legal issues for students of non-legal specialties students of the Faculty of Law of Tver State University.

Keywords: *work program, discipline, non-legal specialties, active listening, foundations of law, practical "everyday" interest, circle.*

About author:

SAPRONOVA Tamara – PhD in Law, assistant professor of the department of environmental law and legal support of professional activity Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 8184-3045; e-mail: Saproнова.TP@tversu.ru

Сапронова Т.П. О дополнении содержания рабочей программы по дисциплине «Правоведение» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 151–154.

Трибуна молодого ученого

УДК 349.42

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.4.155

О ВЛИЯНИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

А.Ю. Мохов

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы», г. Волгоград

Обозначены основные направления влияния общемировых политико-правовых процессов на состояние нормативного обеспечения тенденций, непосредственно оказывающих воздействие на современное агропродовольственное законодательство, к которым относятся ситуация пандемии, а также санкционное воздействие на Российскую Федерацию со стороны отдельных государств и международных организаций. В контексте санкционного воздействия указывается интенсификация национального агропромышленного комплекса (АПК) – прежде всего в части повышения объемов национального сельского хозяйства, защиты прав граждан в сфере питания.

***Ключевые слова:** продовольственная безопасность, агропромышленный комплекс, глобализация, продовольственная помощь, санкционный режим, право на питание.*

Несмотря на развитие научно-технического прогресса, повсеместное внедрение информационных и иных современных технологий во все сферы жизни общества, актуальность продолжают сохранять обязанности государства по обеспечению наиболее базовых потребностей своих граждан. Потребность в питании не является исключением, поскольку способность каждого приобрести, вырастить, получить иными законными способами необходимое количество качественного, соответствующего индивидуальным потребностям организма и специфике его режима питания продовольствия представляется необходимой предпосылкой для активного участия человека в общественной и экономической жизни страны, свободного развития его личности. Данная задача является не только внутригосударственной, но и общемировой, поскольку отражает стремление международного сообщества обеспечить реализацию базовых прав для всего населения Земли, предотвратить региональные и глобальные экономические и политические кризисы. Исходя из этого, в контексте осознания универсальности продовольственной проблемы представляется возможным рассмотреть влияние процессов глобализации на состояние внутригосударственного правового

© Мохов А.Ю., 2021

регулирования продовольственных и связанных с ними аграрных отношений в Российской Федерации.

Рассматривая влияние общемировых тенденций, а также действий отдельных государств и международных организаций на состояние правового обеспечения продовольственной безопасности России, необходимо разделять термины «глобализация» и «правовая глобализация», так как они имеют различное содержание, отражающееся и на правотворческой деятельности. Сама по себе глобализация – это, прежде всего, создание единой модели поведения субъектов на основе внешнеэкономических связей, которая ведет к созданию всемирной социальной, экономической, политической и информационной системы, где отдельно взятое государство является одним из участников такой системы отношений, достигая своих внутренних целей только во взаимодействии с другими странами или международными объединениями [10, с. 6].

В области агропродовольственных отношений глобализация проявляется, прежде всего, с развитием экспортно-импортных цепей между странами, созданием и исполнением единых фитосанитарных, ветеринарных стандартов, правил таможенных операций, единой маркировки грузов с продовольствием. Примером такой региональной экономической системы (в пределах которой осуществляются, например, оборот и поставки сельскохозяйственной продукции и сырья) является Евразийский экономический союз. Российская Федерация как активный участник Союза, основной экспортер и импортер большинства товаров в его границах оказывает воздействие, в числе прочего, и на внутреннее законодательство других государств, участвующих в ЕАЭС (например, изменение стандартов качества молочной продукции в Республике Беларусь в связи с требованиями санитарных норм России, как одного из импортеров, введение обязательной маркировки продуктов из молока) [9]. Кроме того, необходимость активного участия Российской Федерации в экспортных отношениях предусматривается и действующей Доктриной продовольственной безопасности, принятой в начале 2020 г. [8]. Согласно документу, реализация экспортного потенциала агропромышленного комплекса страны обозначена в качестве направления по обеспечению продовольственной безопасности страны вне зависимости от внешних и внутренних условий (п. 17 документа), что указывает на стратегический характер экспортного элемента в общей структуре сельскохозяйственного рынка Российской Федерации. В той же норме обозначен приоритет внутреннего обеспечения национальной экономики отечественным продовольствием, что в полной мере соответствует социальным обязательствам Российской Федерации перед своими гражданами. Доктриной указывается также и необходимость обеспечения продовольственной безопасности внутри Евразийского экономического союза, что, в свою очередь, свидетельствует о

главенствующем положении России в данном международном объединении. В связи с этим интересной представляется концепция «продовольственного режима государства», связанная с реальной возможностью государства, имеющего крупный экспортный потенциал, оказывать воздействие на экономику государств-импортеров, распространяя политическое влияние на страны с развивающимися торговыми системами [11].

Наряду с участием страны во всемирной и региональной продовольственных системах, процессы глобализации оказывают и негативное воздействие на состояние внутренней аграрной сферы, обуславливая необходимость соответствующего законодательного реагирования. Так, до сих пор не снятые с Российской Федерации экономические санкции стран Запада, а также введенные ответные «контрсанкции» (не в последнюю очередь связанные с запретом ввоза сельскохозяйственной продукции из стран, введших аналогичные ограничения против России), являясь во многом политическим фактором, повлекли за собой правовые меры. Законодателем установлены требования по обязательным закупкам для государственных и муниципальных нужд исключительно отечественной продукции, регламентирован порядок таможенного контроля и утилизации «санкционной» продукции, подпадающей под запреты; Доктриной продовольственной безопасности 2020 г. скорректирован в сторону увеличения ряд показателей самообеспеченности внутреннего рынка отечественной продукцией в части тех продуктов питания, которые ранее активно импортировались (мясо птицы, молочная продукция и т.д.).

Необходимость повышения количества производимой сельхозпродукции как для исполнения внешнеэкономических обязательств, так и, прежде всего, для насыщения внутреннего аграрного рынка требует интенсификации использования земель сельскохозяйственного назначения, внедрения в оборот новых земельных ресурсов, усиления государственного контроля за использованием участков, особенно крупными агропромышленными предприятиями.

Действующим гражданским и земельным законодательством (ст. 284, 285 Гражданского кодекса РФ; ст. 54, 54.1 Земельного кодекса РФ) предусматривается специальный механизм изъятия земельных участков сельскохозяйственного назначения, которые фактически не используются собственниками либо используются с нарушением целевого применения и экологических требований. С целью совершенствования контрольного механизма в данной сфере Правительством РФ в сентябре 2020 г. разработаны обновленные Методические рекомендации, которые должны применяться органами государственного и муниципального земельного контроля при

определении признаков нецелевого (целевого, но с существенными нарушениями) использования земельного участка из категории земель сельскохозяйственного назначения [6]. Изъятие земельного участка из собственности представляет собой специальный механизм юридической ответственности, которая во многих специальных исследованиях носит название земельно-правовой, связанной с существенным снижением плодородия почвы или нанесением вреда природной среде в связи с действиями (бездействием) собственника [5, с. 166]. Как представляется, при реализации контрольных функций соответствующие органы и должностные лица должны руководствоваться не только соображениями обязательного формального соблюдения земельно-правовых требований, но и реальными возможностями собственника использовать находящийся у него участок (в том числе, и в связи с негативным внешним воздействием), состоянием соседских земельных участков. В области обеспечения продовольственной безопасности земельно-правовые требования обуславливаются, прежде всего, приоритетом использования и специальной охраны земель сельскохозяйственных угодий по отношению к другим землям из состава этой же категории (п. 1 ст. 79 ЗК РФ).

Одновременно с этим, глобальные тенденции оказывают и существенное положительное воздействие. Так, активное использование информационных технологий в сельском хозяйстве, начавшееся в зарубежных странах, постепенно приходит в отечественный опыт деятельности субъектов агропромышленного комплекса. Применение информационных систем в целях обеспечения продовольственной безопасности страны можно рассматривать, как минимум, в трех аспектах:

1. Собственно информатизация производственных процессов в растениеводстве и животноводстве – системы «точного земледелия» (определение при помощи спутниковых систем состояния конкретных участков земель, используемых хозяйствующим субъектом; на основе анализа информации принимаются решения о внесении удобрений в определенные участки, поливе и иных мелиоративных мероприятиях), надзор за состоянием скота, находящего на выпасе и (или) на территории предприятия.

2. Применение телекоммуникационных систем в целях мониторинга текущего состояния продовольственной безопасности, анализа полученных данных и разработки прогнозов состояния продовольственной независимости и самообеспеченности. Отдельным Постановлением Правительства Российской Федерации разработан целый ряд критериев, учитываемых при оценке состояния продовольственной безопасности, – не только экономические показатели производства и реализации отечественной сельскохозяйственной продукции, но и уровень цен на основные продовольственные товары,

занятость на селе и т.д. [7]. Как представляется, в рамках мониторинга состояния продовольственной безопасности обязательно должны учитываться факторы состояния социальной сферы, связанные с достаточным и качественным питанием: заболеваемость от болезней, обусловленных недоеданием; средняя платежеспособность сельского населения; уровень трудовой миграции в аграрной среде и т.д. На основе интегрированной оценки всех показателей государство не только определяет собственно уровень продовольственной независимости, но и вырабатывает, реализует меры поддержки субъектов АПК применительно к особенностям и потребностям отдельной местности – что особенно важно в условиях российского федеративного государства. Конституционные новеллы 2020 г., в числе которых было добавление вопросов сельского хозяйства к сферам совместного ведения федеральных и региональных органов государственной власти (изменение п. «д» ст. 72 Конституции РФ), «закладывают» новые принципы участия регионов в общероссийском механизме обеспечения продовольственной безопасности.

3. Посредством информационных технических средств осуществляются совершенствование и повышение эффективности публично-властного контроля в области агропродовольственных отношений. Прежде всего, стоит отметить уже существующее применение систем спутникового наблюдения при мониторинге состояния земель сельскохозяйственного назначения, формирование на основе спутниковых данных уточненных кадастровых карт с определением используемой при налогообложении землепользования кадастровой стоимости. С точки зрения перспективных технологий стоит выделить возможности применения беспилотных летательных аппаратов при текущем контроле землепользования, внесение данных о землепользовании и состоянии отдельных предприятий АПК в единые информационные базы.

Наряду с глобализацией общим понятием международных процессов, в том числе экономических, следует выделять категорию «правовая глобализация», которая заключается в разработке и реализации юридических предписаний, имеющих единообразное применение на территории всех стран, входящих в состав международных организаций, а в перспективе – и во всех государствах мира.

При реализации мер по обеспечению продовольственной безопасности стоит выделить два направления правовой глобализации в данной сфере. Прежде всего, речь идет о закреплении на уровне Организации Объединенных Наций права каждого на питание как естественного права, данного каждому с рождения. Статьями 11.1 и 11.2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [4] указывается, что право человека и его семьи на достаточный

уровень жизни включает в себя, в числе прочего, и «достаточное питание», необходимое для «свободы от голода и недоедания». Реализация права на питание на международном уровне заключается в деятельности Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО ООН), провозглашающей предоставление каждому не только физический, но и экономический доступ к продовольствию (т.е. цены на основные продукты питания), средств для его получения [3]. На уровне национального законодательства это право может не закрепляться в качестве отдельной нормы конституционного акта, однако механизмы реализации уже существующих прав и свобод человека должны раскрывать требования ООН в части права на питание. Правовая система Российской Федерации также не является исключением. «Право на питание» рассматривается в системе правового статуса личности как составляющая права на достойные условия жизни и свободное развитие личности, условия для которого должны обеспечиваться в соответствии со ст. 7 Конституции РФ; достойные условия жизни на селе – важная предпосылка для нормального функционирования АПК и, следовательно, обеспечения продовольственной безопасности [1, с. 43].

В целях развития механизмов обеспечения права на питание в России перспективным направлением представляется не только прямая финансовая поддержка, но и создание приемлемых условий для самостоятельного занятия гражданами сельским хозяйством, повышение «привлекательности» аграрного сектора экономики, прежде всего для малого и среднего предпринимательства. Поддержка именно этого участка бизнеса обусловлена в определенной степени процессом глобализации – к числу необходимых мероприятий, которые должны осуществлять отдельные государства для преодоления продовольственных проблем, связанных с пандемией коронавируса, ФАО ООН относит в своем докладе «поддержку способности мелких фермерских хозяйств наращивать производство продовольствия» [2]. Действующее российское законодательство предусматривает целый ряд специфических организационно-правовых форм занятия гражданами сельским хозяйством (крестьянские (фермерские) хозяйства, кооперация, личное подсобное хозяйство и т.д.), каждая из которых должна получить прозрачную нормативную базу, адекватную административную и фискальную нагрузку, меры организационной поддержки. В качестве положительной практики можно выделить способствование сельскохозяйственной деятельности в рамках мер социальной поддержки (например, льготы при создании и работе личных подсобных хозяйств на основе социального контракта) – прямо не участвуя в функционировании крупного и среднего агробизнеса, они способны решить проблемы продовольственного обеспечения отдельных домохозяйств.

Таким образом, глобализация, которая может одновременно рассматриваться и как комплексный социально-экономический,

политический процесс, и как развитие единообразных правовых принципов и предписаний, ввиду значительного места России в мировом сообществе, на мировом аграрном рынке продолжает оказывать большое влияние на состояние нормативного обеспечения национальной продовольственной безопасности. Испытывая негативное целенаправленное санкционное воздействие, претерпевая последствия глобального социально-экономического кризиса, российский законодатель путем правотворчества создает дополнительные механизмы повышения доли и абсолютных объемов отечественной сельхозпродукции, защиты права каждого на достаточное и доступное питание, занятия гражданами сельским хозяйством – в том числе, используя положительный зарубежный опыт аграрно-правового регулирования.

Список литературы

1. Воронин Б.А. Право на достойные условия жизни – конституционное право сельского населения // *Управленец*. 2011. № 1. С. 40–47.
2. Вспышка коронавирусной инфекции COVID-19 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-сайт ФАО ООН. URL: <http://www.fao.org/2019-ncov/ru/> (дата обращения: 16.07.2021).
3. Изложение фактов Управления Верховного комиссара ООН по правам человека № 34 «Право на достаточное питание» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet34ru.pdf> (дата обращения: 16.07.2021).
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1976. № 17 (1831).
5. Навасардова Э.С., Нутрихин Р.В. Принудительное изъятие земельного участка как санкция земельно-правовой ответственности в России и странах Евразийского экономического союза // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 4. С. 165–170.
6. Постановление Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации» // СПС «Гарант».
7. Распоряжение Правительства РФ от 10 февраля 2021 г. № 296-р «Об утверждении перечня показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2021. № 8 (ч. III). Ст. 1385.
8. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2020. № 4. Ст. 345.
9. Указ Президента Республики Беларусь «Об изменении Указов Президента Республики Беларусь» от 6 января 2021 г. № 9 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-сайт Президента Республики Беларусь. URL:

<https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-9-ot-6-yanvary-a-2021-g> (дата обращения: 16.07.2021).

10. Щетинин С.А. Правовая глобализация: понятие и основные формы (теоретико-методологические аспекты): автореф. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 28 с.

11. Rioux S. Rethinking food regime analysis: An essay on the temporal, spatial and scalar dimensions of the first food regime // Journal of Peasant Studies, 2017. № 4. Pp. 1–24.

Об авторе:

МОХОВ Артем Юрьевич – аспирант кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы» (Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8); SPIN-код: 7972-6430; e-mail: aumohov@mail.ru

ON THE IMPACT OF GLOBALIZATION ON LEGAL SUPPORT OF FOOD SECURITY IN RUSSIA

A.Yu. Mokhov

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd

The main directions of the influence of global political and legal processes on the state of regulatory support of trends that directly affect modern agri-food legislation, which include the situation of a pandemic, as well as the sanctions impact on the Russian Federation from individual states and international organizations, are indicated. intensification of the national agro-industrial complex (AIC) - primarily in terms of increasing the volume of national agriculture, protecting the rights of citizens in the field of nutrition.

Keywords: *food security, agro-industrial complex, globalization, food aid, sanctions regime, right to food.*

About author:

МОКHOV Artem - post-graduate student of the department of constitutional and administrative law of Russian Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Volgograd, Gagarina st., 8); SPIN-code: 7972-6430; e-mail: aumohov@mail.ru

Мохов А.Ю. О влиянии глобализации на правовое обеспечение продовольственной безопасности России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 155–162.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право
решением Президиума ВАК включён в Перечень российских
рецензируемых научных журналов в редакции 2015 года, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 4 (68), 2021

Подписной индекс: **80208** (каталог российской прессы «Почта России»)

Подписано в печать 24.12.2021. Выход в свет 27.12.2021.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,13.

Тираж 500 экз. Заказ № 391.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в редакционно-издательском управлении

Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел. РИУ: 8 (4822) 35-60-63. *Цена свободная.*